

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ АССОЦИАЦИИ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

РУССКОЕ ПОЛЕ №2(23)

2019
ВЫХОДИТ С 2010 ГОДА

ЖУРНАЛ ВЫПУСКАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПОСОЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

СОДЕРЖАНИЕ

Поле
славы

Борис Шаповалов. Герои днестровских плацдармов..... 3

ИНФО - поле
АРП РМ

«Святое дружбы торжество» – **Алексей Полубота, Светлана Василенко, Валентина Поликанина, Алексей Ахматов, Сергей Главацкий и Олеся Рудягина** о Шестом Международном фестивале русской литературы в Молдове «Пушкинская горка» – каким он запомнился..... 13
«Отчизне посвятим!». Фоторепортаж..... 24

Лермонтову
- 205 лет

Сергей Пилипецкий. «И в небесах я вижу Бога» 28

Поле
притяжения

Геннадий Рудягин. Благая весть. Рассказы..... 37

Взлётная
полоса

Аллисон Норел. «Наверно, есть те, кто умеет прощать...» 52
Евгений Лебедев. «И сколько ждать, чтоб мне взлететь, как птица...»..... 56

Воскресение

Наталья Лясковская. Сквозь горнила сомнений. (Записки разных лет) 61

Дом
Пушкина

Виктор Кушниренко. «К нему слетит моя признательная тень...» (К 110-летию со дня рождения Бориса Трубецкого) 66

Упыганского
костра

Ляля Черткова. Так карты легли..... 71
Ольга Иванова. Таборные люди..... 77
Бронислава Вайс (Папуша)..... 83
Валерия Янышева..... 84
Лилит Мазикина..... 89

Марина Сычёва. И это всё не зря	95
Муза Гончарова. Там, где начинается горизонт	98

Алексей Дигоре. «...И не поблекнут милые черты»	102
--	-----

Олег Монах (Мичник). Перочинный меч. Стихи	110
---	-----

Ольга Гарусова. «Свободный трубадур питерский»	119
---	-----

Юрий Субботницкий. Свет далёкой звезды. (Отрывок из повести)	128
--	-----

Сергей Сулин. Эта долгая дорога	146
Татьяна Зубкова. Бобышка-воробышка	150
Арина Кирсанова. Сегодня будет Рождество	152

Андрей Ростовцев. Ой, се ля ви, или Чернокнижник Иван Таукчи	156
--	-----

Учредитель и главный редактор: *Олеся Рудягина*
 Литературный редактор и корректор: *Нелли Торня*
 Художник: *Сергей Сулин*
 Вёрстка: *Людмила Ильина*

E-mail: russkoeполе-md@mail.ru

ISSN 1857-1301

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Перепечатка материалов – только с разрешения редакции журнала «Русское поле».

ПОБЕДИТЕЛИ

БОРИС ШАПОВАЛОВ

ГЕРОИ ДНЕСТРОВСКИХ ПЛАЦДАРМОВ

В боях за освобождение Молдавии от фашистских оккупантов огромную роль сыграли плацдармы, захваченные советскими войсками весной 1944 года. Именно здесь погибло подавляющее большинство бойцов в ходе подготовки к Ясско-Кишинёвской операции. Однако бои на этих плацдармах обеспечили неожиданность удара на основных направлениях наступления 2-го и 3-го Украинских фронтов и успех всей наступательной стратегической операции Красной Армии 20-29 августа 1944 года.

Плацдарм – это участок местности, которым овладели наступающие войска при форсировании водной преграды или удерживаемый отступающими войсками на её противоположном берегу. «Малая земля», «огненный плацдарм» – так назывались клочки земли, отвоёванной у противника, являвшиеся, по сути, стартовой площадкой для дальнейшего продвижения войск. Тактические плацдармы захватываются с ходу передовыми отрядами, авангардами, а затем расширяются в оперативные плацдармы силами вводимых в бой вторых эшелонов войск и резервов. Наличие крупных плацдармов обеспечивает сосредоточение на них мощной группировки войск для проведения наступательных операций в благоприятных условиях. Форсирование любой водной преграды, на берегу которой уже закрепился противник, – очень опасное военное действие, влекущее за собой большие потери наступающей стороны.

Гитлеровцы всеми силами стремились остановить наступление советских войск, приближавшихся к границам Молдавии. Противник занимал выгодные оборонительные рубежи, прежде всего по Днепру, Южному Бугу, Днестру, Пруту. На берегах этих рек фашисты заранее готовили оборону. Отступающая немецкая армия взрывала мосты.

Гитлеровское командование поставило перед войсками группы армий «Южная Украина» задачу: занять оборону на правом берегу Днестра и Днестровско-

Форсирование реки

Переправа

заморозки превращалась в ледяной панцирь. Дороги становились месивом из вязкой грязи, которая пудовыми гирями налипала к сапогам бойцов. Под обстрелом противника приходилось ложиться прямо в грязь.

Не только автомашины и танки, но и повозки отставали на десятки и даже сотни километров от наступающей пехоты. Орудия, пулемёты, миномёты и боеприпасы, без которых невозможно вести бой, солдаты вынуждены были нести на себе.

Сутью битвы за Днестр была необходимость преодолеть оборону противника до того, как немцы и их союзники – румыны закрепятся на западном берегу. Если медлить, враг на нём осядет, окопается, соорудит дзоты и превратит реку в неприступный рубеж. Это привело бы к колоссальным потерям, тем более что западный берег Днестра возвышается над восточным. Обходя колонны немцев и румын, идущих на переправу, наши войска форсировали реку, на которой ещё толком никто не успел закрепиться, и отбивали атаки. А, закрепившись, расширяли плацдарм и с него уже двигались дальше. Создание плацдармов нарушало целостность обороны противника, создавало благоприятные условия для сосредоточения и развёртывания на них ударных группировок для последующей наступательной операции.

Все мы слышали о Шерпенском, Кицканском, Варницком плацдармах, но сколько было их на самом деле на нашей земле, как они назывались и какие события имели место при сражениях на них?

Судьба плацдармов была разной. Некоторые довольно быстро расширялись и становились опорой, отталкиваясь от которой части Красной Армии шли далее на запад. Так, к примеру, произошло на Днестре севернее Дубоссар. Плацдарм, захваченный в районе Яруга-Сороки, куда 17 марта 1944 года вышли передовые отряды 52-й армии и 2-й танковой армии 2-го Украинского фронта. В ночь с 17 на 18 марта штурмовые группы переправились через Днестр и захватили плацдарм. Уже через сутки сапёры 52-й армии организовали пять переправ, что позволило перекинуть на западный берег главные силы армии. 52-я, не теряя темпов, практически сразу устремилась на запад. А территория МССР по Днестру выше Резины и Рыбницы превратилась в глубокий советский тыл. Сороки до 24 августа 1944 года стали временной столицей Молдавской ССР.

Другие плацдармы превращались в кровавые мясорубки на несколько недель, где немецкие танки и советские десантники вступали в смертельные схват-

го лимана, чтобы не допустить наступающие советские войска в Пруто-Днестровское между-речье. В этом противнику помогали погодные условия зимне-весеннего периода 1944 года. Мороз и снегопад часто сменялись оттепелью с мокрым снегом и дождями. Солдаты и офицеры в сырых окопах или на марше при дожде и холодном ветре были в насквозь промокшей одежде, которая в ночные

ки. Только подошедшие резервы позволяли нашей армии сломить ситуацию, и бойцы, похоронив товарищей, шли дальше под огнём освобождать Европу от фашизма. Примером может служить штурм немецкого опорного пункта в районе Суслен.

Несколько захваченных плацдармов советская армия была вынуждена оставить. Так, покинула западный берег Днестра 8-я гвардейская армия в районе Паланка – Раскаец – Олонешты. Весеннее апрельское половодье Днестра просто затопило этот плацдарм.

В апреле 1944 года 2-й и 3-й Украинские фронты захватили семь плацдармов на правом западном берегу Днестра южнее Дубоссар.

Впоследствии в результате установления новой разграничительной линии между двумя Украинскими фронтами все Днестровские плацдармы отошли под контроль 3-го Украинского фронта.

Четыре днестровских плацдарма стали военной и народной легендой. Бои здесь продолжались почти пять месяцев.

Шерпенский плацдарм (его называли ещё Ташлыкский): Пугачены – Шерпены – Спя.

Варницкий: Варница – Гура-Быкулуй.

Кицканский: Кицканы – Меренешты – Копанка.

Чобручский: Талмазы – Чобручи – Раскаец – Пуркары – Олонешты.

Были периоды боевых действий, когда отдельные мелкие плацдармы объединялись в более крупные или вообще исчезали. И потому появлялись различные названия этих плацдармов, что вводит в заблуждение многих современных исследователей тех событий.

Как правило, плацдармы именовались по названию населённого пункта, рядом с которым они появлялись. Зачастую современное название плацдарма не совпадает с тем, которое он носил в годы войны. Это случалось потому, что они завоёвывались в местах, отдалённых от населённых пунктов, которые были центрами вражеской обороны, а с советской стороны находился другой населённый пункт, именем которого иногда и называли плацдарм. Также они часто носили двойное название. Например, дивизии, воевавшие на плацдарме рядом с Варницей, считали, что сражались на Варницком плацдарме, а дивизии, захватившие плацдарм рядом с селом Гура-Быкулуй – на плацдарме Гура-Быкулуй. Хотя это две составные части одного и того же плацдарма, который в итоге в военную историческую науку вошёл под названием Варницкого.

Шерпенский плацдарм – современное название. Там самое большое захоронение погибших советских воинов, в этом месте был построен мемориальный комплекс, открытый в 2004 году. А плацдарм по фронту занимал территорию от села Спя и до села Пугачены. Захваченный войсками 5-й гвардейской армии 2-го

Бой за плацдарм

Украинского фронта между Шерпенами и Пугаченами назывался Пугаченским. А плацдарм между Спеей и Шерпенами, захваченный войсками 68-го стрелкового корпуса 57-й армии 3-го Украинского фронта, именовался как Шерпенский. Сами же Шерпены, ставшие центром этого первоначально большого плацдарма, во время многомесячных боёв переходили несколько раз из рук в руки. Этот плацдарм в документах штабов советских войск в годы войны, как уже было сказано, чаще всего именовался как Ташлыкский или Буторский, так как в сёлах Бутор и Ташлык на левом берегу размещались штабы соединений и корпусов, их передовые склады обеспечения, действовала переправа.

В большинстве воспоминаний днестровский плацдарм южнее Бендер называется «Кицканский». Но некоторые авторы иногда используют и названия «Копанский плацдарм» или «Копанско-Кицканский плацдарм». Это объясняется тем, что он был большим, на нём располагались три населённых пункта: Кицканы, Копанка и Меренешты. Плацдарм в летние месяцы 1944-го войны называли часто по названиям сёл, где располагалась их дивизия, воинское подразделение. Официальное название плацдарма, которое используется во всех фронтовых документах и под которым он вошёл в историю Великой Отечественной войны, – Кицканский плацдарм. Там находились НП и часть штаба 37-й армии, штабы некоторых корпусов и дивизий, склады боеприпасов и продовольствия, был развёрнут передовой госпиталь армии.

Нельзя не упомянуть и два клочка советской земли, бои за которые были не менее жестокими, но про них часто забывают. Это немецкие плацдармы на восточном берегу Днестра. Один в районе «Кошницкой бутылки» – Кошница, Пырыта, Дороцкая и Погребя – удерживался фашистами пять месяцев и унёс немало жизней наших воинов, которые пытались вытеснить с него немецкие войска. Передний край этого вражеского плацдарма проходил вдоль современной дороги Григориополь – Дубоссары.

Особенно много советских офицеров и солдат 5-й Ударной армии (тогда под командованием генерал-лейтенанта Цветаева) погибло во время неудачной попытки 14 – 20 мая выбить немцев с этого плацдарма на левом берегу Днестра. Кстати, за эту провальную операцию генерал Цветаев 27 мая 1944 года был отстранён, его на посту командарма 5-й Ударной армии сменил генерал-лейтенант Берзарин. С другого немецкого плацдарма (район сёл Тея – Токмозея) советские войска выбили немцев довольно быстро, на это ушло около двух недель.

Река Днестр в марте-апреле обычно полноводна от тающих в Карпатах снегов и дождей, выходит из берегов и заливает плавни. Ширина реки при быстром течении воды в этот весенний период достигала 200 метров, глубина – до шести метров. Форсировать её с ходу, без подготовки было очень непросто и представляло большую опасность для жизни, требовало от солдат и офицеров десанта и штурмовых групп большой смелости, выдержки, мастерства. По реке неслись ещё не растаявшие грязно-серые льдины, многочисленные брёвна, коряги, деревья, трупы животных и нередко людей. Вода была очень холодной, а течение – быстрым. Вплоть до начала мая в отдельные дни и ночи бывали заморозки. Штатные переправочные средства наступающих дивизий в условиях весенней распутицы отстали на десятки и даже сотни километров. Боеприпасы порой перебрасывались к наступающим частям авиацией. Воины начали готовить подручные средства

для форсирования Днестра. В ход пошли рыбацкие лодки, двери, ворота, доски, бочки из-под горючего. Даже плотно связанные снопы из сухих стеблей кукурузы и камыша.

Нередко бойцы, оказавшиеся в ледяной воде, несли на себе оружие и боеприпасы, а после такой переправы в промокшем насквозь обмундировании вели неравный бой с превосходящими силами противника. Чтобы обеспечить высадку подкрепления и тяжёлого вооружения, требовалось подавить огневые точки и заставить врага отступить от берега реки.

В ночь на 12 апреля 1944 года наступающие армии 3-го Украинского фронта освободили практически всё левобережье Днестра южнее Дубоссар (севернее на Днестр вышли соединения 2-го Украинского фронта).

Были освобождены Тирасполь, Григориополь, сёла – Суклея, Карагаш, Слободзея, Чобручи (левобережные) и другие населённые пункты. Быстро на широком фронте наши войска форсировали Днестр и захватили плацдармы на правом берегу в районе Варницы и Гура Быкулуй, Копанки и Кицкан, Шерпен и Пугачен.

Особенно упорные бои велись за гребень кицканских высот войсками 82-го стрелкового корпуса генерала Кузнецова и 6-го гвардейского корпуса генерала Котова, 37-й армии генерал-лейтенанта М. Шарохина. К исходу дня 12 апреля войска армии вышли на рубеж Кицканы, берег реки Ботны, Фынтына-Мускулуй, Леонтьево.

Варницкий плацдарм был отбит у врага 57-м корпусом генерала Остащенко. В ходе операции оба плацдарма – и Кицканский, и Варницкий – оказались разобщены Бендерской крепостью. По своим первоначально небольшим размерам со сложным рельефом местности и в условиях весеннего половодья эти плацдармы не могли позволить развернуть на них большие силы для дальнейшего наступления.

Значимую роль в устойчивости вражеской обороны играла именно Бендерская крепость с системой многочисленных дотов, обведённых глубокими рвами и эскарпами. В бастионах крепости фашистами были установлены орудия крупных калибров, из которых они обстреливали оба берега Днестра, включая Терновку, Парканы, Тирасполь. Бендерская крепость со всеми своими укреплениями не позволила советским обескровленным и уставшим войскам продолжить наступление к Пруту, как этого требовала Ставка Верховного Главнокомандования.

Тем не менее, главный удар в Яско-Кишинёвской операции 20 августа 1944 года совершенно неожиданно для немецкого командования, вопреки всем правилам военной науки, был нанесён 3-м Украинским фронтом под командованием генерала армии Фёдора Ивановича Толбухина именно с «неудобного» Кицканского плацдарма. Удар был настолько неожиданным и мощным, что буквально расчленил в течение трёх дней наступления группу немецко-румынских армий «Южная Украина» на две части, в результате чего в окружение попала вся 6-я немецкая армия «мстителей».

12 апреля 1944 года войсками 3-го Украинского фронта, форсировавшими Днестр, в нескольких местах были захвачены Кицканский, Варницкий, Шерпенский плацдармы, а 13 апреля – Чобручский, Раскаецкий, Пуркарский и плацдарм у села Паланка. В течение четырёх месяцев на этих плацдармах шли ожесточённые бои.

Вперёд, на правый берег!

В ходе кровопролитных сражений 47 солдат и офицеров Красной Армии, отличившихся при форсировании Днестра и захвате плацдармов на его правом берегу, получили высокое звание Героя Советского Союза: шесть воинов на Кицканском плацдарме, 25 – на Варницко-Гура Быкуловском плацдарме, пятеро бойцов на Шерпенском, 11 на Раскаецком.

На Кицканском плацдарме:

24-й полк 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии: разведчик, гвардии старший сержант Ф. Маркин; командир сапёрного взвода, гвардии старший лейтенант И. Наумов, командир взвода пешей разведки гвардии лейтенант А. Ручин;

20-я гвардейская стрелковая дивизия: командир расчёта станкового пулемёта гвардии сержант 60-го стрелкового полка И. Карпов и командир стрелкового взвода, гвардии младший лейтенант 55-го стрелкового полка Г. Кузнецов; – командир батальона 573-го стрелкового полка 195-й стрелковой дивизии старший лейтенант Н. Шариков, батальон которого одним из первых переправился на плацдарм в районе Копанки и захватил господствующие высоты.

Варницкий плацдарм

Четыре месяца более двадцати частей и соединений Советской Армии, сменяя друг друга, день и ночь вели тяжелейшие бои в районе Бендер по преодолению мощнейшей обороны противника. О мужестве и отваге советских солдат, переправлявшихся в холодных водах Днестра под шквальным огнём фашистов и удержавших Варницкий плацдарм, свидетельствует убедительный факт: шесть воинов из одной только 15-й гвардейской стрелковой дивизии были удостоены звания Героя Советского Союза: А. Алексеев – заместитель командира 50-го гвардейского стрелкового полка, П. Самохин – командир 5-й роты 50-го гвардейского стрелкового полка, М. Сохин – стрелок-снайпер, Г. Яровой и А. Мелконян – гвардии старшие сержанты, командиры отделений из 11-го гвардейского отдельного сапёрного батальона 15-й гвардейской дивизии, А. Митряков – помощник командира взвода пешей разведки.

А командир 2-го стрелкового батальона 767-го стрелкового полка 228-й стрелковой дивизии майор А. Романенко, захвативший плацдарм у села Старые Липканы, трижды водивший свой батальон в рукопашную схватку 13 и 14 апреля, погибший в боях на Варницком плацдарме, удостоен этого высокого звания посмертно.

Село **Гура Быкулуй** расположено на правом берегу Днестра при впадении реки Бык и с трёх сторон окружено излучиной Днестра. Эта часть Варницкого плацдарма первой была захвачена подразделениями 52-й стрелковой дивизии 57-й армии. В жестоких боях на плацдарме за освобождение села Гура Быкулуй в апреле-августе 1944-го погибли 1298 солдат и офицеров.

За героизм, проявленный в боях по захвату этого плацдарма, и за подвиги, совершённые при освобождении села Гура Быкулуй, восемнадцати воинам было присвоено звание Героя Советского Союза. Это единственный Днестровский плацдарм, где 75 лет назад за проявленное мужество *одновременно 18 солдат и офицеров за одну боевую операцию были удостоены звания Героя Советского Союза*. В том числе 17 героев – воины одного соединения – 52-й стрелковой дивизии, а 15 бойцов – их однополчане. *Это уникальный случай в истории Великой Отечественной войны*. Восемнадцать героев – один подвиг. Разведчики, штурмовики и участники форсирования Днестра делали общее дело. Под шквальным артиллерийско-миномётным огнём шли в атаку и прорывали укрепленную оборону немцев на правом берегу реки. А потом, окопавшись, отбивали яростные контратаки противника.

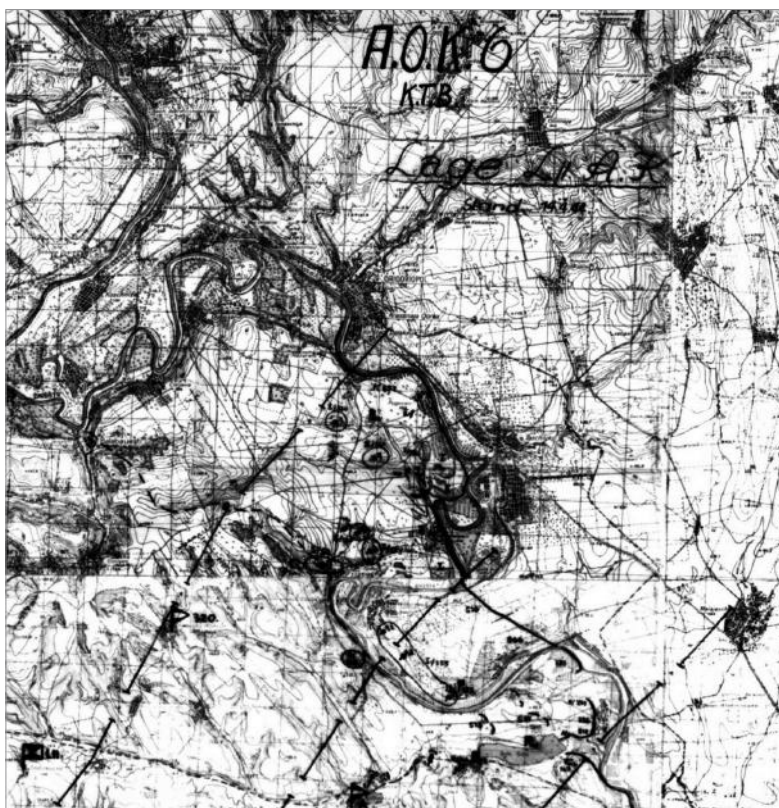
Первым переправился через Днестр 429-й стрелковый полк, обеспечив плацдарм для форсирования реки своим соседям – 431-му стрелковому полку, 52-й и 301-й стрелковым дивизиям. 22 воина 429-го стрелкового полка за особый проявленный героизм во время форсирования реки и захвата плацдарма на правом берегу, были представлены командованием полка к присвоению звания Героя Советского Союза. Пятнадцати из них это звание присвоено, а остальных бойцов, отличившихся при форсировании Днестра, наградили орденами.

Вот имена героев, участвовавших в боях за освобождение молдавского села Гура-Быкулуй: 429-й стрелковый полк 52-й стрелковой дивизии 57-й армии 3-го Украинского фронта: П. Бочарников – младший лейтенант, командир взвода – посмертно; С. Булда – рядовой, пулемётчик; Ю. Гуров – младший лейтенант, командир роты; И. Гусев – старший лейтенант, комсорг 429-го стрелкового полка; Камзин Канааш – лейтенант, командир роты – посмертно; И. Коряковский – лейтенант, командир миномётной роты; Н. Котлов – лейтенант, командир роты; И. Кузнецов – младший лейтенант, командир взвода – посмертно, умер от ран, похоронен в селе Малаешты; В. Кузьмин – младший лейтенант, командир миномётного взвода; И. Мороз – лейтенант, командир первого стрелкового батальона; Н. Невгодовский – рядовой, стрелок; М. Ралдугин – рядовой, стрелок; Ф. Ременной – старшина, комсорг стрелкового батальона; А. Ситников – сержант, наводчик миномёта; Д. Румянцев – капитан, командир 164-го отдельного сапёрного батальона 52-й стрелковой дивизии.

431-й стрелковый полк 52-й стрелковой дивизии: К. Кулаков – лейтенант, командир роты; В. Сербулов – старший лейтенант, командир роты.

1050 стрелковый полк 301-й стрелковой дивизии 9-го стрелкового корпуса 57-й армии: А. Щербак – рядовой, стрелок.

Шерпенский плацдарм – это стратегический плацдарм на правом берегу реки Днестр, в районе сёл Спя-Шерпены-Пугачены, захваченный в апреле 1944 года войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов. Плацдарм стал ареной полных драматизма боевых действий при захвате и удержании этого клочка земли на правом берегу Днестра весной и летом. Здесь в разные периоды четырёхмесячного противостояния героически сражались воины 5-й и 8-й гвардейских армий, 57-й и 5-й ударной армии. В боях на плацдарме принимали участие: 13, 14, 27, 35, 39, 47, 57, 60, 74, 79, 82, 88, 95, 97 гвардейские стрелковые дивизии, 9-ая воздушно-десантная дивизия, 93, 113, 214, 223, 295, 299 и 416 стрелковые дивизии. Сто дней

Немецкая карта Шерпенского плацдарма

и ночей эта пядь земли мужественно оборонялась воинами 295-й стрелковой дивизии 32-го корпуса 5-й ударной армии генерал-лейтенанта Николая Берзарина.

Наиболее ожесточённые бои шли у села Шерпены. В период боевых действий на плацдарме с апреля по август 1944-го погибло и пропало без вести около 13 тысяч советских солдат и офицеров.

За героизм, проявленный в боях на Шерпенском плацдарме, пяти солдатам и офицерам было присвоено звание Героя Советского Союза: Казак Жаркынбаев – гвардии младший сержант, наводчик орудия 287-го гвардейского стрелкового полка 95-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта; Антон Антонович Антонов – гвардии рядовой, пулемётчик ручного пулемёта 1-го стрелкового батальона 290-го гвардейского полка 95-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта; Сергей Васильевич Целых – гвардии капитан, заместитель командира батальона 290-го гвардейского стрелкового полка по политической части 95-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й гвардейской армии; Иван Петрович Коробкин – гвардии капитан, командир дивизиона 233-го гвардейского артиллерийского полка 95-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й гвардейской армии; Александр Ефимович Жежеря – гвардии сержант, командир пулемётного расчёта 289-го гвардейского стрелкового полка 97-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта.

Бессмертный подвиг Александра Матросова повторил на Шерпенском плацдарме командир отделения 352-й отдельной разведывательной роты 295-й

стрелковой дивизии 32-го стрелкового корпуса 5-й ударной армии старший сержант *Дмитрий Крыжановский*. В ходе разведки по захвату контрольного пленного 30 июля разведгруппа под его командованием была обнаружена противником и попала под прицельный пулемётный огонь. Командир группы закрыл собою амбразуру вражеского пулемёта, ценой своей жизни спасая боевых товарищей. Контрольный пленный был взят. До начала Ясско-Кишинёвской операции оставалось 20 дней. За проявленный героизм старший сержант *Дмитрий Крыжановский* был посмертно представлен к званию Героя Советского Союза, но был награждён орденом Отечественной войны I степени.

Раскаецкий плацдарм

На гранитной плите мемориала в селе Раскаец на Высоте Ломакина высечено: «Группа бойцов 105-го стрелкового полка 34-й гвардейской Енакиевской Краснознамённой стрелковой дивизии 46-й армии 3-го Украинского фронта первой прорвалась на правый берег Днестра, в ожесточённой схватке с превосходящими силами врага овладела его укреплением, обеспечив успешное форсирование Днестра наступающими частями Советской Армии».

Высота Ломакина названа в честь гвардии рядового Василия Ивановича Ломакина, пулемётчика 105-го гвардейского стрелкового полка.

Как свидетельствуют документы военных лет, одиннадцать гвардейцев, одним из которых был рядовой Ломакин, во главе с лейтенантом Васильевым-Кытиным героически выполнили боевое задание.

17 апреля 1944 года у села Раскаец они переправились через Днестр на подручных средствах, внезапно напали на врага и в ожесточённой схватке заняли важную господствующую высоту 107,5 на правом берегу реки. Значительными оказались и их трофеи: 45 винтовок, 38 автоматов, 5 пулемётов, не считая боеприпасов. Простой парень, которому не исполнилось ещё и 24 лет, рядовой Ломакин при взятии высоты поддержал атаку боевых товарищей огнём из ручного пулемёта. Подавил три снайперские точки и уничтожил 12 гитлеровцев. Воспользовавшись поспешным отступлением фашистов, он и ещё двое бойцов проникли на вражеские позиции. Там они смогли укрепиться; когда противник бросился в атаку, ударили по нему с тыла. Невероятно, но только один Василий Ломакин уничтожил в этой атаке 16 гитлеровцев. Однако это была не последняя контратака фашистов. За 36 часов боя гвардейцы лейтенанта Васильева-Кытина отбили 17 атак озверевшего врага и дважды сами поднимались в контратаку.

За образцовое выполнение заданий командования, проявленные мужество и героизм в боях с немецко-вражескими захватчиками одиннадцати воинам 34-й гвардейской стрелковой дивизии было присвоено зва-

Перед наступлением

Героям Кицканского плацдарма

Высота Ломакина у села Рэскэць

ние Героя Советского Союза: Борису Сергеевичу Васильеву-Кытину – гвардии лейтенанту, командиру взвода 105-го гвардейского стрелкового полка; Георгию Тимофеевичу Рыжову – гвардии старшему сержанту; гвардии сержантам, командирам отделений Александру Ивановичу Бирюкову, Фёдору Никитовичу Жиле, Николаю Васильевичу Чечулину; рядовым, стрелкам и пулемётчикам: Василию Ивановичу Ломакину – посмертно, Пантелеймону Афанасьевичу Гнучему, Талипу Латыповичу Нуркаеву, Владимиру Ивановичу Глазунову, Григорию Ефимовичу Коробову и Александру Васильевичу Балабаеву.

Слава и вечная память героям днестровских плацдармов...

Борис ШАПОВАЛОВ – историк, политолог, публицист, доктор философии в области социологии, преподаватель истории и гражданского воспитания высшей дидактической степени, член-корреспондент Международной кадровой академии.

Родился в 1958 году в селе Кицканы Слободзейского района МССР. Окончил Кишинёвский государственный педагогический институт им. И. Крянгэ, Межрегиональную академию управления персоналом. Автор более 50 изданий, в том числе семи книг о Великой Отечественной войне: «Кицканский огненный плацдарм», «Правда о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Лента нашей памяти», «Герои молдавской земли», «Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Документы, цифры, факты», «Освобождение Кишинёва от фашистской оккупации» и «Путь солдата: Сталинград, Курск, Кишинёв – Победа».

Член комиссии по культуре, образованию и науке Совета гражданского общества при президенте Республики Молдова, член Национального Координационного комитета «Победа» и Исполкома Союза офицеров Молдовы. За заслуги перед молдавским государством награждён Орденом Трудовой славы, медалью Штефана чел Маре.

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

ИНФО - поле
АРП РМ

«СВЯТОЕ ДРУЖБЫ ТОРЖЕСТВО...»

Шестой Международный фестиваль русской литературы в Республике Молдова «ПУШКИНСКАЯ ГОРКА», проходивший 29 ноября – 1 декабря в Кишинёве, Долне и Комрате, по словам его участников, объединил – насколько было у него сил и возможностей – не только пишущих и читающих людей Молдавии, России, Белоруссии, Украины, но и левый, и правый берега Днестра, чего не удаётся сделать политикам десятилетиями, а также регионы Молдовы – центр, Левобережье, Гагаузию. Объединил живопись, музыку и поэзию!

Мы едины в своём понимании значения Александра Сергеевича Пушкина, как мерила достоинства и чести, служения Отечеству, сострадания и чуткости души. После «Пушкинской горки» «продолжение следует» всегда и непременно! Творческие дружбы. Публикации. Новые встречи. Мы открываем миру Молдову не только в её самобытной национальной индивидуальности, но и в радостных вариациях – в произведениях её русских авторов. Мы открываем миру Александра Пушкина – нашего Пушкина! Русская литература Республики Молдова замечательна и многогранна. Потерпев колоссальный слом в 90-е, когда чуть ли не все русскодумающие литераторы уехали или умерли, она возродилась и снова звучит!

В МОЛДАВИИ ПУШКИН ОКАЗАЛСЯ СИЛЬНЕЕ ПОЛИТИКИ

В декабре Кишинёв на несколько дней стал столицей празднования 220-летия со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Первые дни календарной зимы, которая больше напоминала раннюю солнечную весну, в Молдавии проходил VI Международный Фестиваль русской поэзии «Пушкинская горка». На него съехались литераторы из России, Белоруссии, Украины и Приднестровья. Много и верно было сказано на фестивале о том, что русская культура и пушкин-

ская поэзия продолжают объединять представителей самых разных народов в ближнем и дальнем зарубежье.

И слова не расходились с делами. Например, в рамках конкурса проходил турнир молодых поэтов «Исполниись волею моею», который выиграла юная и действительно талантливая поэтесса из Тирасполя Диана Федорович. Напомню, Тирасполь – столица непризнанной Приднестровской Молдавской Республики, с которой у молдавских властей, скажем так, непростые отношения. А среди чтецов стихотворений Александра Сергеевича в этом же турнире победила жительница Кишинёва Татьяна Стояненко. Так поэзия оказалась выше разделяющей нас политики. При том, что получилось это совершенно естественно, без всякой «разнарядки» со стороны организаторов фестиваля. Говорю это как один из членов жюри.

Или вот ещё пример – в один из фестивальных дней довелось познакомиться с начинающим писателем – молдаванином по национальности. Правда, возраст у него уже под сорок, по-русски он говорит хорошо, но с небольшим акцентом, владеет несколькими европейскими языками, имеет востребованную профессию. Однако вдруг понял, что должен писать прозу, и писать именно по-русски. Настолько оказалась сильна заложенная в него в детстве русской классикой любовь к художественному слову, что литературное творчество на другом языке кажется ему неприемлемым. Я думаю, мы не до конца понимаем, как сильно классическая русская литература помогала и помогает России даже в нынешнем мире, в котором литература, увы, играет не такую большую роль, как ранее.

Вообще испытываешь какое-то недоверчивое и одновременно радостное чувство, когда, находясь за полтысячи километров от нынешних границ России, слышишь, как эмоционально молодые жители Молдавии читают пушкинские стихи, и осознаёшь, как близка им русская культура.

Первый день фестиваля начался с возложения цветов к памятнику Александру Сергеевичу в самом центре Кишинёва. К слову сказать, это был второй памятник Пушкину в Российской империи, после знаменитого московского монумента работы Александра Опекушина. А затем мы, гости, отправились в Дом-музей А.С. Пушкина в Кишинёве. Несколько тревожное чувство охватывает, когда видишь этот маленький домик, единственный сохранившийся в столице Молдавии из тех, где поэт жил во время своего пребывания здесь. Его обступили многоэтажные новоделы. Когда их строили, из-за смещения грунта на стенах музея появились трещины. Был период, как нам рассказали, когда и вовсе казалось, что музей тихой сапой будет закрыт. К счастью, те времена позади. Творческой интеллигенции удалось отстоять дом-музей поэта, как и улицу его имени, и памятник в самом центре Кишинёва. И есть надежда, что к следующему юбилею – 225-летию – этот пушкинский музей будет отремонтирован и станет отвечать самым современным музейным стандартам. По крайней мере, о необходимости этого недавно на заседании Совета по русскому языку при президенте России говорил Владимир Путин.

Даже в начале декабря, несмотря на отсутствие снега, в Долне очень красиво. Глаз успокаивают мягкие очертания предгорий Карпат – места, которые в Молдавии называют Кодры. Здесь мало что напоминает о 21 веке и, наверное, поэтому кажется, что только что между этими туями и кизилковыми деревьями проходил Поэт.

В Долне состоялись мастер-классы, которые вели поэт, секретарь правления Союза писателей России Алексей Ахматов, первый секретарь Союза российских писателей Светлана Василенко и автор этих строк. Скажу, не кривя душой, что открыл для себя в Молдавии несколько талантливых и перспективных авторов, пишущих на русском языке.

Не могу не выделить и день фестиваля, который прошёл в Гагаузии. Здесь в солнечный декабрьский день я услышал от играющих на зелёной траве детей слова «мороз, красный нос» и почувствовал себя как дома. Здесь тоже возлагали цветы к памятнику Пушкину, молодые чтецы читали стихотворения Александра Сергеевича, а гагаузские поэты поведали о том, как важно, чтобы гагаузы говорили и писали, как на родном, так и на русском языке.

Все три дня фестиваля были насыщены впечатлениями, знакомствами, поэзией и музыкой. Стихи звучали не только на русском, но и на молдавском, белорусском, гагаузском и даже французском языках. Мероприятия, а, вернее сказать, литературные праздники прошли в Российском центре науки и культуры Республики Молдова, в Белорусском культурном центре в Кишинёве.

Главным, на мой взгляд, организатором и сердцем фестиваля стала поэтесса, председатель Ассоциации русских писателей Республики Молдова Олеся Рудягина.

Именно благодаря тому, что на постсоветском пространстве остаются такие энтузиасты русской культуры, мы, гости из России, можем приезжать сюда и чувствовать себя своими. Надеюсь, что так будет и впредь.

Алексей ПОЛУБОТА,

секретарь правления Союза писателей России

ВЫ – ЛУЧШИЕ!

Светлана ВАСИЛЕНКО, поэт, прозаик, драматург, первый секретарь правления Союза российских писателей:

Большое спасибо прекрасной поэтессе Олесе Рудягиной за тот праздник русской поэзии, который она организовала в Молдове – VI Международный фестиваль русской литературы «Пушкинская горка»! Всё было по восходящей – всё лучше и лучше: конкурс юных поэтов и чтецов в зале Дома-музея

Александра Сергеевича Пушкина в Кишинёве, праздничный литературный вечер в Российском центре науки и культуры, творческие мастер-классы в селе Долна, концерт в Центре культуры посольства Республики Беларусь, выступления чтецов и поэтов в библиотеке автономной республики Гагаузии в городе Комрат... Большая благодарность от Союза российских писателей, от всех нас, участников фестиваля и от меня лично Олесе Рудягиной, художнику и писателю Сер-

гею Сулину, Российскому центру науки и культуры, Русской общине Молдовы, Белорусскому посольству и культурному центру, Ассоциации русских писателей Молдовы, спонсорам. Вы – лучшие!

«СЧАСТЬЯ ВСЕМ, КТО ВСТРЕТИЛСЯ МНЕ В МОЛДОВЕ!

Валентина ПОЛИКАНИНА, *поэт, член
Союза писателей Республики Беларусь*

Дорогие друзья, участники фестиваля «Пушкинская горка – 2019»!

Проходит время, отдаляются дни нашей встречи в Молдове, но остаются воспоминания... Они – светлые, как светлы строки стихов великого Поэта-пророка...

Вспоминаются восхитительные кишинёвские встречи с талантливыми людьми: прекрасным поэтом, организатором крупных масштабных мероприятий Олесей Рудягиной, светоносным живописцем Сергеем Сулиным, замечательным прозаиком Светланой Василенко, мастерами поэтического слова Алексеем Ахматовым, Алексеем Полуботой, Сергеем Главацким, вместе с которыми мне довелось судить в жюри... Вспоминается творческая атмосфера сосредоточенности и горячего волнения юных талантов во время Турнира молодых поэтов и чтецов в Доме-музее А.С. Пушкина; дружеское общение людей на открытии фестиваля в Российском центре науки и культуры; вдохновляющая на творчество поездка в Долну; восторг от увиденного в усадьбе Ралли; посещение города Комрата в Гагаузии и красивый музыкально-поэтический вечер, организованный в Художественной галерее, выставка Товарищества русских художников Молдовы «М-АРТ»... Яркой страницей жизни остаётся в памяти потрясающая встреча в Белорусском культурном центре – настоящий праздник, торжество! – с добротой, щедростью и душевной распахнутостью моих дорогих земляков, «сяброў» – белорусов, с каким-то почти родственным отношением удивительных женщин Анны Бабин и Натальи Чичук (мне ещё посчастливилось побывать в прекрасном здании Посольства Республики Беларусь в Молдове)... Остаются в памяти неповторимые голоса Натальи Барабанщиковой и Бориса Амамбаева, музыкальные подарки талантливой и душевной Ниночки Коваленко... Как в калейдоскопе, пересыпаются в воспоминаниях чудесные картины живописных пейзажей и холмистых рельефов молдавской земли, окрашенные в любимые охристые оттенки запоздалой осенней поры... А в дорожной сумке до сих пор лежат спелые долненские орехи – с тех дерев, под которыми, чудится, бродил сам Пушкин. Многая лета фестивалю!

ПУШКИНСКИЙ ДОМИК ОТСТОЯЛИ!

Алексей АХМАТОВ, поэт, председатель общества «Молодой Петербург» при Санкт-Петербургском отделении Союза писателей России, главный редактор альманаха «Молодой Петербург»

В Кишинёве замечательный музей Пушкина. Причём за три года Александр Сергеевич много где пожил, включая дом губернатора. А сохранился один-единственный домик, который любовно сберегли потомки.

Кстати, по тем временам это была одна из лучших гостиниц... гостевой дом. Всех бы так ссылали.

Говорят, музей пытались уничтожить разными способами. И директоров ставили, ни одной даты пушкинской не знающих, и проворовавшимся строительным фирмам отдавали, и под частный кабачок приспособить собирались. Какой-то молдавский деятель даже заявил: «Что-то у нас слишком много Пушкина». Мне сразу вспомнился вельможа из фильма «Амадей»: «Слишком много нот». Даже дверь в музей националисты поджигали. А могли бы гордиться, ассоциировать себя с величайшей культурой, подтягиваться! Что сопоставимого они могут получить в истории Румынии?

Национализм губителен... К 30-летию освобождения Молдавии от немецко-фашистских захватчиков и румынских оккупантов в Кишинёве открыли бульвар Советской Армии. Это была одна из ударных строек в советский период истории. В новые времена переименовали его в проспект Траяна – в честь римского императора, покорившего местное население. Почему-то всегда крайние формы национализма ведут к гибели самой нации.

Итак, музей пока отстояли! Очень тёплая атмосфера. Замечательные экскурсоводы. Огромная работа!

Поехали в Долну, в дворянскую усадьбу начала XIX века, в имение грека Замфира Ралли. Тут Пушкин писал своих «Цыган».

Очень душевный музей. Провели в нём довольно плодотворный мастер-класс для молдавских русскоязычных поэтов. Приятно удивил уровень.

Особо отмечу талантливых Наталью Новохатнюю и Диану Федорович, которая оказалась намного младше, чем мои представления об авторе после прочтения её текстов. Возложили венки Поэту, как водится.

Кругом валяются натуральные грецкие орехи. Просто поднимаешь с земли, колешь друг об дружку в ладони и закусываешь вино – сухое красное или белое – без разницы. А ещё, как не сфотографироваться рядом с кизильным деревом, которое единственное в этом саду Пушкина застало?

И огромное спасибо Марине Подлесной за дивные экскурсии всё это время!

КОГДА ПОЭТЫ СВОРАЧИВАЮТ ГОРЫ

Сергей ГЛАВАЦКИЙ, поэт, председатель Южнорусского Союза писателей, главный редактор журнала «Южное сияние» (Украина, Одесса)

Кишинёв – уже дважды знакомый, но оттого в этот раз ещё более сказочный! Иногда – дикий, весёлый, иногда – ночной и туманный. Люди – невероятны. Знакомые, которых было очень радостно увидеть; и незнакомые, которые принимали нас, гостей Кишинёва, в Долне, Комрате – как родных... Уставший от своего Северного Причерноморья, я готов был остаться там навсегда – и в Кишинёве, и в Долне, и в Комрате... А ещё дороги – в которых больше всего чувствуешь, что да, мы все из одной песочницы, что все мы тихо счастливы, когда расстояния исчезают, – стоит этого захотеть таким подвижникам, как Олеся Рудягина. Таков был мой третий фестиваль «Пушкинская горка». Слава Богу, он состоялся. Слава Богу, мы все увиделись. Когда поэты сворачивают горы, начинаешь верить в чудо. Это тогда, когда жарко, даже если вокруг холодно...

ПУШКИН СПАСАЕТ ОТ АМНЕЗИИ

Олеся РУДЯГИНА, мастер литературы Республики Молдова, председатель Ассоциации русских писателей РМ, главный редактор журнала «Русское поле»

В разные годы гостями фестиваля были поэты и прозаики из России, Республики Беларусь, Украины и Болгарии, неизменно увозившие с собой особое очарование моей Молдовы, и, смею заметить, некое лёгкое потрясение от того, как преданно почитают на нашей земле думающие люди Александра Сергеевича. Называю, кроме нынешних гостей, их известные имена: *Игорь Михайлов* – прозаик, заместитель главного редактора журнала «Юность», *Виктор Кирюшин* – поэт, секретарь правления СП России, *Владислав Артёмов* – главный редактор знаменитого журнала «Москва», *Станислав Минаков* – известный русский поэт, прозаик и эссеист, переводчик, публицист. *Надя Попова* – поэт и переводчик, главный редактор литературной газеты СП Болгарии в Софии, *Владимир Фёдоров* – поэт, драматург, главный редактор «Общеписательской литературной газеты», *Сашио Серафимов* (поэт, Болгария), *Нина Орлова-Маркграф* – поэт, проза-

ик, СП России; *Евгений Шишкин* – прозаик, драматург, заведующий отделом прозы журнала «Наш современник», *Николай Стародымов* – подполковник запаса, военный журналист, главный редактор журнала «Боевое братство», *Олег Зайцев* – поэт, журналист, издатель, председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», *Юрий Юрченко* – поэт, драматург, актёр (Париж-Москва) и другие. Каждый из наших гостей – уникален, и я благодарю Бога за встречу с ними, за то, что приезжали в Молдавию на нашу заветную Горку, за чувство удивительной духовной общности и родства – по русскому языку и общему поэтическому истоку Пушкину!

Сегодня дежурная, захватанная и, к несчастью, часто обесцененная школьной муштрой и официозным бряцаньем любовь к Пушкину сменилась для одних – новым яростным желанием «сбросить Поэта с корабля современности», другим же посчастливилось осознать уникальность и значимость человека, создавшего русский литературный язык необычайной красоты, впервые заставившего зазвучать его в полную силу. «Милость к падшим приывать» ныне не актуально, однако, что бы ни придумывали ненавистники Пушкина и разномастные местечковые дантесы, а ничего не могут поделать со всё более очевидной – с бегом столетий – современностью и нерушимой гармонией его произведений.

Вот и мчится наш литературный кишинёвский год между двух дат – даты рождения А.С. и даты его ухода. Мы ведь счастливы! У нас, кроме уникального кишинёвского Дома-музея поэта на знаменитом старинном городском пятачке «Пушкинская горка» («Colina Puşchin»), ещё есть волшебное село Долна с восстановленной с помощью Посольства Российской Федерации, после перестроечной разрухи, усадьбой помещика Ралли, где гостил молодой поэт, в окрестностях которого встретил цыганский табор, с которым ушёл кочевать, влюбившись в Земфиру...

Когда-то сюда приезжали солидные официальные писательские делегации со всего СССР, когда-то дорогих гостей на самом, что ни на есть, правительственном уровне опекали и «угощали» красотами Молдавии. По заведённой в те времена традиции, многоавтобусная колонна до совсем недавнего времени вывозила 6 июня и горожан – преданных почитателей «к Пушкину» – люди ездили семьями и компаниями, проводили весь день в окрестностях усадьбы, устраивались на травке под могучими орехами, отдыхали, закусывали, пели. А параллельно шёл концерт – выступали фольклорные группы из разных районов, местные жители, обрядившись «цыганами», школьники и барды, чтецы из народа и профессиональные актёры – с утра и часов до пяти вечера. Игорь Михайлов, впервые оказавшись на фестивале в 2014 году и ещё заставший это удивительное «смешение муз», национальностей, разноязыкой поэтической речи, тогда, поражённый, воскликнул: «Да тут у вас просто Кустурица какой-то!».

Официального же регулярного фестиваля у русских писателей не было никогда. И, может быть, самое чудесное из того, что я придумала в этой жизни, – он, наш фестиваль «Пушкинская горка»! Хочу акцентировать особое внимание на именах людей, благодаря которым фестиваль появился на молдавской земле и с каждым годом набирает новую высоту; на именах людей, благодаря доброй воле и участию которых и ныне он стал ярчайшим событием культурной жизни Молдавии.

Спасибо Российскому центру науки и культуры, его руководителям – «крестному отцу» фестиваля – *Валентину Евгеньевичу Рыбицкому* и сегодняшнему его доброму гению – *Михаилу Владимировичу Давыдову*, горячо поддержавшим

идею фестиваля. Хочу выразить самую горячую признательность Чрезвычайному и полномочному послу Российской Федерации в РМ господину *Олегу Владимировичу Васнецову* за неизменное деятельное внимание к проблемам русских писателей Молдовы. Конечно, без благословения Посольства РФ, без участия руководства представительства Россотрудничества в Республике Молдова в организации, без слаженной работы всей его команды профессионалов фестиваль в Международном формате провести невозможно!

Спасибо *Людмиле Алексеевне Лацёновой* – бессменному председателю Русской общины РМ, неизменно подставляющей фестивалю верное плечо, помогающей в пропаганде «Пушкинской горки» и в организации перемещений фестиваля в регионы республики!

Спасибо *Анне Евгеньевне Бабин* – директору Белорусского культурного центра в Республике Молдова, уже дважды бравшей на себя проведение Второго вечера фестиваля: на самом высоком уровне организовавшей его оформление, выступление гостей, хозяев фестиваля и членов Белорусской общины. И возможность приезда и пребывания в Кишинёве Валентины Поликаниной – замечательной поэтессы из Минска – заслуга Анна Евгеньевны. Не могу не отметить, что «Пушкинскую горку» неизменно поддерживает и посещает *Наталья Чичук* – супруга посла Республики Беларусь в РМ, а в 2018 году и сам *Сергей Николаевич Чичук* встречал и приветствовал наших гостей в переполненном зале Белорусского культурного центра.

Низкий поклон башкану Гагаузии *Ирине Фёдоровне Влах*, горячо одоббившей наше предложение о проведении в Комрате, столице Гагаузии, третьего, заключительного дня и закрытия фестиваля! В его подготовке, по поручению Ирины Фёдоровны, самое активное участие приняло Главное управление культуры АТО Гагаузии, *Ирина Анатольевна Константинова* – директор Научно-исследовательского центра имени М. Маруневич, радушно и тепло принявшая гостей фестиваля – сначала в Аллее славы Комрата, а затем – в Центральной картинной галерее, где состоялась однодневная передвижная выставка Товарищества русских художников «М-АРТ» и наш музыкально-поэтический вечер на пяти (!) языках – русском, молдавском, белорусском, украинском и даже французском, благодаря участию в фестивале актёра и блестящего чтеца из Франции *Ивана Головина*! Спасибо замечательным гагаузским лицеистам и поэтам, представившим произведения Пушкина и свои собственные – и на русском, и на гагаузском!

Наш друг и многолетний партнёр – *Дом-музей А.С. Пушкина в Кишинёве* с филиалом в селе Долна – поклон Тебе и пожелание добрых перемен, долгой светоносной жизни на благо нашей страны! Верю, что будет так! Новый директор Михаил Лупашко, в декабре утверждённый Корнелием Поповичем, главой Министерства образования, культуры и исследований РМ, уверена, сделает всё для процветания этого удивительного музея, ставшего поистине культовым, намоленным центром притяжения русского мира Молдавии. Честь и хвала музеографу Дома-музея *Марине Подлесной*, великолепно проводившей все эти годы экскурсии для наших гостей!

Впервые в 2019 году «Пушкинскую горку» активно поддержало Молодёжное творческое объединение «Студия «Автор» (Дмитров – Тирасполь), руководитель которой *Павел Сушко* – инициатор и куратор фестиваля в Приднестровье «Авторские мосты «Мэрцишора», о нём наш журнал подробно рассказал в прошлом своём номере, из России координировал и спонсировал участие в фестивале ти-

распольского молодёжного поэтического «десанта» – Алексея Захарчука и Дианы Федорович, ставшей победительницей Турнира поэтов! Спасибо, друзья дорогие!

В Шестом международном фестивале русской литературы в Молдове в этом году, к нашей радости, самое активное участие принял кишинёвский *лицей им. А.С. Пушкина*, отметивший не так давно своё 70-летие. Выражаем горячую благодарность директору *Оксане Васильевне Абрамовой* и преподавателю, члену правления АРП РМ *Ольге Назаренко* за прекрасную организацию лицейстов для участия в Турнире молодых поэтов и чтецов, традиционно прошедшем в рамках фестиваля в Доме-музее А.С. Пушкина и завершившемся в стенах лицея.

Особая благодарность мастерам Товарищества русских художников РМ «М-АРТ» – *Аркадию Антосяку*, *Юрию Лащевскому*, его создателю и председателю *Сергею Сулину*, а также *Виктории Рокачук* за поддержку и живописное, графическое неподражаемое обрамление «Пушкинской горки». Это уже второе наше совместное проведение фестиваля. В прошлом году яркую передвижную выставку Мартовцев наш фестиваль представлял в Бендерах (Приднестровье).

Благодарю моих дорогих коллег и друзей по Ассоциации, независимых русских литераторов Республики Молдова и музыкантов – без их деятельного участия в работе фестиваля я никогда не смогла бы воплотить мечту в жизнь! Шестую «Пушкинскую горку» украсили поэзией, прозой, участием в мастер-классах и музыкальными произведениями *Наталья Новохатняя*, *Александр Левицкий*, *Татьяна Некрасова*, *Татьяна Волошина-Орлова*, *Татьяна Шадрина*, *Сергей Пагын*, *Наталья Барабанищикова*, *Диана Жалбэ*, *Тамара Артемьева*, *Руслан Михалаки*, *Татьяна Захарова-Опря*, *Борис Амамбаев*, *Алексей Дигоре*, *Анастасия* и *Тамара Гусаровы*, их ученики – воспитанники лицея им. С.В. Рахманинова *Катя Кожокарь* и *Октавиан Пташник*!

А наши приднестровские друзья, примчавшиеся на «Пушкинскую горку» в Комрат! Представители Союза писателей Приднестровья, приехавшие из Тирасполя, Бендер, Слободзеи, Первомайска для участия в фестивале – *Татьяна Зубкова*, *Муза Гончарова*, *Нина Коваленко*, *Оксана Сергеева*, *Натали Самоний*! – спасибо за удивительное чувство братства и дружества, за девиз, ни разу не преданный: «Русские своих не бросают!».

И, конечно, самые искренние благодарность и *восхищение щедрому и бескорыстному спонсору фестиваля*, попросившему себя не называть, – человеку, хорошо понимающему важность и необходимость подобного действия для сохранения на земле Молдовы русского языка, для популяризации русской классической и современной литературы, для защиты и развития русской литературы в Молдове, как составляющей части культурной сокровищницы нашей страны – без его помощи в этом году «Пушкинская горка» не состоялась бы, что в юбилейный год Александра Сергеевича было бы огромной несправедливостью. А в этом году на самом краешке осени фестиваль прошёл уже в шестой раз, и его свет и тепло долго будут освещать зимние сумерки и согревать душу.

По окончании «Пушкинской горки» – 2018 гость фестиваля большой русский поэт, прозаик, переводчик, публицист и эссеист *Станислав Минаков* на сайте «Столетие», в статье «Пушкинская энергетика», в частности, написал: «О любви к поэту, возможности в трудный и светлый час ощутить с именем Пушкина чувство национальной гордости и достоинства, героическое прошлое каждого на-

рода, говорили здесь российские, молдавские, белорусские, украинские поэты, журналисты, литераторы, музыканты, кинематографисты. Пока жив Пушкин, жива и нерушима наша общность, которую невозможно разорвать никакими границами, ибо выстроена она не на земле».

Что принёс нынешний фестиваль? Кроме очевидной радости общения, встреч со старыми друзьями и знакомств с новыми прекрасными авторами; кроме блестящих мастер-классов, проведённых Светланой Василенко, Алексеем Ахматовым и Алексеем Полуботой, кроме надежд на продолжение разговора о самом главном?! Фестиваль снова дал нам чувство единения в сегодняшнем противоречивом мире, разлетающемся на осколки; чувство удивительного родства – «по Пушкину», когда в очередной раз подтвердилось: для нас, таких разных, живущих ныне в не зависимых друг от друга странах, поэзия Пушкина служит неизменным паролем самоидентификации – верности Слову, добру, служению отчизне, справедливости и милосердию – где бы мы ни находились, в какие временные провалы бы ни попадали. Повторюсь, Пушкин спасает от амнезии. В самом деле! Из века в век Поэт протягивает нам верную руку, и мы вспоминаем, узнаём самих себя – в горней стране пушкинской лучезарной поэзии – кем бы мы по происхождению, национальности и убеждениям ни были – «белые» ли, «красные», «пролетарии» или «голубая кровь». Вдумайтесь! Дважды за век пережил великий народ страшную трагедию – утрату государства. Рухнули все возможные связи, но произведения Александра Сергеевича, стоит только взять в руки заветный том, возвращают нам память о прошлом, дают путеводную нить к самим себе. Не потому ли с таким трепетом воспринимались и гостями, и хозяевами фестиваля взволнованно звучащие в исполнении «племени молодого, незнакомого» –лицейстов Кишинёва, Тирасполя, Комрата и Копчака знакомые с детства строки!

Итак, прощай, «Пушкинская горка» – 2019! Да здравствует «Пушкинская горка» – 2020!

Гости фестиваля «Пушкинская горка» у памятника А.С.Пушкину в Комрате

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Общероссийская общественная организация

ПРАВЛЕНИЕ

119146, МОСКВА, Комсомольский проспект, 13

т. 8-499-255-77-76

**Дорогие организаторы и участники
Международного фестиваля русской литературы
«Пушкинская горка»!**

От лица Союза писателей России тепло приветствую вас!

Русская литература уже два века озарена сиянием гения
Александра Сергеевича Пушкина.

Нам в России очень важно знать, что в ближнем и дальнем
зарубежье его имя остаётся одним из объединяющих символов
для наших соотечественников, для всех, кому дороги русский
язык, культура, история.

Сегодня, когда Русский мир переживает непростые времена.
Очень важны такие фестивали, как «Пушкинская горка».

Они напоминают о духовном и культурном единстве
политически раздробленного пространства.

«И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово!»

Надеюсь, что все мы сможем выполнить этот поэтический завет
Анны Ахматовой.

Желаю плодотворной работы участникам фестиваля и новых
творческих горизонтов.

С уважением,
Председатель Союза писателей России
Н.Ф.Иванов

ОТЧИЗНЕ ПОСВЯТИМ!

«Здравствуй, Кишинёв!». У памятника А.С. Пушкину – А. Полубота, С. Василенко (Москва), С. Главацкий (Одесса), куратор О. Рудягина, А. Захарчук, Д. Федорович (Тирасполь)

Фестиваль приветствует М. Давыдов – руководитель представительства Россотрудничества в РМ, директор РЦНК

Выступает Т. Псарёва, первый секретарь Посольства Российской Федерации в РМ.

Участники Турнира поэтов и чтецов в Доме-музее А.С. Пушкина

У микрофона Анна Бабин – директор Белорусского культурного центра в РМ

О. Назаренко (в центре) – педагог, член правления АРП РМ и победители Турнира поэтов: Д. Федорович (1 место) М. Гутюм (2 место), А. Анфиногенова (3 место) в РЦНК

ДЕНЬ ВТОРОЙ. ДОЛНА И БЕЛОРУССКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР В РМ

*Село Долна, усадьба помещика
З. Ралли. У памятника Поэту*

*Вдохновенный «хор». Песня «Беловежская пуца» звучит в
Белорусском культурном центре*

У картины «Пушкин на Инзовой горке» С. Сулина

*Елена Белякова – председатель
Комиссии по межэтническим
отношениям Общественного
совета при Президенте
Республики Молдова*

*Стихи читает поэт А. Ахматов
(г. Санкт-Петербург)*

Участники и гости вечера «Святое дружбы торжество»

ДЕНЬ ТРЕТИЙ. «МОЙ БРАТ ПО КРОВИ И ДУШЕ». ГОСТЕПРИИМНЫЙ КОМРАТ

Звучат стихи на белорусском языке – В.Поликанина (Минск), СП Республики Беларусь

Возложение цветов к памятнику А.С. Пушкину на Аллее славы (г. Комрат)

Поэт С. Главатский – главный редактор журнала «Южное сияние» (Одесса)

Ю. Лащевский – художник, Товарищество русских художников «М-АРТ»

Н. Новохатняя – поэт, прозаик, Ассоциация русских писателей РМ

А. Антосяк – художник, СХ РМ, Товарищество «М-АРТ»

В. Рокачук – художник, кандидат искусствоведения, доцент-исследователь, СХ Республики Молдова

Т. Некрасова, поэт, член правления Ассоциации русских писателей РМ

А.С. Пушкин на французском языке в исполнении актёра и чтеца И. Головина (Франция)

Елена Мокану, гагаузская поэтесса (г. Комрат)

Михаил Резунец, актёр, ведущий вечера (г. Комрат)

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПУШКИН!

Воспитанники лицея им. С.И. Барановского села Копчак читают стихи А.С. Пушкина

А. Полубота даёт интервью гагаузскому телевидению

А. Кибирев, сотрудник РЦНК, Л. Ромадан, атташе посольства РФ в РМ, И. Константинова, директор НИЦ им. М. Маруневич, и С. Сулин перед открытием выставки

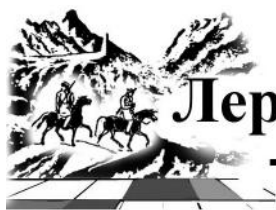
1 декабря в зале Центральной картинной галереи Главного управления культуры АТО Гагаузия.

С. Василенко – поэт, прозаик, драматург (первый секретарь СРП, Москва)

«Да скроется тьма!». После закрытия фестиваля

Лермонтову - 205 лет

СЕРГЕЙ ПИЛИПЕЦКИЙ

«И В НЕБЕСАХ Я ВИЖУ БОГА...»

Великий философ Николай Бердяев в статье «Русская идея» ещё в начале двадцатого века назвал Михаила Юрьевича Лермонтова «самым религиозным из русских поэтов», несмотря на его богоборчество. Действительно, многозначная, противоречивая личность загадочного поэта и сегодня раскрыта только отчасти.

Привычная для нас советская традиция лермонтоведения, уходящая корнями в Серебряный век, не отождествляет творчество Лермонтова с православием, но сегодня изучение его литературного наследия приобрело иную направленность.

Его мистическое творчество во многом можно назвать христологическим, в нём переплелись противоречивые взгляды на бытие и мироздание, оно является для нас тем началом духовной борьбы в литературе, о которой позже устами Дмитрия Карамазова скажет Фёдор Достоевский: «... в мире дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей».

Уместно подчеркнуть идею лермонтоведца монаха Лазаря (Афанасьева): «...Атеистическое мировоззрение, как правило, уводит исследователя на

ложные пути в постижении творений Лермонтова, в результате происходит искажение и образа поэта».

Короткие, но важные биографические данные говорят о насыщенной духовной стороне его частной жизни. По линии отца Михаил происходил от рода легендарного шотландского поэта XIII века Томаса Лирмонта, прозванного Рифмачом¹. На его родовом гербе написано: *SORS MEA JESUS*, что по-латински значит «СУДЬБА МОЯ – ИИСУС». «Если у человека кровь барда, а судьба его – Иисус, то без трагического разделения не обойтись. Таков он и есть, молодой человек Михаил Юрьевич, человек одновременно и гениальный, и трагически разделённый», – комментирует протоиерей, известный телеведущий Андрей Ткачёв.

Михаил Лермонтов, как и большинство благородных людей первой половины XIX века, кроме блестящего светского, получил и основательное религиозное воспитание, определившее его мировоззрение. Как известно, поэт с младенчества воспитывался бабушкой, в доме которой постоянно горела лампада и присутствовало истинное благочестие. Строго соблюдались православные посты и праздники. Родственники, крепостные регулярно ходили в церковь, служили молебны, причащались, совершали паломничества к святым местам, и будущий поэт не был исключением. Записи в церковных книгах того времени свидетельствуют о частом причащении отрока Михаила и о том, что он являлся крёстным отцом для многих крестьянских детей. Также известно, что Лермонтов увлекался в юности одной из сложнейших книг Библии «Откровение Иоанна Богослова». В московской Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, где он учился в 1832–1834 годах, преподавали Закон Божий, строго соблюдались все посты, праздники, совершались благодарственные молебны, церковные парады. Примечателен факт: после кончины поэта в июле 1841 года был составлен следующий документ – *Опись имущества, оставшегося после убитого на дуэли Тенгинского Пехотного полка поручика Лермонтова*. Среди вещей поэта под номерами 1–5 названы иконы и натальный крест с мощами.

Михаил был щедро и разносторонне одарён: талантливый музыкант, он пел, сочинял и играл на скрипке, слыл и живописцем. Сохранилось немало его картин маслом, акварельных набросков, путевых зарисовок, в особенности видов Кавказа, которым увлекался с детства. К слову, он был одним из первых художников, кто стал вдохновляться кавказскими пейзажами. Существует мнение, что интерес поэта к горной стихии не был банальным, а подогревался его религиозным мирозерцанием, в котором присутствовала тяга к надземным высотам, зримо изображаемым им в виде вытянутых к небу хребтов.

Однако самое весомое доказательство боговдохновенного начала в творчестве писателя – его литературное наследие. Об этом говорят и некоторые статистические данные. В частотном словаре Лермонтова значится,

¹ Существуют убедительные доказательства, что поэт действительно приходился лорду Лирмонту родственником.

что в стихах поэта слово *любить* употреблялось 903 раза, *душа* – 830 раз, *слово* – 542, *друг* – 428 раз, *счастье* – 301, *мысль* – 306, *надежда* – 263.

Привожу для читателя ряд главных стихотворений поэта с выраженной христианской тематикой, расположенных в хронологической последовательности их появления на свет.

Нищий (1830)

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

Стихотворение написано во время паломничества юного поэта в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру в окружении молодых людей с 13 по 17 августа 1830 года, которое предприняла бабушка, озабоченная слухами об эпидемии холеры. Екатерина Сушкова, которой и было адресовано стихотворение, вспоминала: «На следующий день, до восхождения солнца, мы встали и бодро отправились пешком на богомолье. На паперти встретили мы слепого нищего. Он дряхлою дрожащею рукою поднёс нам свою деревянную чашечку, все мы надавали ему мелких денег; услышав звук монет, бедняк крестился, стал нас благодарить, приговаривая: “Пошли вам Бог счастье, добрые господа; а вот намедни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков. Бог с ними!”. Помолясь святым угодникам, мы поспешно возвратились домой, чтоб пообедать и отдохнуть. Все мы суетились около стола в нетерпеливом ожидании обеда, один Лермонтов не принимал участия в наших хлопотах; он стоял на коленях перед стулом, карандаш его быстро бегал по клочку серой бумаги, и он как будто не замечал нас, не слышал, как мы шумели, усаживаясь за обед и принимаясь за ботвинью. Окончив писать, он вскочил, потряхнул головой, сел на оставшийся стул против меня и передал мне ново вышедшие из-под его карандаша стихи».

Это произведение биографично, о чём свидетельствует исследователь жизни и творчества поэта Мануэлла Дамианиди из Пятигорска. Она также пробует раскрыть его религиозный смысл: «В этом эпизоде Лермонтов

увидел соединение бессердечности с лицемерием, ведь жестокость свершилась “у врат обители святой”, где все должны проявлять добро и милосердие. Так факт обмана нищего стал как бы и символом самого поэта, обманутого любимой девушкой в своих лучших надеждах. Стихотворение написано о зле, царящем в мире».

Ангел (1831)

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз;
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Интересна мысль известного православного публициста игумена Нестора (Кумыша), раскрывающая сложный религиозный смысл этих поэтических строк. В монографии «Тайна Лермонтова» он пишет: «Стихотворение «Ангел» содержит указание на сугубо духовную причину печали, редко оставлявшей поэта. Она возникала в нём не только ввиду скудости жизни, которая возвышает ничтожество и оставляет не у дел одарённого человека. Духовно развитая и чуткая душа Лермонтова испытывала неудовлетворённость другого рода. Томление неполнотой земного существования обусловлено тем, что человек, некогда утративший драгоценное содружество небесных сил и отпавший от “Бога великого”, сохранил неясную память об утраченном состоянии райского блаженства. Этой неизбывной грустью о ничем невозполнимой утрате и наполнено произведение. В нём Лермонтов сумел высказаться не только об особенностях своей внутренней жизни. Он выразил и ту ускользающую от определения неудовлетворённость, которая в той или иной степени присуща каждой душе человеческой».

Раннее стихотворение «Ангел» было написано, как реминисценция пения покойной матери поэта в его бессознательном детстве, память о ко-

тором он хранил всю жизнь. «Воспоминание об этой забытой мелодии и незабываемом впечатлении вдохновило Лермонтова на создание «Ангела», одного из самых замечательных в русской поэзии воплощений песни – без слов, самой музыки», – поясняет выдающийся литературовед Ираклий Андронников.

*** (1837)

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зелёного листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, –

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога...

Написано стихотворение в год гибели Александра Сергеевича Пушкина. Сидя в камере тюрьмы, куда был брошен во время судебного разбирательства из-за скандала вокруг стихотворения «Смерть поэта», Лермонтов с особым трепетом воспел в нём красоту природы, созерцания которой был временно лишён. За неимением пера, чернил и бумаги он записал сочинение жжёными спичками на обёртке от продуктов. Митрополит Иларион (Алфеев) так сравнит и объединит мировоззрение двух русских гениев: «Как и для Пушкина, для Лермонтова характерно религиозное восприятие красоты, в особенности красоты природы, в которой он чувствует присутствие Божие».

Неслучайно поэт в произведении изображает прекрасную землю как подножие Бога, где всё есть Его замысел и творение. «... Та же склонность к христианству не позволяла Лермонтову утешаться и обычным пантеизмом – самозабвенно растворяться в обожествляемой природе», – подтверждает в статье о Лермонтове и его жребии доктор филологических наук, профессор Александр Моторин.

Примечательно, что это стихотворение имеет своеобразную структуру. Её образуют четыре строфы, каждая из которых написана незаконченным

предложением, вместе составляющими одно большое. Благодаря такому нетипичному для поэта техническому приёму создаётся ощущение, что Михаил Лермонтов писал эти строки на одном дыхании. Подобная конструкция стихотворения придаёт ему целостность и мелодичность, свойственную многим песням из русского фольклора, которые с детства знал и любил поэт.

Из небольшого количества стихотворений, которые Михаил Юрьевич успел написать за недолгую жизнь, насчитывается немало произведений, в которых поэт напрямую обращается к Богу, Ангелу или Богородице. «Поэзия Лермонтова отражает его молитвенный опыт, испытанные им минуты умиления, его способность находить утешение в духовном переживании. Несколько стихотворений Лермонтова представляют собой молитвы, облечённые в поэтическую форму, из них три так и озаглавлены «Молитва», – поясняет митрополит Иларион. Автор монументального музыковедческого труда «Духовный анализ музыки» Вячеслав Медушевский добавляет: «Молитва возносит в духовную реальность вне земного времени и пространства, освящая души и жизнь».

Молитва (1837)

Я, Мать Божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Тёплой заступнице мира холодного.

Окружи счастьем душу достойную,
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
Ты воспринять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Так называемая «Молитва странника» написана тоже в 1837 году в камере тюрьмы вместе со стихотворением «Когда волнуется желтеющая нива...». Она глубоко биографична: поэт использует образ Варвары Лопухиной в качестве прототипа невинной девы. «Лермонтовская «Молитва» совершенно свободна от горьких упреков в адрес возлюбленной, от жаж-

ды обладания ею. Она овееяна только одним чувством – бескорыстным желанием не только земного, но и вечного блага той, в отношениях с которой поэт пережил жесточайшую драму отверженности», – пишет игумен Нестор.

Молитва (1839)

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко –
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

Стихотворение относится к позднему периоду творчества поэта. Его главная идея – важное значение молитвы и её благодатное воздействие на душу человека. В «Лестнице» преподобного отца Иоанна (Лествичника) находим следующие строки о молитвенном делании: «Кто приобрёл похвальное дело молитвы, тот приближается к Богу и избегает бесов». Этим стихотворением поэт являет нам собственную, «живительную связь с небом, и, несмотря на мрачные настроения, часто посещавшие его, жил в молитвенной обращённости к Богу», – сообщает игумен Нестор. Исследователь творчества поэта Татьяна Радомская добавляет: «Нельзя не отметить удивительный музыкальный ритм стихотворения, который передаёт умиротворённость человеческой души, соприкоснувшейся со “звуками небес”. Не случайно «Молитва» вошла в сборник духовных песен «Слово жизни», составленный старцем наших дней отцом Николаем (Гурьяновым)».

Акцентируя внимание на последней строфе стихотворения, Медушевский пишет: «Переход от динамической энергии, осуществляемой “нашими” силами, к энергии катарсической (при действии подхватывающей энергии свыше) чрезвычайно важен для музыки. В поэзии выражение этой чудесной перемены состояния мы видим в стихотворении Михаила Лермонтова «Молитва».

«В минуту жизни трудную...». Мысль, изложенная в цитате, способна служить доказательством многочисленного обращения русских и зарубежных композиторов к этим стихам, которых более 80-ти, сре-

ди них Александр Гурилёв, Михаил Глинка, Александр Даргомыжский, Ференц Лист и другие².

*** (1941)

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Тёмный дуб склонялся и шумел.

С глубоким богословским пониманием подхватил митрополит Иларион главную идею стихотворения о финале жизненного пути страждущего героя: земное одиночество, но пребывание в Боге, страстное желание обрести вечную жизнь после смерти. На подобную мысль он подталкивает в следующем обобщении: «В стихотворении Лермонтова, написанном незадолго до его гибели, трепетное чувство присутствия Бога переплетено с темами усталости от земной жизни и жажды бессмертия. Глубокое и искреннее религиозное чувство сочетается в стихотворении с романтическими мотивами, что является характерной чертой лермонтовской лирики».

² Боговдохновенное начало в творчестве М. Лермонтова и музыкальность его стихов являлись источником для создания огромного количества произведений большинства русских и многих зарубежных композиторов. Это современники поэта и композиторы второй половины XIX века – П. Чайковский, С. Рахманинов, представители «Могучей кучки», а также авторы XX и XXI веков. Многочисленные лермонтовские образы, в том числе и из упоминаемых в статье стихотворений, были запечатлены как в больших музыкальных полотнах, так и в ярких произведениях камерно-вокального жанра.

«Вся наша литература XIX века ранена христианской темой, вся она ищет спасения, вся она ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни для человеческой личности, народа, человечества, мира. В самых значительных своих творениях она проникнута религиозной мыслью», – пишет Николай Бердяев. Сегодня можно уверенно утверждать, что истоки многогранного творчества Михаила Лермонтова кроются в религиозности поэта. Доктор философии, лермонтовед, советский и российский литературовед Иван Щеблыкин отмечает: «Связь Лермонтова с православным мироощущением была не внешне тематической, а глубинно-органической. Она проявлялась в его творчестве как оценка действий и переживаний персонажей, а также лирических чувств, раскрываемых в собственном саморазвитии, наконец, как порыв к горным высотам Животворящего Духа». Дополнить сказанное можно словами митрополита Илариона, тонкого знатока поэзии. Проводя параллель между двумя главными русскими писателями, он точно определяет роль Михаила Лермонтова в православной культуре: «Лермонтов погиб на дуэли, не дожив до 27 лет. Если за отпущенный краткий срок ему удалось стать великим национальным поэтом России, то этого срока было недостаточно для формирования в нём зрелой религиозности. Тем не менее глубокие духовные прозрения и нравственные уроки, содержащиеся во многих его произведениях, позволяют вписать его имя, наряду с именем Пушкина, не только в историю русской литературы, но и в историю Православной церкви».

Сергей ПИЛИПЕЦКИЙ – тенор, музыковед, историк, доктор искусствоведения и культурологии, лауреат международных конкурсов. Родился в 1981 году в молдавском городе Флорешты. Окончил Государственный университет Молдовы, исторический факультет.

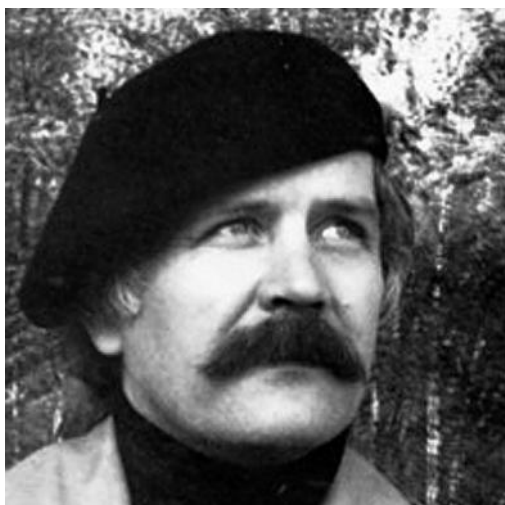
В 2004 году завершил обучение в Академии музыки, театра и изобразительных искусств по специальности *академическое пение*. Солист Национального театра оперы и балета им. Марии Биешу в Кишинёве, а также – Рязанского музыкального областного театра, Государственного симфонического оркестра ПМР в Тирасполе. Руководитель хора мальчиков «Признание» в теоретическом лицее имени К. Сибирского. Лектор Академии музыки, театра и изобразительных искусств. Преподаватель II-й дидактической степени.

ПРОЗА

Поле притяжения

ГЕННАДИЙ РУДЯГИН

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

Всё плохо, плохо, плохо...

Никто не любит, все желают зла, родной дом стал тюрьмой ненавистой.

Впору повеситься или спрыгнуть с балкона.

Но как вешаться, Софийка не знала, а балкона в сельском доме не было.

К тому же нужно было ещё и эту чёртову картошку в огороде убрать...

Пусть! Она тоже будет молчать! Она той же породы! Пусть не любят! Пусть желают ей зла!

О, как плохо! Всё плохо! Всё-всё-всё!..

Выручил махонький паучок на паутинке бабьего лета.

Их, паутинок, над огородом блестело немало, но все они чурались Софийки – пролетали мимо.

Может, тоже не любили Софийку, а может, было им не до неё?

А эта, с крохотным паучком посередине, прилипла прямо к ресницам, и паучок побежал по паутинке к глазам – вверх, вверх, вверх...

Софийка с паучком в кулаке бросилась к отцу.

– Папа! – радостно закричала она. – Благая весть! Меня ждёт какая-то благая

весть! Паучок на паутинке меня предупредил. Все пролетели мимо, а он свою направил прямо на меня!

Хмурый отец, который уже несколько дней Софийку не замечал и не сказал ей за это время ни слова, отставил в сторону лопату, глянул на счастливую дочь.

– Мать в этом разбирается, – сказал безразлично. – Похвастай перед ней.

И продолжил работу.

– Пап, ну, пап! – задохнулась Софийка. – Так же нельзя! Если ты не порадуешься, благая весть меня обминёт!

– А мне-то что? Обминёт и обминёт... Мне достаточно той вести, которую я получил в своё время.

У Софийки потемнело в глазах.

– Пап! – взмолилась она. – Ну... Ну... Я же душой была! Я так не думаю! Правда! Это всё Надькин отец виноват! Это он подарил ей к выпускному швейную машинку «Зингер»! Я от зависти тебя неудахой обозвала! Только от зависти. Честное слово!.. Пожалуйста, улыбнись, а то весть... Она всем нам нужна! Па, ты прости, пожалуйста, меня – я больше не буду! Ты же мне всех дороже! Всех отцов и ихних машинок! Вот посмотришь, я сама тебе настоящий автомобиль подарю! «Хонду» или «Тоёту» Ты мне веришь? Веришь?

Отец глянул на дочь-хворостинку в бабьей косынке, на её перепачканный землёй кулачок с паучком в середине... И невольно улыбнулся.

– Мама! Мам! – бросилась Софийка к матери в другом конце огорода. – Мамочка! Благая весть: папка наш улыбнулся!

НАВАЖДЕНИЕ

Ночи уже стали ядрёней, длинней, и мокрые от холодной росы астры под запотевшими окнами подолгу ждали восхода солнца.

На рассвете в селе хозяйничал туман. Такой густой, что из-за него во дворе не было видно ни колодца, ни сараев, ни калитки. И асфальтированная дорожка, что от порога вводила любого в жизнь родного хозяйства, едва виднелась под ногами.

– Здравствуйте! – сказал кто-то со стороны невидимой калитки мужским голосом. И опустил на землю дорожную сумку. – Извините, Василий Гуменюк здесь живёт?

Тётка Оксана от неожиданности вздрогнула и выронила из рук пустые вёдра.

– Свят-свят-свят! – прошептала она, перекрестившись.

Ещё не крикнули про утро петухи, даже не проснулся в будке дворовый пёс, а у калитки КТО-ТО говорил человеческим голосом.

Тётка Оксана прижала руки к груди.

– Извините! Василий Гуменюк здесь живёт? – ещё раз спросил незнакомый голос.

– Свят-свят-свят! – опять прошелестела тётка Оксана непослушными губами. И потерянно оглянулась на свой дом, который где-то здесь стоял все добрые сто лет. – В нашем селе таких нет, – выдавила она из себя.

– Нет? – переспросил человек.

– Нет! – ответила тётка Оксана.

– Тогда почему же я об этом спросил? – удивился человек.

Разгоняя рукою туман, тётка Оксана пристальной всмотрелась в непрошеного гостя. Ей он показался высоким, в плаще и в шляпе, средних лет. И он, судя по голосу, как будто, улыбался.

– А вы куда ехали? – осмелела она.

– Не знаю.

– Может, вы пройдёте по улице дальше? – неуверенно предложила тётка Оксана.

– Спасибо! – сказал человек, не переставая улыбаться. – Но он меня именно сюда привёл.

– Кто?

– Тот, кто всё это придумал. Взял и привёл.

– Зачем?

– Он об этом ничего не сказал.

– Кто?

– Тот, кто это придумал. Он направил меня сюда, а зачем, не сказал... Понимаете, я шёл в тумане. Шёл и шёл. Мог бы идти так и дальше. А он возьми и скажи: «Зайди в этот двор и спроси: здесь живёт Василий Гуменюк?» Я и подошёл, и спросил... Здравствуйте! А вы кто?

Тётка Оксана почувствовала, что губы её опять не слушаются.

– Чего надо? – жалобно просипела она.

– Не знаю. Об этом вы мне должны сказать. Я шёл мимо, в тумане, и услышал его голос: «Зайди в этот двор!»... А что будет дальше, зависит от вас.

Тётка Оксана ещё раз оглянулась на дом... На то место, где он всегда стоял.

– От меня? – она крепче прижала руки к груди.

– Да. Только от вас.

– Тогда идите, пожалуйста, дальше.

– Это куда? – спросил человек в шляпе и в плаще.

– Да по улице вверх или вниз.

Человек переступил с ноги на ногу.

– И это всё, что вы хотите мне сказать? – спросил он.

Тётка Оксана кивнула.

Незнакомый человек ещё постоял, поулыбался в тумане.

– Значит, про Василя Гуменюка вам ничего неизвестно, – сказал он. Поднял с земли дорожную сумку, поклонился, ушёл.

Тётка Оксана постояла, не шевелясь. Потом на цыпочках осторожно просеменила к калитке, повертела головой влево, вправо, и никого не увидела... Туман, туман, туман.

– Может, всё примерещилось? – с надеждой предположила она...

Но я-то знаю, что это не так. Потому что это мне пришла в голову мысль послать высокого человека в шляпе и в плаще во двор тётки Оксаны. Из ниоткуда. Из пустоты. Из осеннего тумана. Придумал и послал. Со мною такое часто бывает. Особенно в эту пору года. Когда ночи становятся ядрёно-длинными, листья

в садах желтеют, и мокрые от холодной росы астры под запотевшими окнами долго-долго ждут восхода солнца... Просмотришь все мировые новости в компьютере, ужаснёшься происходящему, и такая тоска вдруг нахлынет!.. Не такое напишешь! «Кто сказал, что надо бросить песни на войне?»...

Утром, когда над синими крышами села появляется красный круг солнца, с отпечатанным на принтере текстом я иду во двор тётки Оксаны:

– Давно проснулся, соседи?

– О-го-го! – отвечает весёлая тётка Оксана. – Уже и воды наносили, и постирались, и болтушку свиньям сварили, и у коровы!..

– А где наша Маричка?

– Гладит бельё. Позвать?

– Не надо. Я сам к ней зайду...

Грустной дочери тётки Оксаны Маричке, то ли не понятой кем-то, то ли сильно обиженной, скоро исполнится тридцать. О жизни её я ничего не знаю – по соседству живу первый год. Но уже привык скрашивать её одиночество своими весёлыми сочинениями.

– Доброго ранку, красуню! – говорю я, входя в комнату, и помахиваю над головой двумя листиками бумаги с отпечатанным текстом.

– Доброго ранку! – застенчиво улыбается она, отставляя в сторону горячий утюг. – Опять что-то написали?

– Написал.

– Про кого?

– Про тётку Оксану.

– Про маму?

– Ага.

– Что-то смешное?

– Нет. Страшное.

– Наверно, шутите?

– Конечно.

Маричка по-прежнему улыбается. И я впервые замечая, что она сегодня необычная – много ласки в её оживших глазах, тёплого света и счастья. Такой я её прежде не видел.

– Что? – спрашиваю я, засмотревшись. – Что-то случилось, Маричка?

Она не перестаёт улыбаться:

– Случилось... Мой Вася ночью вернулся... Теперь чистит коровник.

НОВАЯ ХОЗЯЙКА

Дождя ждали с утра. Не потому, что он был кому-то нужен. Сам грозился. То нависшими над селом тёмно-сизыми тучами. То бледными вспышками молний на горизонте. То далёким погромоухиванием грома. То глухой тишиной, как перед бурей.

Ждали и ждали. Ждали и ждали: ну, вот сейчас! Ну, вот-вот!...

А пошёл он только с обеда. Робко пошёл. Мелко пошёл. Скучно пошёл. И

нудил так до вечера – без обещанных огненных вспышек и без грохота небесных колесниц по кочкам лохматого неба. Можно сказать, просто моросил.

И, глядя в хмурое окно, дедушка Тихон сказал маленькому внуку Васе:

– Всё. Новая хозяйка пришла. Теперь жди золота!

И, спустя несколько беспроблемно мокрых дней, когда небо наконец прояснилось, ещё тёплое солнце начало красить листья сада в жёлтые и красные цвета.

Тогда мама, держа маленького Васю на руках, указала пальцем на разноцветный сад и сказала:

– Это, сыночка, осень! Видишь, это – золотая осень!

А через ещё какое-то время, ранним звонким утром все петухи села дружно, громко, в один голос, прокричали ку-ка-ре-ку! И сдули все листья с деревьев на землю. И папа, подкладывая в коровнике сено его обитателям, вдруг красиво запел:

Я не буду, я не буду целовать холодных рук.

В этой осени никто не виноват, не виноват...

Потом дедушка Тихон долго копошился в голом саду, сгребая упавшие листья граблями в одну кучу...

Наверно, золото искал.

ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ

– Холодно! – сказала солнце, кутаясь в тучи.

– Холодно! – сказала земля, укрываясь жёлтой листвою.

– Холодно! – крикнула утка в старом пруду...

И всё было так, да не так.

Так – было холодно. А не так – ничто и никто об этом не говорил человеческим языком. Просто солнце молча скрылось за тучи, земля без единого слова спряталась под опавшими листьями, домашняя утка крикнула, но неизвестно о чём – может, пескаря там поймала, в стылой воде, или запуталась в тине.

Это Витьке хотелось, чтоб всё в это время говорило на понятном ему языке, потому что многого в этот пасмурный осенний день он не понимал. И он, конечно, замёрз.

Он тут уже и сидел, на берегу, и стоял под голыми вербами, а Орыся всё не шла и не шла. Час, наверно, сидел и стоял. Или больше.

И ругать хорошую девчонку, даже в уме, не поворачивался язык и молчать больше не было сил. А ведь заранее договорились. Как-никак не первый день поглядывали друг на друга. Можно сказать, от этих улыбчивых взглядов уже породнились почти. Да и вся школа об этом гудела:

– А Витька Янчик с Орысей Домитрашук...

Как они все это сразу замечают, непонятно! Ведь никто из них – ни Витька, ни Орыся ни единого слова друг другу не сказали, а тем более кому-то ещё, только смотрели друг на друга на переменках. Молча смотрели! А эти уже сразу все вместе:

– А Витька Янчик с Орысей Домитрашук...

Вот если б молчали, то он бы сейчас не мёрз на берегу холодного пруда, а лежал бы дома на диване с какой-нибудь книжкой в руках. Или бы чем-то помогал матери с отцом по хозяйству. А так он и сам сразу поверил, и Орыся тоже. Одновременно поверили, что:

– А Витька Янчик с Орысей Домитрашук...

Именно из-за этого, из-за веры в такие дружные и желанные слова, всё само собою и получилось. Витька на большой переменке подошёл к двери Орысиного класса и, увидев её среди других девчонок и мальчишек, громко сказал:

– Давай сегодня после школы немного погуляем у ставка!

– Давай! – сразу согласилась она. – Только портфели давай оставим дома! А то таскать их с собой... Ну их! Хорошо?

– Хорошо.

И всё. Никто и слова не сказал. Потому что все давно уже привыкли к тому, что:

– А Витька Янчик с Орысей Домитрашук...

Он после уроков побежал к себе домой, а Орыся – к себе.

Он бросил портфель под свой письменный стол и примчался. Только матери сказал на бегу:

– Я, мам, ненадолго!

И вот в свои четырнадцать лет он впервые в жизни сидит тут и стоит по собственной воле голодный и холодный, а её всё нет и нет. Может, передумала? Б-пр!

– Холодно! – сказала солнце, кутаясь в тучи.

– Холодно! – сказала земля, укрываясь жёлтой листвой.

– А вот и я! – сказала Орыся за Витькиной спиной. В белом вязаном платочке и в тёплой куртке. И протянула ему увесистый свёрток.

– Пирожки с картошкой испекла, – сказала она, как ни в чём не бывало. – Пока тесто замесила, пока слепила, пока испекла. Потому что знаю: ты же голодный! Ешь! Они горячие и очень вкусные!

ПЕРВЫЙ

– Дождь! – сказали в доме стариков Коваловых. – Дождь! – и задернули занавеску окна...

– Ни конца, ни края не видать! – сказали в летней кухне Бакуменков. – Во задождило!.. Ты бы, Юрась, посмотрел, что там у коровы – может, надо сена подбросить...

За распахнутой настежь дверью дома Квитницких кто-то громко, тяжело вздохнул.

Ничего особенного. Привычные слова, почти родные вздохи.

Но в том-то и дело! Митька Россоха был убеждён – всё это от скромности и крестьянской скрытности односельчан. Не зря же строгая, но всегда справедливая Дарина Романовна говорила на последнем уроке: все, все, все в наших

милых Куличах в душе думают только о Родине. О её скором возрождении и о радостях независимых, вольных перспектив.

– Жаль, что люди, владеющие пером, только и делают, что канючат, – говорила она на последнем уроке. – Нет больше ни од, воспевающих жизнь, ни поэм, возвеличивающих современность, ни добрых рассказов про нас с вами. А так жить нельзя. Это старики пусть грустят об ушедшем прошлом. Мы же с вами живём в сегодняшнем дне и обязаны его воспеть. Мы – новое поколение свободных граждан. Поэтому прошу вас, всех, принести к следующему уроку жизнеутверждающее, жизнерадостное и жизнелюбивое сочинение о буднях ваших соседей и о замечательной природе родного села!

У Митьки от таких слов поползли по телу мурашки.

– А если дождь не перестанет? – робко спросил её на том уроке он.

– Тем лучше! – ответила Дарина Романовна, подходя к его парте. – Найди в непогоде светлое пятнышко, принеси его в школу и поделись этим светом со всеми!

– А если и его не найду в такой дождь?

– Кого не найдёшь?

– Светлое пятнышко.

– Ты?! – неожиданно ласково погладила его по голове строгая, но всегда справедливая Дарина Романовна. – Ты, Димитрий, и солнце найдёшь!

Митька знал, что из-за этой неожиданной ласки обычно неприступной и строгой учительницы Дарины Романовны в ту минуту ему завидовали все мальчишки и девчонки класса.

– А можно... я стих напишу? – с дрожью в голосе выдохнул он...

– Замечательно! – ответила Дарина Романовна. – Ты будешь первым, кто это сделает за всю историю нашего села!

Вот почему третьеклассник Митька Россоха, закутавшись в непромокаемую прозрачную клеёнку с бабушкиного стола, ходил сегодня в такой дождь по соседским дворам. Он первым хотел воспеть жизнь родных Куличей. Назло тем, кто только и делает, что канючит; на радость тем, кто даже в осенний дождь видит ласковое солнце весны.

Выйдя незамеченным со двора Квитницких, где только вздыхали, Митька пошёл месить грязь в убранные уже огороды. Нашёл там забытый хозяевами большой пожелтевший огурец. Потом, с налипшими на подошвы ботинок тяжёлыми комьями раскисшей земли, сходил в скошенное поле и подобрал там уцелевший колосок ржи... И везде его голову грела тёплая ладонь всегда строгой, но справедливой учительницы Дарины Романовны, и весеннее солнце мечты от этого сияло повсюду. Поэтому стихи родились без усилий, сами собой:

Колосица рож густая,
Всё у нас в деревне есь,
А из рожки льёца песня,
Про столицу эта песь...

Всю ночь лелеял их в своём горячем сердце, а утром звонко прочитал перед классом и положил на стол учительницы исписанный листок бумаги, пожелтевший огурец и колосок ржи.

ПРОВОДЫ

Был оркестр...

Гришке Брызгалову и Никите Второву принародно в клубе подарили чемоданы, и глава сельской администрации сказал речь. Небольшую, но очень ёмкую и зажигательную.

После такой речи и Гришке, и Никите захотелось вернуться из армии генералами или Героями России.

Да их, собственно, такими уже и представляли.

В основном, конечно, Нюра Грибова и Зоя Чудакова. Эти две уже видели триумфальное возвращение своих героев: осень, желто-синий пронзительный день, вся деревня возится в своих огородах, и вдруг – красные лампы на дороге... или Золотые звёзды на груди.

Ехать на сборный пункт Гришке и Никите предстояло поездом, который проходил мимо деревни не очень поздним вечером.

Их пошли провожать всей деревней.

Покричали частушки, постучали каблуками об асфальт станционного перрона.

Попросили будущих героев что-нибудь на прощанье сказать – что-нибудь традиционно-привычное, родное. Например: «Живите спокойно! Теперь пусть только вякнут там, за буграми и буераками!»

Но только ораторы откашлялись, только потолковали между собой об очередности выступлений, как подошёл поезд, и зарыдали матери.

– До встречи! – крикнули из тамбура мокрые от материнских слёз герои.

Вот и всё...

В свете заходящего солнца проплыли полуоблетевшие берёзки.

Деревенский стадион с козами на выпасе.

Островерхие копёшки сена на задах знакомых до грусти подворий.

Оставленные на пустых уже огородах перезревшие кабачки.

Дом Грибовой Нюры.

Дом Чудаковой Зои...

Прошли тщеславные мечты. Пришла тоска. И, главное, какая-то обида. На кого и за что, непонятно. На заокеанских ястребов, что не дают всему миру покоя? На разрыдавшихся матерей?

На уродов с их чёртовыми поясами смертников в аэропортах, автобусах, в метро? На планету, которая, как параличка, дёргается от взрывов в Ираке?... На всех и вся! Но, в основном, конечно, на этих... так называемых подруг. Не обняли на прощанье, не заголосили, чтоб всем сразу стало понятно. Нет! Они стояли, как ни в чём не бывало, лузгали семечки и улыбались. Чему, спрашивается, можно улыбаться в такой момент? Радовались, что ли? Зачем же тогда было... А, может, они никогда и не любили? Так, приятно было иметь надёжных провожатых, и всё... А теперь повыскакивают замуж, а ты там горбись для их счастья в полной выкладке. Преодолевай препятствия. Лазь по трапедии. Отжимайся на турнике. А они тут будут... Ведь должны же были перед людьми как-то не так себя показать. Просто обязаны были. А они – нет! Лузгали себе проклятые семечки и улыбались. А остальные, глядя на них, небось, думали: «Э-э!».

Вот такое вот лезло в голову и лезло.

А поезд равнодушно стучал.

И проводник, проходя мимо, в соседний вагон, кому-то сказал название следующей станции. Значит, отмахали уже о-ё-ёй! И мысли плохие надо было в корне менять. А то уж очень всё не по-людски. Так же потом и обогреться будет нечем.

Не отрывая глаз от чадающей в пальцах сигареты, Гришка Брызгалов вдруг сказал:

– Зойка-то твоя... всплакнула. Я смотрю: плачет, плачет... укладкой.

Грустный Никита недоверчиво вскинул поникшую голову.

Посмотрел-посмотрел. Согласно кивнул и понёс:

– А Нюра твоя мне говорит: ты, говорит, побереги там моего! Мало ли что, говорит. Он у меня отчаянный, говорит. За ним глаз да глаз нужен!

И когда они слушали друг друга, то ни в чём уже не сомневались.

«А что?» – думал Никита.

«Эта Нюрка!» – мотал счастливо головой Гришка Брызгалов.

А когда слушать уже было нечего, сомнения опять брали верх.

– Всё! – так же неожиданно, как и в первый раз, сказал Гришка Брызгалов. – Два года буду, как рыба, молчать! Ни одного письма! Пусть поулыбается!

– А я, знаешь, что сделаю? – затараторил Никита. – Я снимусь на фотку, разошлю всем девчонкам района, а ей – ни фиги! Во улыбочка выйдет!

– Да катись они, обе! – сказал Гришка Брызгалов. – Мы себе жён получше найдём! Верно? Я, например, мулаток очень люблю!

– А я оженюсь на хохлушке! – вставил Никита. – Лучших жён нет во всём мире!

И оба успокоились. И про себя с мстительным злорадством подумали о предстоящем генеральстве...

А деревня оставалась стоять. Доделывала свои обычные дела. Неспешно рассуждала о планах завтрашнего дня: где чего ещё подлатать на подворье... да, наверно, и перезревшие все кабачки нужно в погреб стаскать – еда, не еда, а приправа свиньям к отрубям будет что надо...

Что ещё? Кажись, всё. Картошка в ямы закопана, капуста заквашена, сена вдоволь.

Эх-ха-ха-м!.. Надо спать. Спать, спать, спать!

– Фень, заметила – похолодало! Окна вон плачут уже.

– Чего ж удивляться – конец сентября. Ещё день, другой...

– М-да! Скоро, скоро... Ну, я выключаю?

– А крючок в сенях набросил?

– Набросил.

– Ну, тогда выключай. Ох-хо-ха!.. Завтра надо Петьке сказать, пусть...

Но это уже и не важно. Раз надо сказать, значит, скажется.

И гаснут постепенно окна... Вот собаки ещё немного побрежут, уверят засыпающих хозяев в преданности порученному делу, и – тоже в будки, на покой. Чтоб не проспать первый выход хозяина на зорьке. И тогда тишина будет полная...

Всё, всё спит мирным сном.

Не спят родители уехавших героев и, как ни странно, Нюра и Зоя. В ЭТУ ночь они себя представить друг без друга просто не могли.

– Ладно, иди, – ещё с вечера разрешила Зоина мать. – Только утром забеги отправить Кольку в школу. Не проспешь?

– Ну что ты!

Да и то, какой сон?

Прижавшись друг к другу в полной темноте, они долго молча лежали.

Потом завздохали.

Потом Нюра горячим шёпотом спросила:

– Зой, Никиту будешь ждать?

– А то как же! – даже испугалась Зоя.

– И я Гришку тоже буду ждать!

И умиротворённые столь непреклонным единодушием, примолкли опять... Конечно, будут ждать, а как же иначе? И, конечно, дождутся!.. Но вот дело в чём...

– Нюра, Гришка просил тебя – ждать?

О, мамочка родная!

– Н-нет, – припомнила Нюра. – А Никита – тебя?

– Не просил.

– Во кадры! Как же быть?

– Я буду ждать! – прошептала верная Зоя. – Буду!

– А если он привезёт с собой какую?

– Да ты что?!

– Да вот то! Может же такое быть? Может! Другие непременно просят ждать, а эти...

– Не говори так, Нюр, не говори! Они же – наши с тобой!

– Ха, наши! Как же, держи карман шире! Другие непременно целуются на прощанье, а эти, как чужие, даже рук не пожали, подлецы... Нет, я, пожалуй, Гришку ждать не стану. Мне сегодня Витька Шмелёв, знаешь, что сказал?

– Господи, этот-то бабник?

– Был бабником, да весь вышел – двадцать пять уже, время жениться!

– Ну, и что он сказал?

– Спросил, в какой сегодня горнице ночую.

– Во пройда! Не верь ему, Нюра, не верь!.. Да, Боже мой, чего несёшь-то! Наши в армии, а ты!

И опять вздохи, вздохи. И шёпот. Всё больше, конечно, обиженный шёпот. Нюра этой обидой уж так извелась, что готова была лететь на первый же стук Витьки Шмелёва.

– Только б пришёл! – зло прошелестела она. – Только б пришёл! Первый же стук его, и...

Но когда этот стук наконец-то раздался (осторожный такой... страшноватый... уверенный... всё наглеющий стучок), Нюра во всё горло закричала:

– Пошёл вон, идиот! Чего надо?.. Мама! Папа! Илья!

Отец с братом Нюры Ильёй в одном исподнем выскочили из дома, вмиг скрутили и ввели в комнату... перепуганного Гришку Брызгалова.

Нюра, глядя на помятого героя, вся прямо вспотела.

– Гриш, – сказала она. – Гриш... Что стряслось?

– Так это ж... – промямлил тот. – Не попрощались.

– А где Никита? – побелела Зоя.

– Пошёл стучаться к тебе.

– Солдаты! – ругнулся Нюрин отец. – А сборный пункт? Вам же там надо быть в девять ровно!

– А мы на попутках двинем, успеем ещё... Можно, Нюра меня до тракта проводит?

НЕЛЮБИМЫЙ

Может, кто-то когда-то его и любил. Старые люди говорили, что да, наверно, было такое. Давным-давно несколько раз приезжала к нему откуда-то высокая и очень красивая девушка и он ходил с нею по селу королём. Молодой и весёлый. И тогда он был, кажется, счастлив. Но только тогда и в одно-единственное лето. А после того, как эта высокая и красивая перестала в село приезжать, он сделался таким, как сейчас. Не сразу, конечно, а постепенно. Вначале он больше молчал. Молча ходил, молча сидел и молча работал. Хорошо работал, говорят те, которые говорят. Как заведённый, как одержимый. Каждый день и каждый год. Вначале на общественных работах, потом, когда таковых не стало, работал в городе на богатых хозяев и лично на себя – то менял тесовую крышу своего дома на черепичную, то строил баню, то из года в год разводил и выращивал для продажи фазанов, гусей, индюков. А когда наконец потерял надежду на возвращение той, которую все годы ждал, и когда продал последнюю птицу со своего двора, тогда превратился в старика и язык его взял и нехорошо развязался.

Сидит и сидит серой кочкой на лавке у своих ворот и никому не даёт прохода. А мимо, конечно, ходят люди или ездят на чём-нибудь – улица-то, на которой он живёт, центральная.

И этой осенью он тоже сидит...

А по центральной улице тарахтит трактор Петра Хорошилова с прицепом, полным отборной картошки.

– Слушай, Петро! – кричит дед со своей лавки, подняв руку.

– Чего надо? – неприветливо откликается тот, тормозя и выглянув из кабины.

– Хорошая ли картошка, спрашиваю?

– Хорошая, а что?

– Так-так! – как бы задумчиво говорит дед. – Паскудная эта картошка, чтоб знал! И трактор твой – тьфу на него! Я б таким и править не стал, пропади он пропадом!

– Э! – досадливо отмахивается Петро и проезжает мимо.

– Так-так! – распаляясь, кричит дед ему вслед. – И фуражку такую я б себе сроду не купил! Такие у меня в огороде кабаки растут! Так-так... модельеры!

Его все в селе Так-Таком зовут. И не любят.

– Не ходи туда! – пугают молодые родители своих детей. – Там злой Так-Так сидит!

И дед давно к этому прозвищу привык.

– Так-так! – говорит он сам себе. – Дуралеи...

И окликает проходящего мимо парня:

– Слушай, Степан! Правда, что к Верке Зозуле идёшь?

– Ну, – холодно откликается тот.

– Красивая девка. Да, очень красивая! – задумчиво говорит дед Так-Так.

– Ну, – холодно откликается тот. – Что дальше?

– Ну и ну! – распаляется дед. – Иди же себе! Чего стал? – И уже вслед ему: – Так-так! Иди, иди! Я такой девки отродясь не видел, чтоб знал! Дети от неё на соседа будут похожие! А первый – ещё до свадьбы появится! Так-так!.. Не про вас эта девка, чтоб знали!

А ему отвечают собаки. Близкие и далёкие.

Слушает их дед Так-Так, слушает и пригорюнивается.

О чём он думает, неизвестно. Видно только, что очень сильно грустит. Может, вспоминает то красное лето с райскими яблоками в собственном саду, а может, просто так, от нечего делать.

Приехавший поездом солдат Алексей к нему подошёл, когда разыскивал дом своего армейского друга.

– Добрый вечер, дедушка! – говорит. – Вам плохо?

Дед смотрит на него недоверчиво и молчит. Потому что вечер в самом деле очень хороший, а ему, правда, совсем плохо.

– Вам плохо? – переспрашивает Алексей. – Может, чем-то помочь?

– Может, и так, – отвечает тот неопределённо и неуверенно.

И всё смотрит и смотрит. И верит, и не верит. Первый человек, который за последнее время сам к нему подошёл... Ничем не отличается ни от Петра, равнодушно протарахтевшего на своём тракторе, ни от холодного Степана. А вот, в отличие от них...

– А что случилось? Чем я могу вам помочь? – не отстаёт Алексей.

– Присядь рядом, – просит его дед. – А, присядешь?

Алексей присаживается.

– Вот так, – говорит дед. – Давай просто так посидим... Куришь?

– Курю.

– Давай просто так посидим и покурим.

И они сидят и курят.

– Небывалое дело, – говорит потом дед Так-Так.

– Какое дело? – интересуется Алексей.

– Вот так вот сидеть с человеком и спокойно курить... Теперь давай поговорим.

– О чём?

– Просто так. Хотя бы про осень... Видишь, какая она нынче нарядная!

– Вижу.

– Ну вот. Давай про неё поговорим.

И они говорят, говорят...

И осторожно падают жёлтые листья.

И люди, проходя мимо нетронутыми прежде задиристым дедом, впервые видят, как этот Так-Так улыбается...

БЕЛЫЙ ДЕНЬ

С первым снегопадом, когда ветки садов мягко запушились зимним убранством, когда на всю белую округу радостно вскрикнул утренний поезд и ранние люди, приехавшие из города, протоптали от станции до села первую голубую тропинку, в окно бабушки Егоровны кто-то постучал... Раз постучал, второй...

Бабушка по ту сторону окна раздвинула занавески, отшатнувшись, постояла там недоумённо, подслеповато пощурилась. Исчезла в глубине комнаты. Появилась снова, в очках. Ей из рамы окна улыбался незнакомый городской человек в бобровой шапке с проблесками инея на ней. Бабушка снова исчезла и появилась уже на крыльце. Скрипнула входной дверью и молчаливо появилась. Как мышка из норки. Заморгала жидко-голубыми глазами, во много раз увеличенными стёклами очков.

– Доброе утро! – сказал ей городской человек.

Бабушка молча кивнула.

– Я смотрю, всё село затопило печи, а над вашей крышей нет характерного дымка, – сказал городской человек в бобровой шапке, по-прежнему улыбаясь. – Вы ещё не топили?

Бабушка Егоровна потопталась на месте, отрицательно качнула головой.

– Замечательно! – сказал городской человек, ставя в угол крыльца свой портфель. – Тысячу лет печь не топил! А тут вижу из вагона – Бог ты мой, всё запорошенное снегом село в чудных столбиках дыма! Так и защемило, и повлекло в незабвенное детство! Неудержимо! Несказанно! Бесповоротно! До боли в сердце! До зуда в руках!.. Дайте ключ от сарая!

Обескураженная его дивной речью и деловым напором, бабушка Егоровна поспешно исчезла за дверью и юркнула к иконе Божьей матери, что висела в углу её чистенькой светёлки. Упала на колени, истово крестясь, стала молиться.

А городской человек, немного подождав её на крыльце, вошёл в сени, снял с головы бобровую шапку, повесил её на вешалку, потом – пальто; пошарил по стенам глазами, сорвал с гвоздя висевшую на нём связку ключей и ушёл к сараю...

Когда лицо бабушки снова осторожно выглянуло из-за занавески на её окне, со стороны дровяного сарая уже всюду неслись звенящий стук топора и треск раскалываемых поленьев. А от калитки к дому бежала засидевшаяся в девках молодая соседка Варька. В накинутом на плечи белом полушубке, с непокрытой головой. Бежала, бежала, бежала...

– Бабушка Егоровна, – запыхавшись, спросила она, влетев в дом, – кто это?

Бабушка пожала плечами.

– Кабы б знать! – потеряно ответила она. – Постучался.

– Не из вашей родни?

– Нет.

– Чудеса! – сказала молодая соседка Варька. – Я видела, как он шёл со станции. Вначале постоял у забора одного дома, потом у забора другого, у третьего... Хорошо одетый, высокий, ладный, городской! И всё смотрел и смотрел на печные дымы, что вились над крышами, и дышал так ненасытно, будто ему не хватало морозного воздуха. А как свернул к вашему дому, подумала, что, может, кто-то из вашей родни приехал. Нет?

– Нет, – сказала бабушка, подперев кулачком подбородок... – Откуда? Будто не знаешь! Стала бы я тебя когда христом богом молить, будь у меня хоть кто-то!.. У меня из родни – я одна.

Варька ухватила за непокрытую голову руками, растрепала рыжие волосы.

– Вот и я думаю! – не то испуганно, не то радостно сказала она. – Чудеса!..

Думаю, откуда у вас вдруг такая родня! Значит, чужой... Боже ж ты мой! Что делать-то будем, а? Бабушка Егоровна, что будем делать?

Сверкающие всепоглощающим любопытством глаза раскрасневшейся молодой соседки Варьки, её долгожданный приход и её же полная зависимость от того, что она сейчас услышит в ответ, вернули бабушку Егоровну в покой заснеженного белого дня за окном... В родной двор, где со звоном стучал послушный сильным рукам колун-топор и посреди которого, вытянув шеи, кудахтающей стайкой чутко застыли разноцветные куры – чёрные, рябенькие, красненькие... В дом, где она была полноправной хозяйкой.

– А тебе-то что? – спросила она, оживая. – Месяцами тебя не докличешься, соседку такую, а теперь... Тебе-то что?

– Как же ЧТО?! – затараторила молодая соседка Варька. – А как резать вас захочет потом? Сколько их теперь шляется по свету таких, бесприютных!

– Раз! Раз! – донёсся со двора бодрый голос нежданного гостя-дровосека. – Раз! Раз! – Он, похоже, там всю разошёлся.

Ожившая бабушка Егоровна, не то от его хозяйского голоса, не то от заполошной скороговорки Варьки-соседки невольно вздохнула. Вздохнула успокоенно, легко.

– Угу! – сказала она с лёгкой насмешкой. – Сколько их, таких высоких, ладных, городских... о которых ты с детства мечтаешь!.. Не зарежет. Я помолилась... Может, Бог его мне и послал, коли вам всем до меня нет никакого дела – в магазин и то порою не допросишься сходить... куркули. Шла бы ты, Варька, домой – как-нибудь обойдётся без рыжих! Я теперь не одна! Я теперь, если хочешь знать, – размечталась бабушка Егоровна...

С заснеженного двора, со стороны сарая, где ладный горожанин колот дрова, послышалась песня. Слегка приглушённая небольшим расстоянием и двойными рамами окна, но живая, привольная.

Молодая соседка Варька предостерегающе глянула на бабушку Егоровну, замахала на неё руками. Обе помолчали, послушали:

Выйду на улицу – солнца нема,
Парни молодые свели меня с ума.
Выйду на улицу, гляну на село, –
Девки гуляют и мне весело.

Варька остудила ладонями свои пылающие щёки.

– Я сейчас! – сказала, не дослушав песни до конца. – Хлеб купить? А колбасу мягкую, какую любите? А мыло есть ещё у вас? А манная крупа?

И, застегнув на все пуговицы свой полушубок, убежала, громко хлопнув дверью в сенях.

Личико бабушки Егоровны снова появилось в окне. Внимательно понаблюдало за бегущей к калитке девушкой Варькой. Бегущей, бегущей, бегущей! Прислушалось, повернувшись бочком... Сухонькая ладошка нетерпеливо приставилась к уху:

А теперь под вечер аж пятки горят,
Ноженьки резвые в пляску хотят.
Я пойду на улицу, к девкам пойду,
Голосом звонким я им подпою...

Геннадий РУДЯГИН – прозаик, киносценарист. Родился в Северо-Осетинской АССР, в казахской семье. Русский. Окончил индустриальный техникум и сценарный факультет ВГИКА. Работал кочегаром, машинистом компрессорных установок, инженером, редактором Молдавского ТВ, корреспондентом газеты «Вечерний Кишинёв». Автор девяти книг прозы (издательства – Молдовы, России, Украины, США, Канады). Лауреат Всесоюзного конкурса на «Лучший сценарий для детского кино». Лауреат Всероссийского литературного конкурса имени Василия Шукшина «Светлые души», лауреат Всероссийского литературного конкурса имени Василия Белова «Всё впереди». Спектакль, поставленный на сцене Черновицкого музыкально-драматического театра им. Ольги Кобылянской по пьесе Геннадия Рудягина «Гніздечко», был признан лучшей премьерой сезона 1995 года на Украине. Публиковался на страницах периодических изданий ближнего и дальнего зарубежья: в журнале Союза писателей Молдавии «Кодры», литературно-художественном и публицистическом журнале «Русское поле», в литературных журналах: «Однако, жизнь» (Минск), «Москва»; «Бийский вестник» (Алтайский край), «Книголюб» (Алма-Аты); в литературном альманахе «Махаон» (Запорожье), в альманахе московской писательской организации «Проза»; в антологии «Современное русское зарубежье». В США печатался в русскоязычных газетах: «Новое русское слово», «Новый меридиан», «Русский базар», «Вечерний Нью-Йорк» и «Русский Даллас». Гражданин Украины, проживает на Украине (Черновцы) и в Америке (Роквилл).

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Взлётная полоса

АЛЛИСОН НОРЕЛ

Родилась в Кишинёве в 2001-м году. Училась в Городском театральном лицее у Елены Тендель и Василия Павленко. Окончила лицей «Светоч». Первым литературным потрясением была «Госпожа Бовари». Позже – «Идеальное убийство» Брэдбери. Кумиры в поэзии – Осип Мандельштам и Арсений Тарковский.

«НАВЕРНО, ЕСТЬ ТЕ, КТО УМЕЕТ ПРОЩАТЬ...»

Там, где боли слагаются оды,
Где время нельзя повернуть вспять
И ты обречён, если лёг под воду,
Наверно, есть те, кто умеет прощать.

Где раны всю жизнь остаются с тобою,
Как дыра на листе. Обрекут тебя жить.
Там, где дням нет конца, мне порою
Кажется – кто-то умеет любить.

ВЫБОРГУ

Мрачный город, ничего не скажешь.

И чистый, как...

Я помню, как ходила по его мощёным улицам, вдыхала его воздух.

Отчего чувство нельзя вылить в какой-нибудь сосуд, а потом из сосуда – в тех, кто захочет ощутить его таким, какое оно есть?

Помню, когда только въехала в старый город, ощутила, что улица насквозь пронизана энергией мёртвого.

Было ли то наследие войн?

Я помню, как ходила там одна.

Как моросил дождь.

Там всегда ярко-белое небо, едва уловимо серого оттенка, и никогда солнце не слепило глаза и не рисовало лишнего линиями глупого контраста.

А потом дождь лил.

Как я подошла к заливу, облокотилась на ограду. Как ветер колыхал залив в несколько сторон одновременно. Я не видела раньше такого движения воды, узор был острый – и живой, и мёртвый.

Как я представляла человека, который расслабленно и без единого лишнего движения падает в воду.

И чувствует холод, её плотность, вы когда-нибудь расслаблялись, нырнув?

И ещё не обременяющее удушье.

Голос стихии – слейся с ней. Зов.

И мне было хорошо.

И этот горизонт. Горизонт, белый и ледяной, который никогда никуда не пропадает.

Который видно возле каждого дома, в конце каждой улицы.

Чувство незапертости, некончености, дыхание полёта. Этот горизонт делал всё таким, каким оно было.

Из каждого закоулка, угла, дома, дворика тянуло этим чувством.

Неповторимости. Загадочности, ощущение тайны, такой своеобразной, какой мог быть только этот город.

Там было всегда мало людей.

Тогда я просто наслаждалась, а сейчас захлебнулась бы им.

Я вернулась и хотела быть им. Я бродила три недели по улицам этого города, а после ходила и носила Выборг в себе.

В груди. В рёбрах.

И хотела чувствовать его, не замечая, как он вытечет сквозь пальцы со временем.

По меньшей мере ещё неделю после возвращения я была Выборгом.

Его серыми мощёными улицами, мраком, холодом, свежестью и горизонтом.

И мной, идущей в нём куда-то.

* * *

Где-то в далёком лесу, в пещере,
В тихий тёмный угол забиться,
Забиться и спать...

Где-то в заброшенном городе
С ветром слиться,
Не быть, раствориться,
Тело отбросить, как чешую, и
Пространством стать...

Где-то в заброшенной крошечной церкви,
Чистой и безупречной, закрыться
И выбросить с колокольни ключи...

Где-то в пернатую
И перелётную тварь превратиться,
На выси и воздухе брюхом лежать,
Как зимой на печи...

Где-то ослепнуть, оглохнуть, застыть, перестать осязать,
Онеметь.
Где-то не выть и не петь в тишине.
Где нельзя умереть...

ПЕСНЯ

...и звук и голос скошенной травы
И лёгкий шёпот гор и моря
И лишь бывшее веянье беды
Растворённое не в море и не в реках
Пропавшее в туманном локоне звезды
Рассеявшееся, как голос в бездне...

Где было счастье и где было море
Где ветер лёг и выросли цветы
Где белая метель ждала покоя
Там светит песня птицы каждый день

* * *

Было дело:
Я одевалась к ней в белое,
Потому что чёрное – пропасть, а белое – мост,
И сама она белая,
Хрупкая и пугливая лань.
Это была не я, но зато она была мной.

Я одевалась в бодрость,
ведь она слабая.
Я не была бодрой вечность.
Я думала, что отдавала ей силы,
но, по сути, напротив, брала.
Я прятала все свои раны, все шрамы,
круги под глазами,
она не должна была видеть,
ведь устала, ей нужен покой.

Я надевала маски. Будто была простой
и
лёгкой.
Но ни ради кого в этом мире
больше.
Знала, то до поры,
мы были бы полностью всем, погода,
и истинно нами
только друг с другом.
И это был бы ещё один мир. Новый. Зрел.

* * *

Где был ты? Где ты?..
Был?..
Я умираю без тебя...
Я умирала...
Где я подобрала осколок
обронённой мной
канифоли...
Где мучилась... мучала я
Уча... свежие краски
Дотошно банальной боли...
Крича.
И как у помешанного скрипача
Отнимаются руки –
Меня ненавидели плечи.
Где ты был?..
Где?..
Был ты?..
Где?..
А я тебя звала.
И смычком кого-то лупила в печень.
Наивная, дура...
Ты кому-то нужна равносильно тому, насколько тебе кто-то нужен.

Нет, тебя я хотела, тебя я зову, звала...
Не умру.
А знаешь, всегда так хотелось,
Чтобы я была ты, и я была я. Нет, я не умру,
Но разве это не хуже?..

ЕВГЕНИЙ ЛЕБЕДЕВ

Родился 13 января 1998 года в Кишинёве. Позднее семья переехала в Тирасполь. Среднюю школу № 5 окончил в 2016-м. В том же году поступил на первый курс Приднестровского государственного университета на филологический факультет. Взяв академический отпуск, в течение года проходил срочную военную службу в авиационных войсках ПМР.

В сентябре 2018 года вернулся на второй курс и продолжил обучение.

Стихи пишет с одиннадцати лет, но сознательно заниматься творчеством стал с 16-ти. Любимые поэты – Сергей Есенин, Константин Бальмонт, Арсений Тарковский, Иосиф Бродский, Афанасий Фет, Фёдор Тютчев. Любит художественную литературу и музыку.

«И СКОЛЬКО ЖДАТЬ, ЧТОБ МНЕ ВЗЛЕТЕТЬ, КАК ПТИЦА...»**АПРЕЛЬ**

Зима вернулась. За окном апрель
Встречал её с улыбкой ледяною,
И синева сменилась сединою,
А дух весны окутала метель.

Снежинки падали на лепестки
Тюльпанов золотых, собой венчая
Бутоны обновлявшегося края,
И поколенья нового ростки.

Покрылись ветви снежной бахромой,
Что наполнялись силой молодою,
И лишь немногих вьюги карусель

Не тронула, минувши стороною,
Но были те, кто этою весною
В последний раз увидели апрель...

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Серебром безупречным покрылась земля,
И лишь слышалось лёгкое ветра дыханье.
Засыпали вдали ледяные поля,
Сохраняя в тиши вековое молчанье.

Из сияния севера соткана высь,
Что окутала ясно пейзаж Заполярья.
День и ночь словно в танце любовно сплелись,
Сознавая, что близится час расставанья.

И над чистым бескрайним простором снегов
Зажигались и таяли звёздные свечи,
И кружились в объятьях потоки ветров,
Что вели меж собою безмолвные речи.

И дорогою в вечность служил Млечный Путь,
На который ступали творцы мирозданья,
Что сокрыли безмерного сущего суть
У блаженных истоков святого сиянья...

* * *

Скажи мне, ночь, куда уходит юность?
И как со старостью мне перейти на «ты»,
Когда она придёт в седую лунность
Под тёмным бархатом бездонной высоты?

Скажи мне, ветер, что в ночную пору
Ты шёпотом расскажешь? Сказку или быть?
Иль ты исчезнешь, позволяя взору
Увидеть лунный путь в невозмутимый штиль?

Скажи, луна, как долго будут длиться
Страдания людей меж небом и землёй?
И сколько ждать, чтоб мне взлететь, как птица,
Упав затем во тьму сгоревшею звездой?

Скажи мне, море, где таится счастье?
В какой на карте неотмеченной стране?
В каких краях укрыться от напасти?
Как не сойти с ума в звенящей тишине?

Молчала ночь, сияя безупречно,
И ветер промолчал, взмывая в вышину.
И лишь луна сказала: «Бесконечно»...
А море гнало вдаль угрюмую волну.

РОЛЬ СЛУЧАЯ

Подбросив вверх последнюю монету,
В её вращении я вижу жизнь свою
И, неземному покорясь совету,
На волю случая события предаю.

Пусть он решит, что я решить не в силах.
Надежда умерла, взяв у любви пример.
Весь мир застыл, и кровь застыла в жилах –
Раздался зычный звон ответом высших сфер.

И медный диск неспешно покатился,
Как солнце, обогнув всего меня кругом,
И в двух шагах в тиши остановился,
Оставшись на земле адамовым ребром.

УМИРОТВОРЕНИЕ

Священной тишины воздушное дыханье
Гуляет меж ветвей золотогривых ив,
Лишь ленты голубой блаженное журчанье,
Доносится до них, рассвет благословив.

Янтарные лучи пронизывают кроны,
Лаская на заре жемчужины росы,
И тихо камыши, отдавшие поклоны,
Встречают юный день вдоль водной полосы.

И льётся синева в хрустальном отраженье,
Ведя неспешно вдаль фрегаты облаков,
Царят свободы дух и умиротворенье,
Объемлющие свет и ясные без слов.

К***

Упившись вволю сладким сном,
Я утопал в мечтах. Порою,
Они служили мне вином,
И я пьянел от них... не скрою.

Я грезил блеском карих глаз
И чистотою ровных линий
Её лица в рассветный час,
И видел лишь лицо богини...

Её слова – истоки рек,
Чьи воды к жизни возвращают,
А поцелуй, как первый снег,
Что на устах блаженно тает.

Её душа – святой эфир,
Которым я дышать не вправе,
Но я дышу, и тленный мир
Мне в вечной кажется оправе.

И погрузившись снова в сны,
Я просыпаюсь ежечасно,
Чтоб вновь в объятьях тишины
Мечтать невольно о прекрасном...

* * *

Чем справедливость отличается от мести?
Где самосуд и грех, а где защита чести?

И прав ли будет тот, кто рубит жизнь под корень
С девизом «глаз за глаз», коль духом неспокоен?

Кто в шуме разберёт, похоронив молчанье,
Звучал ли Божий глас иль шёпот оправданья?

Но что б умы Земли в сердцах не утверждали, –
Глядят лишь на одну из двух сторон медали.

* * *

Как мимолётен бойкий цвет
Беспечной молодости нашей,
Как скоро будет он отпет
На выгорающем пейзаже...

Что на холсте отражено:
Семьи окованное древо
Иль вольный сплин? В глазах темно.
Ступить направо мне? Налево?

И плачет чаша алых дней
От трещин. Геба не смеётся.
И час от часа холодней,
И клочья туч съедают солнце.

Но время, опустив прицел,
Сплетает явь с мечтой моею –
Я очень рано постарел
И с каждым годом молодею.

* * *

Я сижу в полутьме обветшало́го дома.
Всё знакомое с детства теперь незнакомо.
Капли азбукой Морзе стучат по стеклу.
Не даёт мне уснуть рёв рождённого грома.
На пороге стоит истощённая дрёма.
Мысли вновь ворошат прежней жизни золу.

Что я здесь позабыл? Кто ответит? – Молчанье.
Зеркала в нитях трещин. Черны очертанья.
Плети молний порывисто хлещут вдали.
Ветер Вечным Жидом продолжает скитанье.
За весельем печаль, за блаженством страданье,
Словно спящие зёрна во мне проросли.

СВЕТ ПРАВОСЛАВИЯ

НАТАЛЬЯ ЛЯСКОВСКАЯ

СКВОЗЬ ГОРНИЛА СОМНЕНИЙ

(Записки разных лет)

«... Не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла...» – можно прочитать в последней тетради дневников Фёдора Михайловича Достоевского.

Да, это я и о себе могу сказать.

Как трудно мне давались и даются посейчас самые простые для других, судя по их словам, вещи! Исповедь, например.

Господь посылал мне на жизненном пути много замечательных священников – наставников, добрых друзей, строгих отцов, чистых сердцем, умудрённых, простых, даже прославленных (в мирском смысле), но ни разу не посылал мне настоящего исповедника.

Или посылал?

Хорошо помню свою первую исповедь в конце восьмидесятых. Храм на Неждановской ломился от народа, я буквально стояла на одной ноге и очень боялась потерять сознание и упасть в обморок на людей, испортить им исповедь суею и привлечением внимания к своей особе. Это был мой первый Великий пост и с непривычки было трудно. К тому же, как все неофиты, мы тогда по пословице «лоб расшибали»: питались чуть ли не «мёдом и акридами» (тогда и вообще с продуктами было тяжело, а постный стол был – хлеб, картошка да свёкла, не то что ныне. Мёд, кстати, был, и неплохой – его привозил откуда-то из-под Калача промышлявший этим прозаик Юра Доброскокин). Вышел батюшка – и я сразу увидела, как он устал, как ему тяжело. Всё ж не упала, людская волна донесла и меня до аналая, что-то я там пролепетала, растерялась, священник прямо чуть ли не за шкурку наклонил меня к Евангелию и кресту, отпустил грехи, сказал: «Целую!» и тут же меня оттеснили в сторону. Испытанное мной тогда облегчение скорее относилось не к тому, что я теперь «безгрешная» и всё такое, а к тому, что я прошла это испытание и не особо облажалась... Сейчас вспоминаю с улыбкой, но ведь первая исповедь для человека, серьёзно относящегося к вере и исполнению установлений Церкви, действительно большое испытание: к самой не раз потом обращались люди с просьбой как-то направить, помочь – посоветовать доброго, терпеливого батюшку, даже сопроводить...

Помню ещё свою первую исповедь в Оптиной пустыни, в те же годы. Обитель только-только активно восстанавливалась, всюду стояли леса, шли работы. Даже разножка исповедника в храме стояла под дощатыми «козлами». Принимал покаяния молодой монах, лет тридцати, темноволосый, очень серьёзный. Приехали мы в обитель ранним утром, ещё стояли звёзды на небе, всё завалено снегом вокруг (Рождественский пост), красота невероятная... Но я тогда была ещё такая дурища... Это сейчас мне хоть телевидение, хоть инопланетяне приезжай, я как сидела в платочке, так и сижу. Ну, умоюсь разве что лишний раз... А тогда я и не представляла себе, как можно выйти из дому неподкрашенной. Я ж буду «некрасивая»! Так что, встав в пять утра, я нарисовала глаза (рот, конечно, не подмазывала, я уже знала, что намазюканными губами к иконам прикладываться нельзя), и мы поехали. Представляете? В монастырь, на исповедь собралась, фря такая! Но я ж была не одна, а с человеком, которому боялась тогда разонравиться...

В остальном, правда, была одета прилично: голова покрыта, белая рубашка под горло, чёрный свитер (сама вязала), длинная юбка (из крепдешина, зимой...).

Жизнь так интересно запутана, так причудливо пересекаются в ней судьбы людские! Так вышло, что привезла нас в обитель на чёрной «Волге» российская подруга одного известного в то время арабского террориста. Прямо настоящего. Он разыскивался Интерполом, она его прятала в Москве по квартирам друзей, занималась продюсированием каких-то афё, например, устраивала поездки «агитбригад» писателей в разные города. Писатели в основном были молодые и нищие, им прикольно было бесплатно поехать куда-нибудь. Я, к примеру, принимала участие в десанте на пограничный посёлок Советский, за Выборгом, на границе с Финляндией. Это была, конечно, авантюра... как теперь смутно догадываюсь, с тёмной подоплёкой... что нужно было этой женщине в режимном посёлке?.. Писатели, разумеется, этого не знали. Мы выступили в местном ДК

(был День рыбака), всем было на нас плевать, все хотели пить водку и залились, считая, что их обманули: подсунули каких-то чудиков вместо праздничного концерта с эстрадными певцами. Но нам что-то заплатили за выступление (редкость в то время для молодых писателей), мы потом долго гуляли по Выборгу, так что остались довольны. Второй нашей совместной с той дамой поездкой стало паломничество в Оптину пустынь. Вот такой разброс интересов был у подружки террориста...

И вот на исповеди под «козлами» я начала рассказывать монаху о своих грехах... что-то он у меня спросил, раз, другой... я ответила... и вот уже осознаю — я рыдаю в полный голос в почти безлюдном храме, аж наизнанку выворачиваюсь, не могу сдержаться, буквально сотрясает меня, вся мокрая, в слезах и соплях, чёрные разводы по всей мордочке, как у смоляного чучелка... вытираюсь рукавами, подолом свитера, концами платка... позорище, в общем. А монах как-то помягчел, смотрит сострадательно, не ругает меня, не строжится, молчит. Потом встал вдруг на колени, держась за деревянную строительную конструкцию, и говорит:

— У меня брат сегодня погиб. Давайте помолимся, Наталья, за его душу, прошу вас...

Я вдруг прямо всем существом ощутила — от него веет глубоким горем. Меня это так впечатлило, что я как-то сразу утихла и встала рядом на колени, и молилась, как могла. Долго мы так простояли... или мне казалось, что долго. Потом словно нам обоим стало легче. Он накрыл меня епитрахилью (ах, почему же я не помню его имени!), тихо произнёс отпуст, был так кроток, так светел, и мне было так хорошо, наверное, это и была первая настоящая моя исповедь.

Потом сказал:

— Приезжайте ещё, Наталья. Только уж глаза не красьте, ладно?

.....

Конечно, я ходила и хожу на исповедь. Даже после смерти маленькой дочери, которая отняла у меня восторженную радость в вере, ту эйфорию, с коей я воспринимала до этого всё происходящее со мной в храме в частности и в Церкви вообще... Я стала примериваться под смерть:

Уже примериваюсь,
уже прикидываю.
Уже распадаюсь
на соединения ангидридовые...
Как бы мне половчее да способнее
прилечь бы
с ней рядышком
под надгробие?
Чем дальше я от неё по времени,
тем всё явственнее
беременной.
Возвращаюсь в двадцать шестое января,
девяносто первый год,

три часа ночи,
фонари не горят.
Встала с кровати напрасно:
были белые носки – стали красные.
Может,
во второй раз
не только меня спасут?
И я понесу из роддома,
как все несут,
девочку мою, птичку мою!
Да только снова на крыльце
я
пустая
стою...

Я очень страдала, очень, меня поймут матери, потерявшие детей. Я не могла смириться: как Бог допускает, что умирают невинные младенцы?! Но и тогда меня всё ещё вполне устраивала исповедь «по форме», хотя, конечно, я всегда вкладывала в неё искренние чувства. Это была исповедь, так сказать, односторонняя, без обратного действия. Оно мне и не было нужно. Я действительно понимала, как тяжёлый труд священника: на каждого сердце тратить – никаких сил надолго не хватит. Я их жалела, понимала, сочувствовала. В общем, справлялась, с Божьей помощью...

Но несколько лет назад я по-настоящему ощутила, что остро нуждаюсь в исповеди. Мне очень нужно было! В жизни моей произошло большое потрясение, выбившее почву из-под ног, возможно, на время я даже повредила в уме, а может быть, был нанесён и вред моей душе...

бывают ночи чую в страхе на завтра нет другого дня
и в этой старенькой рубаше нет тихо дышащей меня
в квартире терпкий дух опилок присущий гробовым дубам
сынка младенческий затылок не ощутить моим губам
он плачет он умеет плакать в прошедший год узнала я
Бог на иконке крытой лаком отныне вся его семья

Когда я опомнилась, стало очень страшно это осознавать, нести это в себе, меня разрывало почти в реальном смысле. Долгие молитвы на коленях, искреннее покаяние наедине с Богом – всё это помогало кое-как жить дальше. Но впервые за много лет я действительно невыносимо нуждалась в помощи духовника, исповедника. Чтоб вот так:

и вот опять епитрахиль смирила буйну да горячу
ветхозаветная Рахиль тебе завидую и плачу

Прочитала у отца Иоанна Крестьянкина в его книге «Опыт построения исповеди»: «... ждёт и жаждет очередной исповеди, как иссохшая земля ждёт живи-

тельной влаги. По словам псалмопевца Давида, «душа моя, яко земля безводная Тебе» (Пс.142:6). Представьте себе на минуту человека, не смывавшего с себя телесную грязь всю жизнь! Вот и душа требует омовения, и что было бы, если не было бы Таинства Покаяния, этого целительного и очистительного «второго Крещения»!» Да, да! Именно так – всей душой я искала этого очистительного и целительного «второго Крещения»!

И начались мои хождения по отцам – «поезжай в такой-то монастырь, там такой отец Павел!..», «иди к отцу Андрею, все его хвалят», «тебе надо к иеромонаху такому-то», «тебе надо к старцу такому-то...». Вот так чтоб, сразу – исповедалась – и обновилась, очистилась, начала жизнь новую!

Но мне предстоял тяжёлый, извилистый и долгий путь...

Наталья ЛЯСКОВСКАЯ – поэт, прозаик, переводчик, публицист.

Родилась на Украине, в городе Умань. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей России. Член ПЕН-клуба русских писателей. Член Совета Международного Союза православных женщин. Председатель жюри фестиваля для детей и юношества «Таланты Московии». Председатель жюри Всероссийского Гумилевского литературного конкурса для подростков и юношества «Золотое сердце России». Лауреат Почётного знака дружбы народов «Белые журавли России» и медали «Поэт и воин Игорь Григорьев» – за большой вклад в сохранение и развитие русской словесности, традиций патриотического воспитания. Победитель всероссийского конкурса им. Павла Беспощадного «Донбасс никто не ставил на колени». Автор многих публикаций в центральной и региональной прессе. Автор книг для взрослых и детей: «Ежиная книга», «День ежа», «Сказки о варежках и бабушках», «Куда девался дождь?», «Окно в давно забытый сад», «Сон-травя», «Душа Наташи», «Сильный Ангел»; книг переводов – «Переливание крови», «Судьба солдата», «Большая книга мудрости. Библейские притчи», «Преподобный Сергей Радонежский», «Матрона Московская», «Православные святыни России». Книга «Матрона Московская» вошла в короткий список премии «Золотой Дельвиг». Живёт Наталья в Москве.

ВИКТОР КУШНИРЕНКО

К 110-летию со дня рождения Бориса Трубецкого

**«К НЕМУ СЛЕТИТ МОЯ ПРИЗНАТЕЛЬНАЯ ТЕНЬ,
И БУДЕТ МИЛО МНЕ ЕГО ВОСПОМИНАНЬЕ...»**

Эти пушкинские строки из послания «К Овидию», рождённые на молдавской земле, высечены на мраморном надгробии могилы, в которой покоится прах Бориса Алексеевича Трубецкого – одного из крупнейших исследователей творчества Александра Пушкина. Учёный, критик, доктор филологии, профессор, заслуженный деятель культуры Молдавии. Россиянин, блокадник. Первый директор мемориального Дома-музея А.С. Пушкина в Кишинёве. Это именно по его инициативе восстанавливались музей и бывшая усадьба семьи Ралли в Долне.

Перу Бориса Трубецкого принадлежит более 200 научных и литературных трудов, он автор сценария документального фильма «Пушкин в Молдавии», созданного совместно с поэтом Анатолом Кодру.

В довоенный период традиционная пушкинистика в Советском Союзе получила бурное развитие, шагнула далеко вперёд.

В 1937 году широко отмечалось столетие со дня смерти великого русского гения. В свет вышли многочисленные издания его произведений, научные труды, посвящённые его творчеству. Имя Пушкина получило бывшее Царское Село. Во многих городах были возведены памятники Александру Сергеевичу. Торжественные мероприятия прошли в мемориальных пушкинских местах – Михайловском, Тригорском, Болдине. Нашедшая отклик во всём мире дата трагической гибели Пушкина в течение нескольких дней отмечалась и интеллигенцией Кишинёва, где некогда поэт отбывал ссылку.

Молдавская пушкинистика, которую Борис Трубецкой назвал *молдавской пушкинианой*, тоже развивалась. Но она была обособлена в силу оторванности Бессарабии от СССР, она почти не вливалась в советскую пушкинистику. К примеру, труды Георгия Гавриловича Безвиконного, основанные на глубоких архивных изысканиях, и сегодня ещё не переведены на русский язык, не изданы и поэтому доступны немногим.

Большое значение для развития молдавской пушкинистики как науки имели знаменитые Южные пушкинские конференции, прошедшие в конце 1950-х начале 1960-х годов в Кишинёве и Одессе. Именно на этих важных встречах учёных заявила о себе целая плеяда талантливых пушкинистов из Молдавии.

Достойная продолжательница Южных конференций с 1993 года – «Бессарабская весна», международные научные пушкинские чтения. В этом году, в конце мая, благодаря помощи Российского центра науки и культуры в РМ и под его эгидой на высоком уровне, очень активно и содержательно прошла уже VII «Бессарабская весна», посвящённая 220-летию со дня рождения великого поэта России. Пожалуй, стоит заметить, что большой интерес у наших гостей вызвал впервые представленный автором этих строк доклад под названием «Новые уникальные свидетельства о пребывании и крещении восьмилетнего прадеда А.С. Пушкина в наших краях в 1704 году».

Сейчас и в традиционной, и в новейшей пушкинистике многие беззастенчиво величают себя исследователями жизни поэта. Но настоящий пушкинист – это тот, кто посвятил изучению биографии и творчества Александра Сергеевича Пушкина всю свою жизнь.

К таким личностям можно отнести Евстафия Неговского, энтузиаста, горячо популяризовавшего наследие Пушкина среди молдавского народа в период румыно-боярской оккупации края. В этом ряду имя Георгия Гавриловича Безвиконного (1910-1966), Бориса Алексеевича Трубецкого (1909-1998), Георгия Фёдоровича Богача (1915-1992), Ефросиньи Михайловны Двойченко-Марковой (1901-1980).

Но именно Борис Трубецкой уверенно прошёл в советское время с темой «Пушкин в Молдавии», обессмертив своё имя тем, что тесно связал молдавскую пушкиниану с традиционной пушкинистикой как наукой и внёс свой бесценный вклад в её развитие на нашей земле.

Академик Константин Фёдорович Попович, выступая в 1999 году на IV-й «Бессарабской весне» с докладом «Пушкин в молдавском ареале», говорил: «Синтезирующее многолетние поиски Трубецкого исследование «Пушкин в Молдавии» открывает перед читателем широкую панораму, отражающую мно-

гие этапы, грани и аспекты, связанные с периодом пребывания Александра Сергеевича в нашем крае. На фоне социально-политического положения тогдашней Бессарабии автор монографии досконально прослеживает и убедительно раскрывает антураж, круг интересов поэта, связь с различными слоями современного ему общества, тяготение к простому народу, взаимоотношения с декабристами и гетеристами, многогранную связь с молдавскими реалиями и явлениями, составившими основу его молдавского фольклорно-литературного цикла. Работа Бориса Трубецкого вызвала особый интерес, собрала большую прессу и выдержала шесть изданий».

Борис Алексеевич очень хотел дожить до 200-летия со дня рождения поэта, потрудиться в юбилейном оргкомитете. Но его не стало в июне 1998 года. Мне тогда поручили выступить с прощальным словом в Союзе писателей Молдовы.

Он на два года моложе моего отца. Прожил 89 лет. Из них – 54 года в Кишинёве занимался исследованием жизни и творчества Пушкина.

Будучи студентом филологического факультета, я внимательно слушал его интересные лекции по истории русской журналистики. С 1974 года видел его выступающим в столице и в Долне на республиканских праздниках пушкинской поэзии. Узнав, что я интересуюсь бессарабским периодом жизни поэта, он сам подошёл ко мне и сказал, что в этом отрезке времени искать больше нечего. Всё, что можно было найти, уже изложено в его книгах. Я тогда промолчал.

В 1990 году в издательстве «Литература артистикэ», которое я курировал от ЦК Компартии, вышло шестое издание монографии Бориса Трубецкого «Пушкин в Молдавии», сборник избранных произведений поэта «В стране, где я забыл тревоги прежних лет...», подготовленный Домом-музеем поэта, и первое издание моей книги-летописи «В стране сей отдалённой...».

Борис Алексеевич тут же опубликовал две рецензии на мою книгу в газетах «Вечерний Кишинёв» и «Народное образование». Тогда он впервые назвал меня молдавским учёным. Мы обменялись книгами, автографами. Он написал: «Коллеге по работе и по жизни». С этого момента мы часто общались по телефону. Он не приходил в музей, но знал о положении дел, о моём желании уйти из Домика, как мы все ласково называли музей. И убедительно просил не делать этого. Передавал свои статьи, которые я зачитывал на «Бессарабской весне», а потом и публиковал их.

Он собирался поехать вместе со мною в Петербург, в Пушкинский Дом, познакомиться с руководством, с академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым, с российскими пушкинистами. Хотел показать там и свой рабочий стол, за которым когда-то в молодости трудился.

У него была заветная мечта – изготовить и включить в постоянную экспозицию музея в Кишинёве масонскую тетрадь поэта. Против этого его благого намерения выступали сотрудники Пушкинского Дома. Но мечту Бориса Алексеевича мы всё же осуществили. Раз в год я выезжал в Петербург и делал заказы от музея. Каждый раз вместе с прочими материалами заказывал и страницы из масонской тетради так, чтобы художники здесь могли сложить в итоге саму тетрадь. Теперь такой редкий экспонат присутствует в экспозиции нашего Дома-музея. Правда, за дерзкую самостоятельность я получил выговор от заведующего отделом пушки-

нистики Сергея Александровича Фомичёва, ставшего впоследствии нашим большим другом.

Доклад о Борисе Трубецком я сделал в нашем Российском центре науки и культуры в 2009 году, когда мы отмечали 100-летний юбилей со дня рождения пушкиниста. Тогда мы посетили могилу Бориса Алексеевича на Центральном кладбище, возложили цветы. Она располагается близ захоронений кишинёвских знакомых Пушкина, многих деятелей науки и культуры, прославивших Молдавию: поэта Алексея Матеевича, фольклориста, историка литературы Георгия Богача, глубоко изучавшего период южной ссылки Пушкина, его связи с молдавской культурой.

Материалы о Борисе Трубецком мною переданы и опубликованы в молдавской музейной энциклопедии в 2011 году. О нём есть статья в моём «Словаре южной ссылки А.С. Пушкина», где представлено более 2900 биографических очерков, в том числе и об известных молдавских пушкинистах. Стоит заметить, что таким образом я выполняю завещание академика Константина Поповича, обнародованное на упомянутой мною «Бессарабской весне».

Почти полвека мы были знакомы с Борисом Алексеевичем Трубецким, выдающимся пушкинистом. Первый разговор о Пушкине у нас с ним состоялся 28 лет назад. И только восемь лет мы тесно общались как коллеги. Но его имя, его труды всегда у меня на столе. Наш диалог продолжается...

Виктор КУШНИРЕНКО – известный молдавский пушкинист. Его книги – лауреаты многих престижных национальных и международных книжных конкурсов. К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина вышел его двухтомный научный труд, своеобразный роман в документах «В стране сей отдалённой...» – летопись жизни и творчества А.С. Пушкина в Бессарабии, Каменке, Киеве и Одессе. Его научное открытие представлено в книге «Бессарабская весна А.С. Пушкина. 1821 год». Четыре года назад издал книгу путевых очерков «Священна для души поэта...». Путешествия по Бессарабскому пушкинскому кольцу». Он – автор, соавтор, редактор многих книг, сборников, учебников, хрестоматий, видеофильмов. Его перу принадлежит более 250 научных статей о Пушкине, опубликованных в молдавской и зарубежной печати. Виктор Кушниренко – главный редактор выпущенного в Кишинёве в рамках российско-молдавского проекта первого в мире толково-энциклопедического «Универсального иллюстрированного словаря русского языка» в 18 томах – от Пушкина до наших дней.

В Кишинёве в ноябре состоялся масштабный Форум этносов, посвящённый 30-летию зарождения этнокультурного движения в Молдове. В большом зале Дворца Республики собрались представители около ста народов и народностей, проживающих в нашей стране. «Девиз форума: «Сердце моё – это Молдова». Я уверен, что каждый из присутствующих в этом зале, каждый из представителей разных этносов может сказать о себе так. На любом языке – молдавском, русском, гагаузском, болгарском и многих других. Я горжусь тем, что нам удалось создать единое межнациональное общество. Несмотря на все проблемы, которые нас преследовали, начиная с 90-х годов, – мы выстояли», – сказал президент Молдовы Игорь Додон.

Журнал «Русское поле» с момента своего первого выпуска провозглашает взаимоуважение и понимание между людьми разных национальностей. В прошлом номере на наших страницах появилась рубрика «Голос Буджака» (Гагаузская мозаика).

А на этот раз мы знакомим читателей с культурой такого самобытного народа, как ромы (цыгане). В Молдове пока не приходится говорить о цыганской литературе, но бывшая жительница Кишинёва, поэтесса Елена Черткова, проживающая ныне в США, узнав о нашем намерении, бросила клич и собрала по миру множество интереснейших материалов, часть которых мы подготовили к публикации.

Открывая новую журнальную рубрику, нельзя не сказать об уникальной художественно-публицистической передаче на Молдавском общественном телевидении «Moldova-1» – «Петало романо» («Цыганская подкова») о жизни современных цыган Молдовы. Вот уже 23 года ежемесячно выходит она в эфир на молдавском и цыганском языках. Телезрители старшего поколения помнят её первого автора – блестящую ведущую, заслуженную артистку РМ, танцовщицу Евдокию Негру. Сейчас эстафету подхватила журналист Елена Сырбу. Отныне будет сказ об этом весёлом свободолюбивом народе и в «Русском поле».

Итак, присаживайтесь к цыганскому костру. Мы начинаем.

ЛЯЛЯ ЧЕРТКОВА

ТАК КАРТЫ ЛЕГЛИ...

Карта «Дорога». Путь из Индии в Европу

Путь цыган из Индии в Европу занял девять веков и проследить его можно, анализируя цыганский язык, правильнее будет называть его «романи». Слова «урдо» (кибитка) и «бахт» (счастье) позаимствованы из персидского языка; слово «граст» (конь) – армянского происхождения, а Греция вложила в уста этого народа слова «пэталю» (подкова) и «дром» (дорога). Интересно, что в языке романи есть множество синонимов глагола «странствовать», но ни одним словом не обозначается понятие «поселиться».

Карта «Дама». Почему цыганки пёстро одеваются

Можно предположить, что цыганский костюм изменялся от века к веку и не является традиционным. Отметим лишь одну деталь: в силу профессии – имеется в виду гадание – цыганские женщины должны были выделяться среди других. Одежда их, хоть и менялась во времени, но всегда была яркой, привлекающей внимание. Есть гипотеза, что нынешний вид цыганского костюма был придуман графом Алексеем Григорьевичем Орловым-Чесменским для своего хора, а потом такая одежда вошла в моду.

Карта «Священнослужитель». Религия цыган

Цыгане принимали религию того народа, рядом с которым жили. Причины тому были сугубо социальными: народ искал постоянного контакта с миром и людьми. А так как в обыденной жизни рассчитывать на веротерпимость окружающих не приходилось, то важнейшим условием контакта становилась воспринятая религия. Православные цыгане – редкие гости в церквях, но они неукоснительно совершают два христианских обряда – крещение и отпевание. Вот что рассказал один бывший «подколесный» ром, так сами цыгане называли таборных соплеменников:

«Бывало, что и не было у нас икон. Тогда брали таз, становились на колени перед солнцем. Оно у нас – первый Бог, это ещё по старинушке считается. Молились, молились и говорили: “Развей ты, Солнце, счастье моё, если я в чём-то виноват. Накажи мои руки и ноги. Чтобы не было счастья моим детям, чтобы они сгорели в твоём огне». Били палкой по тазу, траву рвали горстями и подбрасывали её к небу».

Подобное смешение христианского с языческим характерно для цыганского сознания. Иначе чем объяснить, что после крещения на шею ребёнку вместе с крестиком вешают ладанку с корешками трав?

Карта «Маг». О гадании

Гадание – основное занятие цыганок почти всех этнографических групп. Существуют различные формы предсказания судьбы, цыганки искусно пользуются едва ли не всеми ими. В основе же профессионального гадания – гадание по гла-

зам. Большую роль здесь играет жизненный опыт гадалщицы, её красноречие. Отличные физиономисты, цыганки сразу же выхватывают из толпы потенциального клиента и моментально «входят в образ». Существуют определённые каноны наговора, которые скорее можно отнести к ораторской или даже актёрской технике. Но построение наговора, как правило, основывалось на импровизации. Всматриваясь в глаза собеседника, цыганка улавливает малейшие оттенки его реакции на свою речь и устанавливает незримый мост на уровне подсознания.

Совсем рядом с профессией гадалщиц – знахарство. Здесь, помимо традиционного траволечения, используются известные приёмы экстрасенсов, применяются и всякого рода магические заговоры. В таборе обычно есть знахарка – шувани, помимо всего прочего ещё и хранительница традиций.

Излюбленным занятием русских цыган были торговля и обмен лошадьми. В качестве «навара» цыгане обычно брали мелкий рогатый скот, продукты питания, изделия мануфактуры и реже – деньги. Единственным изъяном выменянной у крестьянина лошади была её слабость от изнурительной работы. Цыгане таких лошадей откармливали, давали им отдохнуть, при необходимости вылечивали, а потом опять пускали в меновой оборот. Негодных к работе или старых животных продавали на мясо – обычно татарам. Так же поступали и с большинством краденых лошадей. Надо сказать, что случаи конокрадства в литературе и молве сильно преувеличены. Будь цыгане поголовно конокрадами, они вряд ли смогли бы ужиться среди других народов России.

Барышничеством занимались не только русские цыгане. Эта профессия в прошлом была широко распространена и в среде венгерских цыган – ловаров. Кстати говоря, названия многих групп цыган произошли от рода их занятий. Те же ловары по-русски звучали как лошадаики, кэлдэраы – лудильщики, урсари – дрессировщики медведей. Среди распространённых цыганских ремёсел можно назвать не только кузнечество, но и обработку древесины: изготовление кухонной утвари – сит, решёток, мисок, тарелок и ложек. Ныне едва ли не полностью утраченное искусство дрессировки медведей не так давно процветало в странах Центральной и Восточной Европы.

В городке Сморгонь Гродненской области в Белоруссии действовала так называемая «Медвежья академия», где проходили обучение как животные, так и их будущие наставники.

Польский цыганолог Ежи Фицовский пишет ещё об одной уникальной профессии цыган, которая принадлежит прошлому, – крысоловство. Не исключено, что оно было традиционным ещё в те далёкие времена, когда цыгане жили в Индии.

Карта «Король». Барон в таборной жизни

Табор – это объединение нескольких семей. На севере он мог состоять и из одной только семьи, зато на юге мог включать в себя тридцать-сорок семей. Свообразными перекрёстками цыганских дорог служили города, славившиеся своими ярмарками, – Нижний Новгород, Лебедянь, Полтава. Во главе табора стоит вожак. Сами цыгане никогда так не называли своих предводителей, они именуют их «пхуро ром» (старый человек) или «баро шеро» (большая голова). Кэлдэраы

называют своих «старших» баронами. Во главе рода и табора стоит мужчина. Первого выдвигает сама жизнь, а второй «заступает» на должность через выборы. Вожак не только регулирует внутреннюю жизнь табора, являясь третейским судьёй, но и определяет направление кочевья, играет важную роль в распределении заработанных средств, осуществляет контакт с местными властями. Вожаки – это умудрённые опытом пожилые люди, спокойные и уравновешенные, прекрасные ораторы. Важным общественным институтом в этой среде является цыганский суд (крис, сэнд). На его рассмотрение выносятся конфликты по поводу неисполнения данного слова, невозвращения долга и преступления среди своих. Цыганский суд собирает потерпевшая сторона. Приглашаются наиболее авторитетные представители самых уважаемых родов. Потерпевший оплачивает дорожные расходы и содержание суда во время разбирательства дела, организует быт приглашённых. Суд выслушивает аргументы сторон, свидетелей, а потом выносит приговор, который считается окончательным. Если потерпевший выигрывает дело, то расходы перекадываются на проигравшую сторону. Сразу же описывается имущество проигравшего и распродаётся с молотка. Если нельзя проверить показания сторон и не находится свидетелей, обе стороны произносят торжественную клятву (совэл) перед иконой. Цыгане не идут на ложную клятву, ибо разоблачённый клятвopеступник с позором изгоняется из среды, причём позор падает и на потомков обманщика. Изгнание из среды – высшей мера цыганского суда.

Законы таборной жизни отвергают любую форму эксплуатации. Важнейший закон – правило общего «котла». Когда заработок получен, происходит ритуал дележа, и в этом участвует весь табор. Такой ритуал имеет огромное воспитательное значение: ведь труд каждого становится предметом всеобщего и очень пристрастного обсуждения. Таборная жизнь требует постоянной взаимовыручки. На попечении табора находятся молодые семьи; семьи, потерявшие кормильца, сироты. Законы круговой поруки позволили цыганам выжить и сохранить национальную целостность в условиях враждебной окружающей среды.

Карта «Символ». «Шпэра» – дорожные знаки

Кочевая жизнь выработала у цыган практику применения знаков дорожного общения. Дорожные знаки «шпэра» (буквально – следы) служили ориентиром для таборов, идущих следом. Ничего не говоря непосвящённому, шпэра позволяет цыганам обмениваться обширной информацией: они указывают направление того или иного табора, предостерегают о возможной опасности, подсказывают, какая дорога удобна для движения, где к цыганам плохо или хорошо относятся.

Существует и феномен «цыганская почта»: если встречаются два табора или даже два цыгана, то они обязаны обменяться последними новостями. Благодаря мобильности цыган, скорость распространения информации в их среде весьма высока.

Надо сказать, что образ жизни каждого цыгана от рождения и до смерти строго регламентирован многочисленными ритуалами и подчинён традициям, идущим из глубины веков.

Карта «Влюблённые». Институт брака

В прошлом браки цыганских детей заключались по расчёту. В наши дни такое случается редко, хотя иногда всё-таки случается.

Вот что пишет Жан-Поль Клебер в исследовании «Цыгане»: «В некоторых цыганских кланах до сих пор остались следы обычая женить детей в раннем возрасте, примерно между восемью и четырнадцатью годами. Такие браки заключаются по решению родителей и, конечно же, без согласия будущих супругов. Брачная церемония сведена до простой формальности, и дети продолжают жить в своих семьях до достижения половой зрелости. В это время никаких интимных отношений между ними нет. По достижении зрелости, церемония скрепляет выгодный союз». Автор также упоминает о существовании трёх основных форм заключения брака: похищение (силой или с согласия), покупка, брак по обоюдному решению.

Случаи похищения и продажи редко встречаются в наши дни. Обычно родители мальчика решают, какая девочка в таборе наиболее подходит ему, хотя в наше время учитываются ещё и чувства, которые юная чета испытывает друг к другу. Встречаются с родителями невесты, и, если они согласны, договариваются о размерах её приданого. После достижения согласия молодые люди считаются помолвленными.

В отличие от «гайо» или «гаджо» (не цыган), у цыган нет обручальных колец, но девочке дают золотую монету, которую она носит на шее. Её можно выдать замуж с тринадцати лет, но обычно это происходит примерно в шестнадцать.

Не раз бывало, что две цыганские семьи сговорились о женитьбе и приданом, а потом выяснялось, что будущие супруги холодны в отношениях, или их сердца отданы другим. Случалось, что для сговорённой девушки или юноши единственным выходом было сбежать с предметом своей любви. Тогда парочка скрывалась несколько недель, а потом возвращалась в табор с повинной. Конечно же, приходилось выслушивать попреки от всех и каждого, но их уже принимали как мужа и жену. Если же сын или дочь совершали запретное, сбежав с гаджо, их крайне редко принимали обратно, им ничего не оставалось, как странствовать по дорогам в одиночку. Девушки чаще, чем юноши связывали судьбу с человеком чужой крови. Если женщину-нецыганку брали в табор, ей приходилось полностью подчиняться свекрови и, что бы ни случилось, ей запрещалось покидать лагерь. Но если всё проходило гладко, то уплачивалось приданое и начиналось празднование. Выбирали супружескую чету, становившуюся молодожёнам кем-то вроде крёстных отца и матери. К ним молодые могли обращаться за помощью, советом и поддержкой.

Сама свадебная церемония проводится в таборах по различным канонам. Кульминация наступает, когда молодые клянутся хранить верность друг другу. В некоторых кланах в этих словах и заключается вся церемония! В других – принято ритуально обмениваться хлебом-солью, красными «диклос» (головными платками) и красными цветами. В старину молодожёны резали запястья и смешивали кровь, связав руки красной тканью, но в наше время такое редко встречается.

Вскоре после рождения мальчику дарят две золотые серьги, которые он всегда носит. На свадебной церемонии отдаёт невесте правую серьгу. Таким образом, взглянув на цыгана, можно определить, женат он или нет.

Обычно свадебные празднования продолжаются несколько дней, со множеством плясок, песен и потех. Это время всеобщего перемирия, когда забывают о разногласиях и ссорах. Песни и танцы играют важную роль в праздновании. В книге «Цыганские демоны и божества» Элвуд Тригг пишет: «Особые слова, жесты, песни и танцы, называемые соответственно «моска», «альборея», «качуча» и «дебла», являются важнейшей частью очень древнего магического ритуала. В «дебле» мы слышим отголоски различных заклинаний (возможно, заимствованных цыганами у индусов). Они вызывают к доброму духу или духам, покровителям подобных церемоний, и просят о благосклонности. «Альборея» с виду довольно примитивна; вполне вероятно, что этот танец – прародитель фламенко».

Девственность невесты – первостепенное условие. Обычно жених и невеста уединяются в начале празднования, позднее жених выходит к гостям и демонстрирует им простыню (а чаще – белый шелковый платок) со следами крови, «цыганская роза». После этого веселье возобновляется с новой силой!

В отличие от западных цыган, русские цыгане снаряжают сватовской поезд и едут к родителям невесты. При этом гривы коней украшают лентами. В старое время сваты вносили в шатёр невесты «дрэвце». Это берёзовая ветка, украшенная разноцветными лентами, бусами и бумажными цветами, к которой прикрепляются крупные денежные купюры.

Для цыгана лучший друг – лошадь. Ведь без неё кибитка, а значит, и всё цыганское семейство, не двинутся с места. С этим фактом связан и процветающий среди цыган культ Луны. Диану (в некоторых областях называемую Ганой) почитали многие и многие поколения цыган. Луна была её неизменным символом.

Карта «Счастье». Подкова на удачу

Лошадь же связывает с Луной подкова; возможно, потому что своей формой подкова напоминает диск луны. По-видимому, именно поэтому она считается символом расположения и покровительства богини Луны. Всем известно поверье, согласно которому подкова, подвешенная над дверью, приносит удачу. На цыганских свадьбах молодым супругам часто дарят маленькую серебряную подкову – серебро издавна считалось «лунным» металлом.

Среди немецких цыган бытует легенда: жили-были четыре демона, а звали их Несчастье, Неудача, Болезнь и Смерть. Подкова считается талисманом, приносящим удачу, потому что именно с её помощью некий вожак табора справился с этими демонами. Однажды, когда он ехал на лошади, его стал нагонять демон Неудача. В этот момент у лошади цыгана отлетела одна из подков и ударила демона, убив его. Вожак подобрал подкову и, вернувшись в табор, прибил её над входом в свою кибитку. Между тем оставшиеся три демона прослышали о смерти своего товарища и пришли к цыганскому становищу, чтобы отомстить за него. Но когда они увидели подкову, то вспомнили, что на копытах лошади есть ещё три. Испугавшись за свои жизни, они в страхе бежали прочь. С тех пор подкова и считается могущественным амулетом, защищающим цыган от злых сил.

Для цыган круговая порука и взаимовырчка очень важны. Хотя цыганские семьи и кланы путешествуют по стране большую часть времени, раз в год они на два-три месяца разбивают лагерь в излюбленном месте. Туда же приезжают и другие кланы, и происходит «великое воссоединение». Многие цыгане, особенно

те, что постарше, с нетерпением ждут таких встреч, чтобы вновь повидаться с друзьями и обменяться рассказами о своих приключениях, радостях и печалях.

Существует ритуал на прибывающую луну, который совершает мать семейства, когда готовит пищу: обычно тушится мясо кролика или ежа. Все картофелины надо разрезать вдоль и бросить в семейный котёл вместе с душистым перцем, тимьяном и мускатным орехом. Ещё можно добавить лук (только не чеснок), много моркови, репы и других корнеплодов. Размешивать ингредиенты в котле и ходить вокруг него надо только по часовой стрелке. Ложка для размешивания должна быть деревянной, а котёл – чугунным. В огонь, на котором готовите, надо время от времени бросать пригоршню кедровых стружек, а один раз насыпать в него три полных ложки соли. Каждый раз, когда мешаете содержимое котла, число оборотов ложки должно быть кратным трём – то есть надо три, шесть или девять раз провести ложкой по часовой стрелке. Помешивая, приговаривайте:

Мешаю в горшке, получается круг.
Мы в круг соберёмся,
Связь между нами прочна.
Радостно встретимся,
Радостно вновь разойдёмся.
Мы встретимся снова,
Ведь связь между нами прочна.

Карта «Союз». Семейная пара

Семейная пара – это самая прочная связь в цыганской среде. Об этом говорит такое выражение: «Были двое, а стали одно». Рэймонд Бакленд, знаток ритуалов и традиций, рассказывает: «Наибольшую радость мне доставляет то, что мы с женой не только живём в любви и согласии, но при этом ещё и остаёмся близкими друзьями. Ведь бывает так, что после многих лет совместной жизни муж и жена почти ничего не знают друг о друге». Но важнее всего, конечно, дети. Стоит только перебрать цыганские пословицы: «Жене сердце подай, детям – душу», «Для родной дочки мать кольцо вместе с пальцем отдаст», «К своим детям любовь до смерти».

Ах, как близко подошли мы к цыганскому костру! Что он вызывает своими огненными спицами в кромешной темноте? Уж не мелодии ли прекрасных песен, обточенных горячим дыханием многих и многих поколений? У самых известных певцов из испанских цыган кантаоров, неподражаемых мастеров жанра «сигирии» Курро Паблоса эль Курро, Мануэля Молины и вдохновенного Сильвериио Франконетти «сердца лопались, словно у огромных цикад» – цитата из лекции Федерико Гарсии Лорки «Канте хондо». Итак, великие выразители души народа, отдавшие собственные души на растерзание буре чувств, почти все умерли от разрыва сердца.

А наша дивная певица Рада Волшанинова? Отсылаю вас к её воспоминаниям: «Помню, однажды к нам домой буквально врывается наш приятель композитор Слава Граховский и кричит, что называется, с порога: «Симфонический оркестр Густава Брома приглашает вас с Колей в Братиславу записать альбом. Выезд срочный». А я лежу в постели с высоченной температурой и двусторонней пнев-

монией. Куда там петь, говорить не могу. «Да, – опечалился Слава, – упустить такой шанс...».

И действительно: кому из цыган удавалось записаться под оркестр? Коля (Николай Волшанинов) уже намеревался ехать один, но я мужественно собралась, села в поезд, хотя и было тяжело, но... через день мы были в Братиславе. Густав Бром повёз меня к лучшим врачам. Они предупредили, что не могут взять на себя ответственность за моё здоровье; при такой форме воспаления лёгких и температуре сорок градусов у больного могут разорваться бронхи... Я подписала бумагу, что отвечаю за себя сама. Репетировали в студии по десять-двенадцать часов. Записывали мой шёпот, но с эмоциями, вздохами, движением, чтобы впоследствии наложить звук. У Славы Граховского, здорового мужчины, прямо в студии был обморок – до такой степени он нервничал. И всё-таки диски мы записали. И даже позднее дали сольный концерт, перед началом которого я предупредила мужа: «Если не смогу в какой-то момент уже даже говорить, тихо-красиво уйду со сцены, а ты продолжишь». Но – вы не поверите – когда зазвучала музыка, я забыла обо всём, словно на втором дыхании, я запела...».

Что тут скажешь... Как певали в русских романсах, написанных для цыганского хора: «Ты восчувствуй», что есть такой самобытный народ-странник, не знающий покоя, вбирающий в себя жизнь, колдующий над ней танцами и песнями...

Успеть бы обойти землю, чтобы вернуться.

ОЛЬГА ИВАНОВА

ТАБОРНЫЕ ЛЮДИ

Между тем снявшийся поутру табор приближался к городским окраинам. До осени было ещё далеко, однако по ночам стало чуть прохладнее.

Можно было продолжать кочевье, двигаться на юг, к тёплому морю.

Зимовали обычно у крестьян в прибрежных сёлах, хорошо знакомых по прежним годам кочевья. Если не удавалось договориться с тем, кто пускал на постой, отыскивали брошенный домишко, надворную избушку, флигель, да хоть сарай. Утепляли, как могли, ставили железную печурку, которую возили с собой в открытой телеге.

Прежде табор перед зимовкой ничто не могло остановить или повернуть назад. Если женщина рожала, она с семьёй и повитухами догоняла табор после родов. Её ждали, встречали песнями, готовили лучшую еду, ставили хорошую маленькую палатку, в которой мать кормила младенца, укрывала его от непогоды и чужих взглядов: не сразу новорождённого цыганёнка знакомили с соплеменниками, до сорокового дня старались особо не показывать никому, кроме самых близких.

Когда смерть настигала таборного бродягу, останавливались для похорон. Хоронили на кладбище, если оно было недалеко. Место выбирали поближе к

дороге. А коль кладбища поблизости не случилось, так выкапывали могилу просто на обочине, позади хода кибиток. Покойника заворачивали в одеяло, на котором он спал в последние дни жизни. Ставили небольшой деревянный крест. Читали молитвы, обещали покойному: пойдём ещё по этой дороге – навестим тебя, морэ. А если наши пути мимо лягут, другой табор пойдёт. Православные шапку снимут, поклонятся, перекрестятся.

На могиле устраивали скромные поминки: курили трубки, рассказывая друг другу истории про то, каким замечательным человеком был умерший. Мужчины выпивали, пуская чашу по кругу. Женщины и дети довольствовались чаем с сушёной вишней, черносливом, курагой. На закуску ставили сывьяко – испечённый в золе под костром пирог с яблоками и изюмом. Все действие занимало не больше двух часов. После похорон сразу снимались с места – жить рядом с могилой не позволяли старые обычаи.

На этот раз нашёл покой в придорожной могиле давно хворавший Артюх, двоюродный дядька Софьи, брат покойного Кондрата. Человек он был не молодой, но и не старый, имел хорошую семью, в которой младшая дочь была ещё совсем маленькой, а старший, уже женатый, ждал первенца.

Жена Артюха, Марга, привезённая из румынского табора, была краснощёкой, пышногрудой, проворной и шумной. Она говорила хоть и на близком, но всё же ином наречии, а иногда переходила на румынский. Софья часто просила Маргу спеть на румынском и объяснить смысл песни или спрашивала, как по-румынски будет то или иное слово. Артюх всегда понимал жену, потому что любил без памяти. Родила Марга пятерых детей. Старшие вышли лицом в мать, а характером в Артюха: сдержанные, молчаливые, серьёзные.

Анфим унаследовал от отца охотничье ружьё и страсть бродить по лесам в поисках добычи, которая не раз выручала табор в голодные дни. Когда он был ещё подростком, отец брал его с собой на охоту, учил стрелять, ставить силки и плашки, читать следы и слушать лесные голоса. Парень постиг эту науку в совершенстве; незадолго до смерти отец сказал ему, что теперь есть на кого оставить табор – охотник есть, к нему ружьё. Голодными не будут. Да ещё и запас хороший был: Артюху, любившему мёну, удалось как-то обменять казачье седло на целый ящик заводских охотничьих патронов.

Второй, Ульян, больше всего на свете любил музыку. Скрипка досталась ему от чужого дедушки: какое-то время кочевал вместе с Артюховой семьёй подобранный где-то на ярмарке старик. Он отстал от своего котлярского табора, угодив в тюрьму за кражу поросёнка, а выйдя вместе со своей неразлучной скрипкой, сильно хворал, всё время кашлял, бесконечно занимая себя своей музыкой. От него научился Ульян играть, и, когда дедушка покинул табор, встретив наконец родню, оставил мальчику скрипку, сказав:

– Мне уж недолго осталось. Ты теперь играй, Ульяшко. У тебя ладно выходит. Да смотри, не бросай скрипочку, она живая!

Ульян был по-цыгански красив – большеглаз, широкоплеч, высок и строен, но характером больно строг и суров. Как вырос, стал ссориться со всеми, придираясь к каждой мелочи и не перенося чужих ошибок. И однажды так же, из-за мелочи, из-за глупости, распаляясь в споре и распаляя соперника, подрался со своим двоюродным братом Силкой, старше его на два года. Парни едва не покалечили

друг друга, и ни один не оказался в драке сильнее и ловчей другого. Но когда их растащили и утихомирили, Ульянов прокричал, что раз его не признают правым, он покидает табор. Так и случилось: ушёл со своей скрипкой тем же вечером, голодный – не стал обедать со всеми! – гордый, несогласный.

Слышали, что приглянулся в городе какой-то торговке, вдвое старше его, и живёт в её доме, как сыр в масле. Иногда Артюх и Марга просили Софью погадать, как там их непутёвый сын. Выходило, что у него всё хорошо, живёт без горя. Но после его ухода стал хворать отец. И ничего не смогли сделать ни старые знахарки, ни Софья, как ни старались. Болел и чах помаленьку Артюх, пока не позвала его к себе смерть. А Ульянов так и не появился в родном таборе.

Третий сын, Лога, едва подрост, в любом селе, где бы ни остановились, стал бегать в церковь, научился молиться не на цыганском языке, а «по-поповски». Лет двенадцать ему было, когда он принёс псалтырь, купленный у местного дьячка. Поступок этот показался странным обитателям табора. Никто из цыган не стал бы тратить деньги на книгу. И красть никто не стал бы в церкви! Да и зачем цыганам книга? Костёр разжигать? Но настоящее удивление вызвало то, что парень, как оказалось, умеет читать. В таборе было двое грамотных – Софья, да старый Пров, научившийся чтению и письму в Варшавской тюрьме, где провёл четыре из молодых своих лет. Знал и по-русски, и по-польски, и по-румынски. А вот теперь ещё и Лога. Он и раньше просил Прова научить его, да тот по старости уже видел плохо. А Софью попросить Лога стеснялся.

– Кто тебя научил? – пытали его цыгане, и он отвечал:

– Попы, дьяки, да прихожане. Тот маленько покажет, другой...

У костров часто вместо песен стали звучать притчи и рассказы о Христе, после которых цыгане порой впадали в тихую задумчивость.

Логу прозвали в таборе дьячком.

Алек родился нездоровым. Большеглазый, тонорукий и тонконогий, почти до четырёх лет он не ходил, потом стал передвигаться, кособочась. Речь его до поры была невнятной, но голос сильный и звонкий. Запевал – всё замирало вокруг, казалось, даже птицы притихали послушать цыганёнка. Софья жалела мальчишку больше других, всегда старалась приберечь для него сладкий кусочек, укрыть потеплее, чем-то помочь. Он платил ей робкой привязанностью. Они будто бы чувствовали друг в друге нечто общее.

Младшая – кучерявая быстроглазая Патринка, певунья, плясунья, всеобщая любимица опекала больного братца так, будто бы это она была старшей, а не наоборот. Она помогала ему встать с земли, поддерживала, когда нужно было идти по камням и кочкам, освобождала для него удобное местечко в палатке или в кибитке, вовлекала в детские игры.

Однажды, когда Софья, напевая, занималась штопкой ветхого полога, аккуратно подрезая разлохмаченные края прорех острым ножом, Алек подошёл к ней своей кривой неуклюжей походкой, торопясь настолько, насколько у него это получалось, и стал горячо просить о чём-то. Не сразу разобрала она его путаную речь. Мальчик звал её с собой к берегу. Она взяла его за руку, помогая передвигаться, и они вместе пошли туда, куда он тянул её, вдоль реки, не по тропе, а продираясь через густой прибрежный кустарник. Когда Софья пыталась направить Алека более лёгким путём, он сопротивлялся и мотал головой.

Вскоре в кустах послышались непонятные звуки – будто тяжёлое дыхание, пыхтение, шуршание. А затем сквозь ветви кустарников стало видно что-то большое, сероватое с рыжиной. Алек крепче вцепился в руку Софьи, призывно оглядываясь на неё.

Когда они приблизились, животное – это был молодой олень – заметалось, тяжело дыша, однако, не убежало. Софья велела Алеку остановиться, а сама приблизилась к оленёнку. Задней ногой он запутался в небольшом обрывке старой рыболовной сети, затянувшейся петлёй выше копытца, а другим краем зацепившейся за обломок кривого корня, торчащего из травы.

Софья хотела позвать ребят, но, оглянувшись на Алека, решила сама освободить бедное животное. Ведь цыганские парни увидели бы в олене скорее лёгкую добычу, чем несчастное живое существо, которому нужно помочь.

Мальчишка смотрел на Софью с мольбой и надеждой. Выбившись из сил, оленёнок перестал дёргаться, когда она приблизилась, упал и, видимо, смирился с судьбой. Софья, опустившись на колени, крепко ухватила его за ногу. Он задыхался, высунув язык, как собака, но не шевельнулся. Ниже впившейся в кожу прочной верёвочки сети, над самым копытцем, нога распухла и была горячеей. Шепча тихонько молитву лошадиным покровителям, святым Фролу и Лавру, Софья кое-как подцепила верёвочку кончиком ножа. Непросто было разрезать её, не повредив кожу, но всё же с большим трудом и осторожностью Софья сумела сделать это. Когда она поднялась, олень все ещё неподвижно лежал на траве. Алек восторженно закричал, зверь вскочил и большими прыжками унёсся сквозь заросли. Обрывок сети остался в руке Софьи. Мальчик взял его, рассмотрел и спрятал к себе за пазуху.

Возвращаясь в табор, Софья расспрашивала парнишку, откуда он знал об олене, ведь далеко от костров табора один он не отходил никогда.

Алек отвечал: «Он звал меня».

У палаток встревоженная мать стала расспрашивать, куда ходили. Но Софья поняла, что Алек не хочет рассказывать о происшествии. Наверняка им стали бы пенять, что вкусное мясо не попало в котёл. Она сказала, что были на берегу, собирали пёстрые камешки для гадания. Алек смотрел на неё с благодарностью. Обрывок сети он сжёг в костре и тщательно разворошил пепел.

В другой раз мальчишка стал проситься со старшим братом в лес, проверять силки. Тот не хотел брать – Алек ходил плохо и медленно, – но Софья уговорила, да и Лога вступился: пусть погуляет братишка! Он всё время у костра да у костра! Надо и ему больные ножки размять.

Анфим согласился, только если Лога с ними пойдёт.

Старший быстро ушёл вперёд, а Лога с братишкой шли медленнее, и Алек всё время тянул в сторону.

– Куда ты, куда? – спрашивал дьячок, а парнишка показывал рукой в глубь леса:

– Туда, туда!

На полянке у старой берёзы под корнями в силке трепыхалась ушастая сова. Алек сам освободил её, упав рядом на колени. Однако она и не думала улетать.

Набожный и милосердный старший брат с умилением смотрел, как младший осторожно расправляет птице перья и бережно складывает крылья.

– Ты отпусти её! – попросил Лога, и Алек ответил:

– Я её не держу. Она не может лететь.

– Повредилась?

– Нет. Она пить очень хочет. Вон там лужица, видишь? Напоить её надо. Она давно здесь. Плохо ей.

Лога намочил в прозрачной лесной лужице конец своего кушака и выжал немного водицы в ловко раскрытый Алеком клюв. После второй порции совушка стала встряхиваться и осторожно распускать крылья над ладонями мальчика, но улетать не торопилась.

В лесу послышался посвист Анфима, зовущего братьев. Лога отозвался звонким переливом. Алек оглянулся на него тревожно:

– Сову же не едят?

– Не едят. Она мышей ловит, её есть противно. Только уж если совсем нечего. Мальчик успокоено заулыбался.

Анфим подошёл почти неслышно, но сова сразу повернула голову в его сторону, защёлкала клювом и раскинула пёстрые крылья. Алек склонился над ней и прикрыл рукой, оберегая от охотника.

Анфим показал свою добычу: четырёх куропаток и рябчика, притороченных к поясу. А о сове сказал:

– Добыча ваша нестоящая. Разве собакам отдать.

Алек с трудом встал на ноги и поднял сову над головой:

– Лети, совушка, подружка моя! Ещё увидимся!

Птица несколько раз взмахнула крыльями, тяжело оторвалась от рук своего благодетеля и сначала полетела, снижаясь, но потом в несколько сильных взмахов поднялась и исчезла за деревьями. Анфим оглянулся на братьев:

– Ну вот как с вами на охоту идти? В игрушки играете... Ладно этот, малой ещё, но ты-то, Лога!

– На что тебе сова? – спросил дядчок. – Пусть летает, мышей меньше будет. Давеча вон просвирки-то погрызли...

– Вот то-то, что с совы вашей толку нет, – отвечал старший брат. Он взял Алека подмышки, поднял на валежину и поставил ему спину:

– Полезай, брат! А то с тобой до ночи не дойдём к табору. Э, да в тебе весу как в той сове!

Софья с Терезкой и Патринкой встретили братьев на опушке. Девушки копали и складывали в мешок сладкие корешки медовой огнецветки. За спиной Терезки в тёплой шалюшке дремал ребёнок.

– А у меня вот тоже дитёнок за спиной! – весело закричал Анфим. Смеясь и перешучиваясь, весёлой компанией отправились к табору.

Только когда девушки принялись щипать и потрошить охотничью добычу, погрузневший Алек сказал так, что слышала только Софья:

– Я их есть не буду... Они живые были.

Софья обняла его и зашептала на ушко:

– Миленький мой! Ты ведь знаешь – вокруг нас все так! Если бы рябчик в силос не попался, его бы ястреб поймал. Волк овечку ест, лисица мышку ловит.

По-другому они не могут! Господь их такими создал! И нас Господь создал так. Дороги наши дальние, на одной траве не проживёшь! А тебе и подавно кушать надо: хворый ты, ножки худые!

Алек со слезами побрёл к брату:

– Лога, зачем Господь велел нам мясо кушать? Я не хочу! Я птиц и зверей жалею!

Лога, помолчав, серьёзно ответил:

– На Петровский пост я тоже мяса не ел... Да и не было у нас, помнишь? А сейчас поста нет, можно... Пока здесь стоим, на хлебушке, на корешках да на травах продержимся... А пойдём, тяжело будет.

Но с той поры Алек не ел ни похлёбку из птицы, ни мясо, как его ни уговаривали. Иногда мог покушать немного рыбы, если кому-то удавалось её поймать в быстрой речке. Софья специально чистила для него печёные в костре корешки огнецветки, размышляя над его странностями, при этом любя его всей душой.

– Вот братовья у меня! – посмеивался Анфим, – дьячок да монашек!

В ночь перед смертью отца Алек не спал, сидел у костра, не сводя глаз с раскалённых углей и бормоча что-то себе под нос. Молиться как Лога он не умел, но в его бормотании слышались просьбы к кому-то неведомому, с кем он будто бы был знаком.

К утру, за несколько минут до того, как, будя табор, закричала, заголосила в палатке мать, он встал, и, закрыв лицо ладонями с тонкими, худыми пальцами, тихонько заплакал.

Отца отпевал Лога, как умел, как помнил виденное за небольшой срок прожитой жизни.

Цыгане слушали серьёзно, подпевали, крестились, иногда невпопад, поправляли неумелое троеперстие детям. У женщин по щекам катились слёзы: хороший человек был Артюх, пожил не шибко много, а добра людям много сделал... Софья обнимала всхлипывающего Алека.

А когда все были готовы в путь, и братья усадили его на задок телеги, он попросил:

– Ты, Софьюшка, за моей кибиткой иди. Я буду тебе батюшкину душеньку на небе казать. Я её вижу. А мама не видит.

Ольга ИВАНОВА живёт в Забайкалье, но корни её в Молдове. Бабушка Ольги – из рода Болдыревых, родилась в Бельцах. Семья жила оседло, позднее переехала в Астрахань.

По образованию – биолог-охотовед. Работала в охотхозяйстве, в проектно-изыскательской экспедиции в Новосибирске. После травмы при исполнении должностных обязанностей стала инвалидом. Она – душа и участница цыганского ансамбля «Романи черген». Председатель краевой общественной организации цыган Забайкалья.

Публиковалась в журналах: «Охота», «Бизнес-культура», «Совет да любовь», «Друг», «Цыгане России»; в альманахах: «45-я параллель», «9 муз» (Греция), «Лава» (Харьков), «Дарьял» (Владикавказ), «Южная звезда» (Ставрополь), «Слово Забайкалья». На средства гранта Общественной палаты РФ редактировала и выпускала журнал «Дружок». Автор повести «Золотая чаша», по сценарию которой поставлен спектакль, Ольга в нём играет главную роль, идёт он на сценах края с большим успехом.

При участии её выпущена монография «Цыгане Забайкалья», а также сборник материалов о диаспорах Забайкалья «Многоликая Чита». Ольга с мужем воспитывают внука Мишу Лямзина. Миша пишет сказки. Издана книга, в которой они собраны.

«ЦЫГАНСКАЯ ДОРОГА БИНТУЕТ ШАР ЗЕМНОЙ...»

Бронислава ВАЙС (Папуша) родилась 17 августа 1908 года в Люблине. Цыганская классическая поэтесса.

Маленькой девочкой приставала к школьницам, чтобы те показали ей буквы, какая-то еврейка-доброхотка научила её читать. Написав стихи, Папуша послала их цыганологу Ежи Фицовскому, который опубликовал их в журнале.

Это вызвало гнев соплеменников, ведь переписка с мужчиной приравнивалась к разврату. Но всё же сборник «Песни Папуши» вышел в 1956 году. Он переиздавался в Польше 25 раз. А гонимая поэтесса даже возглавила табор...

Умерла Папуша в 1987 году. В городе Гожув-Велькопольски ей поставлен памятник. Её именем названа одна из премий цыганоязычной литературы.

* * *

Полюбил меня лес,
 Подарил мне цыганское слово.
 Ветер петь научил,
 А река помогала мне плакать.
 Я из диких цветов
 Соткала себе дивное платье.
 Птицы, травы, деревья
 Мне братья и сёстры родные.
 На цыганских привалах
 Плещет дым в журавлиное небо,
 Просят Бога костры –
 Убережь милый лес от пожара.
 Жизнь – что малый листок,
 Нынче ль, завтра меня похоронят,
 А в чащобах лесных
 Будут жить мои кроткие песни,
 Повторят их ручьи,
 И шумливые ветви,
 И птицы.
 На звериных тропинках
 Не умрёт, не умолкнет мой голос.

Валерия ЯНЫШЕВА.

Артистка театра «Ромэн». Российскую академию театрального искусства (факультет эстрады) окончила с красным дипломом.

Танцевать училась в известном цыганском ансамбле «Гилори» под руководством Владислава Деметера. Как артистка цыганской эстрады гастролировала в Болгарии и Германии. Помимо работы в театре, поёт и танцует в дуэте с мужем – Петром Янышевым.

Автор поэтического сборника на цыганском языке «Ададывэс и атася» («Сегодня и вчера»). Валерия – один из авторов музыкального веб-журнала «Свэнко». Автор и постановщик театрального перформанса «19-17». Автор пьес цыганской тематики.

ПАГАНИНИ

(Русско-цыганский диалект)

Набился слушать Паганини полный зал.
Вдруг видит он, что струны оборвали.
Одна осталась. Но маэстро так сыграл!
Что струны порваны, никто не понял в зале...

Словами небогат язык цыганский.
На тыщу русских слов – у нас всего одно.
И коли ты стихи писать собрался,
О Паганини вспомнишь всё равно.

Я КИШИНЁВЕЦ

(1950-е годы)

Посвящается Митрушке и Гузгану из вицы Туркулешты

Стучат колёса. Запертый вагон.
На десять лет увозит эшелон.
Я знаю, слёзы льёт старушка-мать.
Везут на Север. Ждать семье и ждать...

Мы под Донецком табором стояли,
Костры зажгли и песни напевали.
К палаткам два цыгана подошли.
На них глядим: оборваны, грязны.
Мол: «Можно ли у вас мы поживём?»
И у костра заснули крепким сном.

А через день облава, их хватают.
Нашли покражу. В общем, забирают.
Один старик ко мне. Напротив встал,
И спрашивает злобно: «Кто их сдал?».

А правда – в город только я ходил,
Вчера я с братом лошадь прикупил.
Братишка говорит: «Давай божиться.
С иконой только правда говорится!
Всегда цыгане верят на божьбу».

«Дурак ты, – отвечаю я ему, –
Для виду и поверят, может быть.
Но не в душе. И как ты будешь жить?
Сегодня ты для табора стукач.

А завтра кто? Пробожник и ловкач?
Не сядут люди с нами есть тогда.
Мы пропадём с тобою от стыда!».

Что делать? Так и так не хорошо...
Сдаваться я в милицию пошёл.
Я, дескать, виноват – сберкаассу взял.
А брат мой подтвердил: «Я помогал».

Начальник счастлив, что раскрыл всяк,
И быстро нас оформил в товарняк.
Десятку нам вкатал «народный суд».
Стучат колёса. Нас в Сибирь везут...

И всё-таки когда мы срок отбудем,
То поглядим в глаза спокойно людям.
И скажем мы тогда цыганам вместе:
«Нет в жизни ничего дороже чести!»

Ляля ЧЕРТКОВА – автор стихов, рассказов. Родилась в городе Каменск-Уральский. Выросла в Молдавии, окончила факультет журналистики Кишинёвского госуниверситета. Работала в районной газете, позднее эмигрировала на Кубу, где служила переводчицей. Жила в Швеции, преподавала русский язык, переводила. Публиковалась в периодике Молдовы, в журналах:

«Цыгане России», «ЛитЭра», «Работница», «Дарьял», «9 муз» (Греция), «УзбекЛит» (Узбекистан); в альманахах: «45 параллель» (Россия), «Пражский Парнас» (Чехия), на сайте информационного агентства «Чеченская республика сегодня» в переводе на чеченский язык, в американской русскоязычной прессе (журнал «Флорида», газета «Наша Флорида»). Её стихи вошли в сборники «Талисман» и «Ностальгия». Издала поэтическую книгу «Кочевые костры». Живёт в США.

ДОРОГА

Огонь горит – смеётся
Оскалом золотым:
Коня добыть придётся,
Чтоб не ходить босым!

Бредут с медведем важным,
И вот уже вдали,
Где под костром бродяжым
Отгаёт пуп земли.

На ярмарке цыгане
Торгуются и лгут,
А свой родной «романи»
Для песен берегут.

На свете горя много;
Но в холод или зной
Цыганская дорога
Бинтует шар земной.

Где надобно молиться,
Поют они в тоске;
Глагола «поселиться»
Не имут в языке.

ЦЫГАНСКАЯ КРОВЬ

В седьмую из ночей бессонных,
Читая звёздный ряд,
Создал Господь твой хмель солёный,
О лачо рат!

Души не мера, но избыток;
В ней соплеменник – брат.
Сердец волнующий напиток,
Ты – лачо рат.

Почувствовав мониста ласку,
Вот плечи бисерно дрожат –
И тело отправляет в пляску
Жар лачо рат.

А на войне, когда без страха
Под пули шёл солдат,
Кидалась розой на рубаху
Ты, лачо рат...

Ты горяча и вдохновенна,
Не знай преград!
Цвети по благодарным венам,
О лачо рат*!

МОЛИТВА

*Гаснут, гаснут костры,
Спит картошка в золе;
Будет долгая ночь
На холодной земле.
(из перевода Булата Окуджавы
песни Агнешки Осецкой).*

Дэвло! Боже, храни кочевые костры!
Седокудрый, не дай нам себя потерять!
Время ночи – твоей чернокозой сестры;
Дай огня нам в ладони – костры разжигать!

Дай огня нам в сердца, чтобы песни кормить;
Пусть душа от любви потеряет покой!
Будет песня мой голос хмелеющий пить
И в траве изовьётся медвяной змеей.

Колдовское могущество бабкиных трав!
Пели матери, вторили наши отцы,
И в фиалковом бархате нижних октав
Рассыпался цыганский песок хрипотцы.

Он монистом на шее плясуньи звенит,
Он подковой на счастье к копыту прибит;
Все овалы вокала, как звенья колец,
Лунный Дэвло ковал – полуночный кузнец.

* (Лачо рат – счастливая кровь в переводе с цыганского).

Долго древнее племя по свету бредёт..
Дэвло! Боже цыганский! Храни наш народ!
Коль уступят костры торжествующей мгле,
Будет долгая ночь на холодной земле...

«ЧЕРЕЗ НОЖ»

Разудалые кудри балуют – танцуют на лбу,
Но, башку наклонив, разгребаешь ты их пятернёй.
Я и скрипку твою уже слышать почти не могу:
Ты, как нитью над бездной, рискуешь звенящей струной.

Знаешь, кто ты? – Наверное, узел, который связал
Этой ночи власы полыхающей лентой костра;
Обитаемый дом и пустой бесприютный вокзал,
Цепенящий мороз и томящая жаждой жара.

Рыщут пальцы твои, как десяток голодных волков..
Я ведь знаю, зачем ты ко мне подошёл, душегуб:
Обдирать этой музыкой кожу с беспомощных слов,
Распинать эти песни на краешках пепельных губ.

Уходи. Я тебя позабуду, как только уйдёшь.
Но, смеясь, ты присловье своё прошептал: «Через нож!»

КОТЛЯРОЧКА

Шувани молилась – и я, наконец, родилась
В сиреневый вечер душистого яркого мая.
От схваток коса моей мамы совсем развилась,
И плакал отец, свою дочку к луне поднимая.

Взрослея, пришлось рифмовать мне «везде» и «нигде»,
В шатре засыпать и росой поутру умываться.
В тумане – у доброго Дэвло в седой бороде –
Мы прятались, чтобы полиции не попадаться.

Мужчины лудили кастрюли, лечили коней,
А женщины знали все тайны травы и корней;
И не было песен протяжней, нежней и родней,
Что душу держали верней самых прочных цепей,
Где каждое слово звончей цельнокованных звеньев.

Мы – птицы? Встаём на крыло, пока травы в росе,
Летим по невидимым солнечным струнам эфира?
Ромалэ! Мы – спицы. Мы спицы в одном колесе
Непрочной кибитки скандального этого мира.

Лилит МАЗИКИНА родилась в Подмоскowie, в этнически смешанной семье. Специалист по цыганской истории и культуре. Известный цыганский журналист, активно популяризирует цыганскую культуру в Российской Федерации.

В прозе публикуется с 2005 года. Автор рассказов в жанре фэнтези, сказок, романов «Луна, луна, скройся!» и «Волчьим шагом», активно использующих мотивы цыганского и славянского фольклоров. Пишет стихи – на русском, польском, цыганском языках, переводит цыганские песни и песни о цыганах на русский язык. Многие переводы уникальны.

Работала техническим редактором цыганского музыкального веб-журнала «Свэнко», крупнейшего информационного ресурса по культуре цыган.

Создательница веб-журнала «Романы, культура и джипэн». Автор проектов «Женичины, которые говорят» и «Десять слов». Исполняющая обязанности главного редактора в Pics.ru. Ведёт колонку с женскими биографиями на портале «Домашнего очага». Неоднократно публиковалась в цыганских изданиях, а также в «National Geographic Россия», «GEO Россия», «Мы. Диалог женичин» и «Отечество».

Как журналист-эксперт цыганских СМИ участвовала в телепередаче «Табор уходит в разведку» на канале Рен-ТВ. Живёт в Санкт-Петербурге.

Посвящение Брониславе Вайс, цыганской поэтессе Папуше

Уродилась дурная на голову всем на несчастье:

то молчит и молчит, то спрячется и бормочет.

Карту вынет – так всё впустую, крестовой масти;

подарил же какой-то чёрт нам такую дочку!

Уж и били её хворостиной, да всё без толку,

не берут её вовсе розги да оплеухи:

только белые губы сожмёт да глянет волком.

Оборвать бы ей уши – да что тогда прок с безухой!

За водою пойдёт – как будто за днём вчерашним,
а пошлешь напросить – так приносит сухие корки.

Ей в глаза поглядеть – как в окна пустые – страшно
и дыханье сшибает, будто несёшься с горки.

Взяла ещё моду – в шатёр приносить газеты,
сначала прочтёт, а потом, ты смотри-ка, пишет;
себя позабудет да вскрикнет: ой, мама, свету! –
а где же мне в поле свету ей взять в излишке?

Да ладно, пусть пишет, оно, может быть, на пользу –
уже старики к ней заходят за этим делом,
ей дарят потом за помощь серёжки-кольца,
да вот подарили платочек в цветочек белый.

А только ведь жалко дуру – не выдашь замуж,
она же ни петь, ни плясать, ни добыть на ужин –
как будто поповна не то городская дама...

Ей скажешь...

«Ой, мама, мне муж не нужен!»

Да всё это смолоду, сдуру, а мать-то знает –
ведь женская доля, известно, она от Бога!

«Не нужен» – ведь скажет тоже ещё, чудная...

...А всё -таки глянет – и сердце возьмёт тревога...

Девки как девки у всех, в пятнадцать – невесты,
к каждой уже посватались хоть по разу;

смотришь – соседскую выдали, честь по чести,
только на эту не смотрит никто, заразу.
Да, не красавица, но ведь и не заморыш:
косы чёрны и длинны, глаза углями
светят, а только ясно – сваты нескоро
сядут на наш клеверок золотыми шмелями.
Я ж говорила – кому нужна книгочейка?
Где только книги берёт – смотреть на них страшно:
рваные, грязные, тащит и тащит зачем-то.
Лучше бы новую брату стащила рубашку!
Да не по чину ей, видишь: всё пишет, пишет,
то угольком, а то карандаш добудет;
пишет на книжках, газетах, билетах, старых афишках,
даже ей глаз не жалко своих, паскуде.
А зашёл тут племянник мужнин в гости,
в тридцать лет уже вдов – такая доля;
одному жизнь подарит, с другого спросит,
а цыган или царь – не играет роли.
Посидел, выпил с мужем немного водки,
покурил да приметил девчонку с книжкой:
«Это старшая выросла? Вот красotka!
Эй, девчонка, ты что там такое пишешь?»
Волком глянула: «Рихмы». «Как?» «Ну, песни».
«И сама сочиняешь?! Вот это находка!

У кого же, дядя, такая невеста?». Сговорились. Это легко под водку. Скакать бы дуре теперь от счастья, а не свистеть по кустам соплями: чуток постарше – какие страсти! Знать, обложили тебя сватами? Скажи спасибо, что хоть бы вдовый нашёлся – нет же, сплошные вздохи, всё ищет свадьбу отсрочить повод, всё повторяет: «Ой, мама, плохо, ой, сердце щемит, под горлом давит», и смотрит, смотрит побитой шавкой. Да ладно: свадьбу такую справим – сама попросит денёк добавки! Соседки с зависти почернеют, такая будет о свадьбе слава! Не плачь, дочурка, от слёз дурнеют, ну что ты, глупая, что ты, право... Не на закланье ж – а просто замуж, такая доля дана нам Богом, ну, что ты шепчешь там: «Мама, мама»... ... А сердце всё же берёт тревога... Вот и свадьба зашумела, вот и гости загуляли; розу на простынке белой людям честно показали.

Водки – море, мяса – горы,
скрипы скрипок не смолкают,

по помосту бьют танцоры

каблуками, каблуками!

А невеста – как с картинки:

на руках звенят браслеты,

в серьгах светятся рубины,

в косах – шёлковые ленты,

и на шее – вы видали? –

три коралловые низки!

Выйди, выйди, молодая,

видишь – на помосте чисто;

попляши, уважь-ка свёкров,

повертись гостям на радость.

Что кривишься, будто горько?

Что ломаешься? – Так надо;

Ну-ка, скрипки, дайте польку!

Молодая – поскакала!

«Щежит, мама, больно, больно» –

...Надломилась и упала...

...И опала, как листочек...

...Побелела...

...И застыла...

Врач один сказал: должно быть,
сердце слабенькое было.

ТАБОР ПЛЯСАЛ

Вечер был стыл и мрачен.
В сером зевал палач.
Плакал маленький мальчик,
мать повторяла: «Не плачь».
Прятали дети лица
в юбок цветастых ширь.
Кто-то уже молился –
за упокой души.
(Кто-то отмолит после?).
Никли лозины кос.
Немец, плечистый, рослый,
пляски смотрел стрекоз.
Ветер ерошил травы,
весь обратившись в слух.
Кровью сочились раны
в мочках ушей старух.
Лаяли псы, пугая,
бились на поводках.
Ждали судьбы цыгане,
с ветром глотая страх.
Плакал маленький мальчик.
Серый взглянул в прицел.

Старый старик незрячий
вскрикнул: «Пан офицер!
Просить ни о чём не смеем,
видим – не миновать,
дай только напоследок
табору станцевать!»

Серый, давась от смеха,
всё перевёл. Капитан
хмыкнул. Ради потехи
кивнул – и запел цыган.

Старческий слабый голос
разом окреп и взмыл –
гибельной муки полон,
взрезал покровы тьмы.
Вздروгнули немцы. Серый
сплюнул и вдруг застыл,
и по спине офицера
будто прошлись хлысты.
Табор плясал. Метались
по ветру плети кос.
Синим дрожали дали,
сыпая мурашками звёзд.
Табор плясал. Старухи
павами плыли в ночь,
крыльями вскинув руки
и не жалея ног.
Табор плясал. Горели
жарким огнём платки.
Вечер, от песни хмелен,
плакал в силках раки.
Бабы и малые дети,
парни и старики –
табор плясал до света
на берегу реки.

Когда же рассвет пометил
жёлтыми пальцами лес –
вздрогнул от залпа ветер
и табор в реке исчез.

Был он или приснился? –
не знал и сам капитан.

Прочь уносили птицы
песни цыган.

«БЕРЕГ ЛЕВЫЙ, БЕРЕГ ПРАВЫЙ»

И ЭТО ВСЁ НЕ ЗРЯ

По волнам литературного форума «Золотой лист»

Как жить, чтобы устоять перед инфекцией национализма? Что предпринимать? Как воспитывать детей? В сегодняшнем пульсирующем национальными конфликтами мире эти вопросы, пожалуй, более чем актуальны. Вне зависимости от географического расположения и экономической составляющей государства, независимо от численности населения национализм протягивает свои коричневые щупальца. Тревожные мысли об этом подтолкнули активистов Творческого объединения «Литературный родник» на организацию форума «Золотой лист». Родилась дивная идея собраться вместе писателям и читателям из Молдовы и Приднестровья, пригласить и маститых авторов, и молодых, читать стихи на молдавском, русском, украинском языках в благодатную осеннюю пору.

Всё так и произошло в последние выходные сентября в молдавской школе села Строенцы Рыбницкого района. «Почему не в Тирасполе, не в Рыбнице?» – спрашивали меня не единожды. Потому что обделены нынче сельские читатели писательским вниманием: мероприятия наши зачастую по столицам проходят. А такое урбанистическое деление общества, даже людьми творческими, тоже льёт воду на мельницу национализма. Когда, замкнувшись в тесном и однообразном мире, жители села годами не ощущают внимания к себе, к своим духовным чаяниям, они легко соглашаются с дурно пахнущими националистическими посылами, запуская механизм инфицирования, который почти невозможно остановить. Удастся ли предупредить беду через встречи с детьми, через подобные мероприятия? Ведь сельские жители – это соль и опора земли. Даже уехав из родного села, разбежавшись по городам и странам, они остаются носителями своей культуры, землёю вскормленной.

Тёплые взгляды ловили мы, выступающие на форуме в Строенцах. А было нас немало: представители Ассоциации русских писателей Молдовы – Олеся

Стихи читали начинающие

Рудягина, Татьяна Волошина, Татьяна Некрасова, Елена Раду и Дмитрий Градинар; активисты Молодёжного творческого объединения «Студия «Автор» – Алексей Захарчук, Диана Федорович и Евгений Лебедев; члены Союза писателей Приднестровья – Галина Гурски, Николай Антонов, Татьяна Мунтян, Тамара Базилевская, Татьяна Захарова, Валентин Ловицкий, Константин Жосан, Елена Гешко-Максимюк; представители Творческого объединения «Литературный родник» – Марина и Иван Новицкие, Люда Стременовская, Алла Бухенко, Александр Орлов, Людмила Маратканова; Литературное объединение «Зов души», библиотеки и учителя Рыбницы, Каменки, села Рашков и близлежащих селений.

Разнообразная и насыщенная программа форума открыла возможность и ученикам – почитать стихи, и взрослым – послушать, и писателям – поделиться итогами работы за год, рассказать о новых изданиях, выступить на литературных чтениях. Нелли Германовна Автенок-Иваненко рассказала о книгах «Строенцы – село знаменитостей» и «Воспоминания Германа».

На мой взгляд, эти книги просто необходимо в молодёжной среде презентовать отдельно! Потому что важно помнить и рассказывать о людях, работавших на нашей земле на совесть в советское время. Исторически значимо не забывать, кто и как поднимал из руин в послевоенное время страну, каждое село, каждый самый маленький населённый пункт! Чтобы знали внуки о делах своих дедов и прадедов. Чтобы могли осознать, сколько пота пролито, сколько добрых мыслей было у людей, мечтавших сделать молдавский край цветущим и благодатным. Ещё подумалось, что хорошо было бы создавать летописи сёл и фамилий. Ведь зачастую это древние, с глубокой и непростой историей селения, где семьи живут столетиями. Может быть, в следующем году мы познакомимся с ещё одним подобным проектом исследования...

А форум шёл своим чередом, литераторы презентovali новые издания: Галина Гурски представила книгу для детей Нелли Настас «Девочка с кудряшками» на молдавском языке. Руководитель литобъединения «Зов души» из Слободзеи Татьяна Зубкова рассказала о сборниках «Мой уголок земли» и «Две войны над моей землёй». С очередным выпуском журнала «Открытые кавычки» ознакомила собравшихся руководитель Рыбницкого отделения Союза писателей Приднестровья. О журнале «Русское поле» интересно и душевно поведала участникам форума Олеся Рудягина – руководитель Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Прочитанное ею стихотворение Сергея Чернолёва «Мосты» буквально всколыхнуло сознание: «Жизнь полна пустоты, не желая мириться с пустотами, Мы возводим мосты, заверениям всем вопреки...».

Наши литературные мосты не ведают границ, им нипочём расстояния. Константин Жосан представил журнал «Сверстнику», выходящий в городе Бийске и уже по традиции публикующий авторов из Приднестровья.

Экземпляры всех книг и журналов, презентованных на форуме, были подарены школьной библиотеке села Строенцы. Директор школы Валентина Дмитриевна Паскарь с благодарностью принимала писательские подарки. И глаза светились радостью. Школьная библиотека, ох как нуждается в новых книгах! Особенно приятно было получить в дар от председателя Ассоциации дружбы и

сотрудничества «Молдова и Россия» Юрия Максимова и заместителя руководителя Русской общины Молдовы Михаила Сидорова книги по истории Молдавской земли. Экземпляров достаточно для того, чтобы выдать каждому старшекласснику строенецкой школы – как тут не радоваться?

По окончании официальной части Николай Журавлёв, координатор проектов Россотрудничества в При-

*Директор строенецкой школы
Валентина Дмитриевна Паскарь благодарит
за новые книги*

днестровье, присутствовавший на форуме «Золотой лист», отметил важность и необходимость таких встреч. Жаль, он не участвовал в беседе за круглым столом «Поэт всегда должник вселенной» – вот где было интересно и живо! Вот где обсуждались важнейшие вопросы! Думаю, все участники форума – и именитые, и молодые – со мною согласятся: разговор-то шёл непростой. Что важно для писателя сегодня? Как человек пишущий соотносится с Богом, и вправе ли он писать, не чувствуя такой связи? О силе слова говорили, об ответственности за сказанное, написанное. А ещё – об исторической родовой связи; о том, «как слово наше отзовётся» и делом отзывается уже...

Женя Лебедев в финале форума так и сказал: «Здорово, что получилось поговорить по душам!». И многие готовы подписаться под словами этого молодого поэта.

По душам – честно, открыто, не боясь окриков и насмешек, и в тоже время по-доброму, по-дружески, с любовью – людям разговаривать необходимо. По-моему, только такое общение, душа к душе, и сможет обезопасить наше общество от националистической заразы. А если получается и писать *так*, то не напрасны бессонные ночи, поиск нужных слов и ритмов... Всё не напрасно... Не зря.

Марина СЫЧЁВА, *руководитель
рыбницкого отделения Союза писателей Приднестровья*

ТАМ, ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ ГОРИЗОНТ

В Бендерской городской библиотеке имени Александра Пушкина состоялся юбилейный вечер, посвящённый 70-летию создания в городе литературного объединения «Горизонт».

С конца 1949 года ведёт свою историю это литературное объединение, в середине 90-х преобразованное в отделение Союза писателей Приднестровья.

ЛИТО было старейшим в Молдавии и на левом берегу Днестра, возникшим даже раньше кишинёвского, которое создал Кирилл Ковальджи. Долгие годы оно было единственным в республике.

Семь десятков лет назад Николай Киселёв, Василий Худяков и ещё несколько активных молодых литераторов собрались в редакции бендерской газеты «Победа», чтобы обсудить идею рождения литературного объединения в городе. По воспоминаниям писателя Ефрема Бауха (об этом можно прочитать в его романе «Оклик»), редакция тогда помещалась в полуподвале дома на углу улиц Софиевской, ныне улица Комсомольская и Николаевской, сейчас это Коммунистическая. Баух писал: «Проходя мимо неё, я задерживал дыхание, как проходят мимо храма...».

Василий Худяков и Николай Киселёв тогда уже работали в «Победе». «Нам казалось, что Худяков для нас был богом и что он намного старше нас. А потом выяснилось, что разница -то в возрасте всего в несколько лет», – вспоминает Леонид Литвиненко, в то время девятиклассник бендерской школы, уже на всю жизнь безвозвратно влюблённый в поэзию.

Изначально литобъединение возглавляли Николай Киселёв и Василий Худяков. Сам же он встал во главе объединения литераторов города, начиная с конца 50-х годов прошлого века. И вот уже более пятидесяти лет член Союза писателей России и Приднестровья, почётный гражданин города Бендеры Леонид Алексеевич Литвиненко – бессменный председатель писательской организации города.

Долгое время заявлять о себе, о своём творчестве организация могла только на страницах городской газеты «Победа». Причём отдельные опусы авторов, ставших позднее членами ЛИТО, печатались в газете ещё до создания объединения. К примеру, летом 1949-го в газете были напечатаны стихи совсем юной Аллы Айзеншарф, в августе – стихотворение Василия Худякова. А его знаменитая поэма о Павле Ткаченко появилась на газетных страницах в сентябре. Первая же литературная страница только что возникшего писательского объединения была раз-

*Леонид Алексеевич Литвиненко,
председатель литературного
объединения «Горизонт»*

Журналисты редакции газеты «Победа», 60-е годы

мещена в газете «Победа» 8 января 1950 года. Среди авторов – фамилии Николая Киселёва, Василия Худякова, Галины Каменной, Леонида Литвиненко.

Раз в месяц, а иногда и чаще при редакции газеты проходили заседания литобъединения, о чём нередко на последней странице «Победы» заранее сообщалось. В качестве

слушателей приглашались все желающие.

Леонид Алексеевич Литвиненко вспоминает: «Само название «Горизонт» принадлежит писателю Виктору Худякову, сыну журналиста и писателя Василия Худякова, одного из первых ЛИТОВцев, и прижилось несколько позже, в начале 70-х. Это ёмкое, многозначительное имя понравилось всем и как-то само собой на долгие годы закрепилось за литобъединением. До этого же, с лёгкой руки Аллы Айзеншарф, писатели называли свою организацию коротко – «ЛИТО».

Василий Худяков, а затем и Алла Айзеншарф заочно окончили Литературный институт им. М. Горького при Союзе писателей СССР, Айзеншарф по жанру поэзии, Худяков – по жанру прозы.

Особо из той первой волны следует выделить имя Ефрема Бауха, который, не будучи профессиональным литератором (окончил геологический факультет Кишинёвского госуниверситета), заявил о себе как необычайно талантливый и многообещающий писатель. А стихи он начал писать ещё со школьной скамьи.

Немного позже в ЛИТО пришёл переехавший жить в Бендеры Иван Яган. К тому времени он уже мог похвастать первыми публикациями в омской молодёжной газете «Молодой сибиряк». В дальнейшем Яган дорос до руководителя Курганской областной писательской организации.

В книге «В цветущих акациях город...» Виктор Худяков так характеризует ЛИТО того времени: «В пятидесятых годах Бендеры яркими литературными талантами не блистали. Зато хватало колоритных личностей, так называемых странных людей. Известный писатель Василий Шукшин ласково называл таких «чудиками». Они были в чём-то смешными, наивными, но зато настоящими, самобытными. Порой коряво писали стихи и рассказы, но всей душой тянулись к высокому, презирали меркантильность, мещанские ориентиры.

Шестидесятые же годы и последующие десятилетия были отмечены в Бендерах появлением новой литературной волны. Поэты и прозаики по степени одарённости и уровню владения пером значительно превосходили своих предшественников. И это понятно: в стране повышалась общая культура, выходило много талантливых книг. Творчество дореволюционных мастеров литературы и лучших советских авторов становилось достоянием народа. Они были учителями и в Бендерах.

Заседания литобъединения «Горизонт» посещали такие талантливые литераторы, позднее вышедшие на республиканский уровень, как Николай Коротник,

Владимир Невейкин, Виктор Зимин, Яков Гуревич, Борис Бочагов, Василий Маслов...

Как вспоминает Леонид Литвиненко, на протяжении многих лет члены литературного объединения печатались на страницах городской газеты «Победа», а затем «Нового времени», только мечтая об издании литературного сборника, одного на всех. И только в 1995 году, в связи с 45-летним юбилеем, литераторы выпустили свой первый такой сборник под названием «Горизонт».

Тот особенный год во многих отношениях стал основополагающим: в феврале в Тирасполе состоялся учредительный съезд, на котором делегаты от всех литературных объединений республики единогласно приняли решение об учреждении Союза писателей Приднестровья, утвердили его устав и избрали руководящие органы. Теперь литобъединение «Горизонт» стало составной частью Союза и было переименовано в бендерское отделение Союза писателей Приднестровья.

Сегодня председатель писательской организации с большим сожалением говорит о тех поэтах и прозаиках, которые в разное время и по разным причинам покинули «Горизонт»: кто-то переехал в другой город, в другую страну, кто-то в силу объективных обстоятельств не смог посещать заседания организации. Однако эти люди внесли свою лепту в общее литературное дело и достойны того, чтобы их имена, творческий вклад не затерялись во времени.

Активным ЛИТОВцем был Иван Багаев, который долгое время посещал заседания организации. Константин Рябиков писал басни, публиковавшиеся в газете «Победа». Пробовали свои силы в поэтическом творчестве Александр Берекеля, Николай Соловеев, Светлана Хмельницкая, Анатолий Белов... С годами в литобъединении зазвучали новые голоса – Елены Трифоновой, Людмилы Шведовой, Владислава Тимчука...

Не забыты имена тех членов писательской организации, которых сегодня уже нет с нами, но кто оставил яркий творческий след в литературе города и края. Так, была установлена мемориальная доска писателю Атанасу Стоеву, долгие годы преподававшему болгарский язык и литературу в школе села Парканы. Школа сегодня носит его имя.

В стенах городской библиотеки проводятся вечера памяти, посвящённые бендерским писателям – Петру Шпакову, Ларисе Черниковой, Игорю Сметанникову и другим.

За десятилетия творческой деятельности бендерские писатели внесли немалый вклад в литературный процесс края, освещая прошлые и настоящую эпохи, заглядывая в будущее. Их, на первый взгляд, неброский, а на самом деле кропотливый литературный труд принёс свои плоды, способствуя развитию поэзии и прозы Приднестровья.

*Обложка первого сборника
бендерских литераторов*

Долгожданное юбилейное издание

Ныне бендерское отделение СПП представлено такими именами, как Леонид Литвиненко, Георгий Панов, Григорий Воловой, Светлана Мазерина, Наталья Дендемарченко, Георгий Скрипкарь, Евгения Ерёменко, Владимир Перстнёв, Зоя Витковская, Пётр Жеков, Наталия Евдокимова, Владимир Денисенко, Анатолий Фридман, Виталий Хватов.

К своему 70-летию писательская организация города выпустила сборник – ежегодный альманах «Наши горизонты». Это художественно-публицистическое издание, на страницах которого – история рождения и поступательного развития писательской организации города, воспоминания о её членах, в разное время посещавших литобъединение, их социально значимая творческая деятельность на фоне истории древнего города на Днестре.

Редактор сборника – историк-краевед, молодой талантливый прозаик, публицист Александр Тихонов.

Сегодня писатели города продолжают вести активную творческую и общественную деятельность: проводятся литературные встречи, презентации новых изданий, акции, связанные с книгой и чтением...

Время не стоит на месте. С его течением открываются новые горизонты, в том числе и литературные. К ним устремлены талантливые молодые писатели,

На праздничной встрече. Ноябрь, 2019-го

которые постепенно вливаются в организацию, тем самым ещё раз подтверждая наиважнейший для развития общества принцип преемственности поколений. Именно поэтому с огромной долей уверенности можно сказать, что наше отделение Союза писателей Приднестровья свою главную задачу выполнило: была создана литературная среда, в которой могли существовать и совершенствоваться литераторы города.

*Муза ГОНЧАРОВА, член бендерского отделения
Союза писателей Приднестровья*

ДЕБЮТ

АЛЕКСЕЙ ДИГОРЕ

Родился Алексей 19 октября 1980 года в Кишинёве. Девять классов окончил в лицее имени Н.В. Гоголя. (Класс с музыкально-хоровым уклоном. Специальность – аккордеон).

Два года обучался в Городском театральном лицее. Позднее постигал премудрости классического вокала в Академии музыки, театра и изобразительных искусств

(класс доцента, народного артиста Молдовы Ивана Кваснюка). Стихи писал в школьные годы и в студенчестве. В 2002 году вышел его поэтический сборник «Тропарии по Эрато». С недавних пор пробует себя в прозе. С 2012 года Алексей – солист Национального театра оперы и балета имени Марии Биешу. Занят в текущем репертуаре театра. Выступал со спектаклями и камерными программами в Румынии, Польше, Болгарии, Германии, Франции, Португалии, Израиле и России. Женат, сын Виктор. Любит литературу, классическую музыку. Увлекается оригами и добротными комедиями.

«...И НЕ ПОБЛЕКНУТ МИЛЫЕ ЧЕРТЫ»

Мы часто ходим вдоль моря, в полосе прибоя или по сухому, еле тёплому песку. Море редко бывает спокойным. Ворчит и ворчит, кидает на песок белые кружевные обрывки – пивную пену, узоры ненаписанных стихов, ноты песен, никогда не спетых. Вот десять тактов хорала Палестрины, вот страница венского кроссворда, на обороте которой Шуберт набросал финал восьмой симфонии.

В этих краях нет никого, кроме ветра, моря и песка. Наш дом из горбыля, старых рыболовных сетей открыт ветру и шуму моря и составлен больше из щелей, иногда в руку толщиной. Спим ли мы в нём? Едим ли? Право, не знаю. Не помню... Каждый миг бесконечен. Мы ходим, наши ноги утопают в песке, говорим и не наговоримся... Приятное бремя – никогда не насытиться разговором.

Вот-вот уйдёт солнце за горизонт, вот-вот бледно разгорятся первые звёзды. Песок остынет, подует ветер с моря, разразится шторм... Но никак не найдём мы последних слов, никак не скажем самого-самого важного и только говорим, говорим... И не увидим первых звёзд, и шторм не исхлестает море, и солнце не

утонет в страшной глубине на горизонте, не раскалит закатные воды. И не уйдём заканчивать день ужином и любовью. Дремота под стук ходиков, апатия и лень придут поздним вечером в другой дом, приговаривая: «Стук-сток, сук-бок, макрак, так-да не так, мрак-мрак, тик-так, тик-так, тик...

– Так! Сколько мне здесь сидеть? Куда она запропастилась?

– Посиди ещё. Не может же она весь день пробегать? Таня забежала к нашему завучу с поручением. Завуча не было. Был я – пристёгнут к Вельтмейстеру, как гребец к триреме. Таня осталась подождать. Уселась в уголочке. Была у неё одна черта – оцепенеть, смотря сквозь тебя в бесконечность. Что со мной говорить? Меня из-за аккордеона не видно. Восемьдесят басов, будь они все неладны. Так и смотрела сквозь аккордеон, меня, стену. Какие рождения сверхновых видели её глаза цвета спелого крыжовника? Какие уравнения с шестнадцатью неизвестными решались в её светлой голове? Танюша. Лучшая по математике в классе. Танечка, которая так редко улыбалась. Маленькая, почти ребёнок. Я знал каждую веснушку на твоём лице. Я хотел бы вывести формулу, по которой строился бы твой профиль на системе координат. Я не сделал бы ни одной ошибки.

Я чувствовал каждую точку твоего выпуклого лба, маленького носика, упрямого подбородка, но алгебру знал на тройку. Я сел бы за формулы и подсчитал бы в люксах и люменах световой поток и силу освещённости от твоей редкой улыбки. Но формулы нагуглил слишком поздно.

– Мне скучно! – голос капризный. Таня красиво надула губки. – Что ты сидишь с этим дурацким аккордеоном? Как черепаха, ей-богу!

– Елена Сергеевна ушла и сказала учить Брамса, иначе влепит двойку.

– Дураки вы все! И ты, и твой идиотский Брамс! – Отражение туманности Андромеды снова появилось в её глазах.

– Танечка, ну хочешь я тебе стихи почитаю?

– Не люблю я твоих стихов, – тихо, из другой галактики донёсся её голос. – Ноешь всё: люблю, страдаю. А я такого не понимаю. Ах! Я бы писала стихи на языке математики. Там такие поэмы можно сочинить!

– Ну?... – Но Таня уже выходила на орбиту Сатурна.

– Учи, что ли, своего вонючего Брамса.

– Таня? А тут премьера в театре. Звезда эта... Как её? Безымянная. Хорошая постановка и музыка живая. Может, пойдём?

– Дурачок ты! – она улыбнулась. – Мы же всё выяснили. Я тебя не люблю.

– Таня!

– Не люблю и всё тут! Не приставай.

– Но ты же мне книжку подарила! Мандельштама, да ещё и с надписью. И стихи мои взяла. Я целый венок сонетов написал. Две недели старался...

– Ну подарила... Ах! Я иногда сама своих поступков не понимаю.

А стихи я потом прочту. Может быть. Приволок кипу бумаги. Зануда! Скука смертная. Таня показала мне язык и, наверное, уже читала в уме таблицы Брадиса.

«Хорошо тебе, – подумал я, – вредина, ты эти таблицы наизусть знаешь, и щеголяешь этим на алгебре и приводишь алгебраичку в восторг».

Брамс, вонючий вредный старикашка, когда я твой танец выучу?

Дооо – Фа... Блин, три дизза. Ещё раз!

Дооо-диез, Фа-диез, ля... Ох, како не удобно е переложение. Теперь двумя руками. Дооо-диез, Фа-диез, ля. Минор, минор, минор...

– Сколько можно мучить инструмент? Твоим Брамсом можно людей пытать. В дверь, сияя румянцем, ввалился беременный аккордеоном Эдик.

– О, Танька, здорово! Что вы тут уединились? Секреты всё? Смотрите, – Эдик захохотал, – как бы детей не приключилось.

Таня наградила его дураком.

– Заходи, Эдик, – входил я в роль хозяина, – ты тоже к завучихе?

– Ты тут за секретаря?

– Ага. И. О. Царя Бунша И. В.

– Слышали? – Эдик упал на стул. – Опять конец света объявили!

– Третий уже? Прошлый мы на алгебре пересидели. Помнишь, Таня? Таня долго смотрела на меня издалека. Глаза её совсем позеленели от мечтаний. Наконец, фотоны отразились от моей фигуры.

– Глупости, – злым голосом сказала она. – Ещё раз вам повторяю, не верю я в эти вонючие концы света! Я всё подсчитала – конца света не произойдёт. Земля переместится в параллельное измерение после столкновения с чёрной дырой. Через тридцать один год. Эдик выразительно посмотрел на меня.

– «Истинно вам говорю 4 мая 1925 года земля налетит на небесную ось», – мы все засмеялись.

– Да, – тихо сказала Таня, – по моим подсчётам это произойдёт в 2025 году.

– Расчёты – отсосёты... – Эдик заалелся, как маков цвет, – всегда тебе, Танька, говорил, что ты с придурью.

Мне вдруг стало очень грустно. Тридцать один год! Такая прорва времени. Где будем мы? Что станет с Танечкой?

– Да, ребзя, какие мы будем старые. Мне будет сорок пять лет.

– Развалина ты уже будешь! – презрительно сказал Эдик. – Вот я буду молодцом. Построю дом в деревне, баньку, кузницу и буду ножи ковать. Сильный, здоровый. Ручище – во! Бородище – лопатой. А ты, хлюпик, сопля интеллигентская, – плесенью покроешься и будешь ходить, попёрдывая, песком посыпая всё вокруг.

– Ну знаешь... – приподнялся я, насколько позволял аккордеон, – сам ты пердун и оглохнешь в своей кузнице. Будешь глухой тетерей с ручищами и бородищей.

– Мальчики, – окликнула нас Таня, – потише, не шумите. Почитай лучше стихи.

– Валяй, – сказал Эдик, – читай. Всё развлечение.

– Как бабочка летала, накрывая стол...

Ах, я залюбовался красотой скрытой,

Почувствовав светящий ореол...

Да, ореол. Несколько недель назад была Танина днюха. Мы собрались у неё дома. Танюшка принимала нас картошкой с ножками Буша, чаем и бутылкой шампанского. Тогда я и написал эти стихи, любясь спорыми ножками в полах джинсового сарафана. Маргаритой вообразил я её, а себя доктором Фаустом. И вот мы танцуем с ней не медляки Стинга, а гальярду. Чадят факелы. В камине шкворчит ягнёнок на вертеле. Музыканты навеселе наяривают танец. И мы раскраснелись от вина, отплясываем, раз за разом всё нежнее и нежнее глядя друг на друга. За

этими мечтами я и просидел весь вечер на полу, почти не танцуя. Эдик, пользуясь временным отсутствием девочек, рассказывал, что у него это было в первый раз.

– Сравнил тебя невольно с Маргаритой.

– Кого? – захохотал Эдик, – Таньку? Слышишь, Таня? Этот «Ромео» тебя с другими бабами сравнивает.

Первый раз Таня взглянула на меня тепло, почти ласково.

– Хорошие стихи. Спасибо. Ты мне потом их дочитаешь. Маргарита? Булгаков?

Я кивнул. Внезапно пересохло во рту и под ложечкой разливался кипяток.

– Наверное... Может быть... Нет... Нет! Гёте!

Таня расхохоталась. Должно быть, у меня был совсем нелепый вид. – Ну ладно, Гёте – так Гёте. Ой и насмешил ты меня. Посмотри в зеркало. Ты ведь красный, как креветка.

– Точно! – захохотал Эдик. – Caridea Decapoda.

– Сам ты аскарида круглая!

– Фу, – скривилась Таня, – мерзость какая!

– Вот лучше послушайте, – сказал Эдик, вытирая слёзы. Обычно румяный, как очень крепкий и здоровый юноша, он совсем раскраснелся, – Увертюра Дунаевского. Очень сильная музыка!

Он внезапно посерьёзней, возвёл очи горе, что-то вспоминая, и рванул мех от себя. Зарокотал первый соль-диез, и на нас с Танькой обрушился каскад уменьшённых септаккордов. Как волна о скалы. Запахло йодом, повеяло солёным холодным ветром. Аккордеон Эдика рычал львом, самым большим органом под руками старого Баха. И уже пошла разматываться главная тема – пока такая скромная, тихая и неторопливая. Но постепенно под рокот труб набирала упругость и силу, возносилась на крыльях модуляций, всё выше и выше. И уже летела туттийная, на всех скрипках, вдоль тридцать седьмой параллели за капитаном Грантом. Вдаль – к австралийским берегам.

Таня, Танечка, Танюша! Где твои глаза? Что с ними? Что с тобой, моя любовь, мой цветочек? Грустная осенняя хризантема. С таким взглядом не слушают увертюры Дунаевского. С такими глазами не мечтают о дальних странствиях и неизведанных землях. Такими глазами смотрят на любимого человека, на слепо любимого человека, безумно любимого мужчину. Любимого до головокружения, до дрожи в ногах.

Вошла Елена Сергеевна аккуратно к началу средней части. Волшебство пропало, закрутилась рутинная административная ерунда. Эдика попросили вернуться в свой класс. Меня выставили в коридор, пока решалось Танино поручение.

На подоконнике сидеть было неудобно, как я ни пытался примоститься. На душе стыла промозглая осенняя слякоть. Холодно было, тошно и нудно. Почечным камнем мучила мысль, не мысль даже, а грозное электричество: «Я никому, никому не нужен. Я одинок, оставлен посреди пустыни. Некому даже сказать: «Отойди от меня, сатана». Пойду бродить лесами вдоль бурных потоков. Кормить диких зверей. Созерцать в самой глубине леса водопады, низвергающие с рёвом тонны воды на обомшелые камни.

В этот момент с рёвом и грохотом обрушилась на обомшелые камни вода. Чистый молодой тенор пробился через шум волн.

– ... бросается.

Будь осторожен,

Триппер возможен.

Раскрылась дверь кабинета, на котором обычно не прибывают номера. Встряхивая руками после омовения, вышел Эдик.

– А, Ромео! Не грусти, Ромео. Всё у нас будет заеBeatles! Бывай! «Я хотел утопиться в реке, найти покой на морском песке», – песня летела бетонными коридорами, мелодия рикошетила от стен, а молодой тенор затихал за поворотом. «Но, как на зло, мимо плыл водолаз. Взял меня он и спас...». Последних слов я уже не слышал: по лестнице спускалась Таня.

Солнечные лучи падали на неё сбоку. Вся её невесомая фигурка светилась. Искрились каштановые волосы. Из глаз вырывалось золотое сияние. Сердце тяжело заныло. Так я и смотрел, как солнце на руках спускало её по лестнице, и Таня плыла, не касаясь янтарными ножками ступенек.

Как болит сердце... Как ноет. Как мучительно пронзили его солнечные лучи. Теперь сердце моё стало прозрачным и читал я в нём, ещё не понимая, грустные предвестья. О нраве моём грубом и сумрачном. О том, что ни одной любимой женщине не принесу я счастья, а только мелочные обиды, желчь и слёзы. Что буду бегать за химерами: грезить о звёздах днём, а о снеге летом. Люди будут бежать от меня, жизнь, яркая и живая, втянув живот, протиснется мимо, оставив жёлтые листья осени и пепел детских фотографий.

– Ну что ты тут сидишь, глупенький? – Таня погладила моё лицо прохладными ладошками. – Пойдём погуляем.

Она легко запрыгнула на подоконник и потянула на себя створки окна. Окно распахнулось, словно его толкнули извне. Танины волосы рассыпались по ветру, запахло аптекой и свежей арбузной корочкой. Взявшись за руки, мы ступили в ещё тёплый песок. Недалеко шумело море. Солнце вот-вот должно было закатиться. Дул бриз. Мы сидели у небольшого костра. Таня, подтянув колени почти к самому подбородку, молчала и задумчиво смотрела на линию горизонта. Костёр горел бесшумно, только разгорался сильнее, когда в него попадал очередной пук сухих водорослей. Я бросал их почти машинально, а сам смотрел и смотрел на Танюшкин красивый профиль. Она была вся кругом загорелая, даже маленькая грудь, которую было видно в разрез туники. Лицо щедро-щедро украшали веснушки.

– Танька, а Танька, что со мной случилось? Так больно было!

– Не знаю, – ответила она тихо, не глядя в мою сторону. – Любите вы, поэты, себя жалеть и рядиться в трагические тоги.

– Значит, всего этого не будет, ни обид, ни печали, – обрадовался я.

– Откуда я знаю? Может, будет, а может, всё у тебя будет хорошо.

Я взял её руку, поднёс поближе и прижался щекой к тыльной её части.

– Танюшка, а ведь не будет у меня хорошо.

– Почему? – спросила она.

– Ты ведь меня так и не полюбишь.

– Конечно, полюблю! – она убрала руку и повернулась ко мне, – уже люблю и всегда буду...

– Но мы всё выяснили...

Таня отвернулась от меня и бросила в огонь ещё водорослей.

– Это мы там выяснили, – махнула она рукой куда-то неопределённо. – Ну что? Ты рад?

Я долго думал, шевелил палочкой в костре, молчал и не знал, что ответить.

– Наверное, – неохотно сказал я наконец, – но грустно это всё.

Танюшка молчала, и только ветер свистел и завывал, и в его свисте или в шуме волн слышались мне слова:

«О юноша! Ты вечно будешь петь.
Деревья никогда не облетят.
Влюблённый! Не упьёшься негой ты,
Вотще стремишь к любимой страстный взгляд.
Но не умрёт любовь твоя и впредь,
И не поблекнут милые черты».¹

Кто-то давно тормошил меня за плечи.

– Ромео, очнись! – слышал я Танюшкин весёлый голос.

– А!.. Я и не сплю! Нет. Не сплю.

– Ну, ты что? Еле тебя добудилась! Замечтался?

Я потряс головой:

– Нет. Нет! Это так... солнечный удар.

– Да? – Таня выразительно посмотрела на небо, обложенное тучами.

– Ну-ну... Иди, тебя Елена Сергеевна ждёт.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ, ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

(Опыт немагического реализма)

Мой племянник, которого я очень люблю, в детстве много смотрел аниме. Бэ-куганы, Бен 10 и прочие Покемоны. Иногда по утрам, когда я водил его в школу, выслушивал горькие сетования юного джентльмена:

«Дядя Лёша, я такой плохой, у меня совсем нет суперспособностей. Ведь я не умею летать, нет у меня покемонов для битв и лазерного луча».

Вот они, плоды массовой культуры, думал я несколько патетично, несколько в духе телевизионных ток-шоу. Молодое поколение воспитывают в глубоком комплексе неполноценности. «Не умея летать, разве можно добиться в жизни чего-либо значимого? Куплю я лучше этот новый телефон! Хотя чем-нибудь выделюсь из толпы».

Сам я до сих пор плохо соображаю ранним утром. Поэтому простите мне подобные рассуждения при маленьком ребёнке едва ли семи лет от роду. Как часто в дальнейшем, предаваясь воспоминаниям, рассуждал я вечерами. А что плохого, собственно, в сверхспособностях? Разве сам я не мечтал в невинном детстве метать сюрисэны или раскидать толпу недругов одним ударом кулака? О таких архетипичных вещах, как рентгеновские очки, я вообще молчу. Да и что говорить о невинном детстве? Я и теперь не отказался бы от такой чудесной магии,

¹ Джон Китс «Ода к греческой вазе».

как возможность наслать реактивный понос в самое неожиданное время в самых людных локациях, и любовно лелею виртуальные списки, сладко смакуя самые пикантные подробности.

Нет, мастером кун-фу, яростным кулаком, я не стал. Сюрикэны хоть и продаются в магазинах сувениров, но и тут я не преуспел. Да и тайные знания сэнсэев школы – фекальный водопад или мудрость бурого потока мне тоже не открылись.

Как часто в бессильной ярости удовлетворялся я мечтами о страшной мести и развил только дремлющую до сих пор фантазию. И то хлеб. А так-то я человек самый мирный – увалень и добряк. Хотя однажды я обладал одним сверхдаром – перемещением во времени. И случилось это в том самом невинном детстве, об этой истории я и хотел вам рассказать.

В конце прошлого века, в совсем другой стране случилась она.

В сказочное, почти легендарное время ходил я в школу, в начальные классы. Головастик в синем форменном костюмчике из жаркой кусачей шерсти, с дерматиновым портфельчиком, сделанным по последнему слову ортопедической науки. День в школе, дорога домой. Маленькой, кривой, почти деревенской улочкой.

Сентябрь. Жаркий ещё. До бабьего лета далеко. Не бабье ещё не закончилось. Солнце жарило в сто свечей. Тополя ласково перешёптывались за моей спиной: «Шуршим? Шуршим! Шуршали и шуршим». Благодать! Того и гляди, за углом если не реки, текущие молоком и мёдом, то раздача бесплатного мороженого точно. Крем-брюле с газировкой «Дюшес». Так хорошо и легко сделалось на душе. Так радовало всё окружающее – особенно мальчик, самозабвенно гоняющий в футбол пальчиковой батареей. Как можно играть в футбол в одиночку? Нонсенс! Наверное, поэтому он охотно меня, малявку, принял в игру, что в то время юношам считалось, может, и моветоном.

«Мячик» летал над землёй, подгоняемый серией пасов, охотно переходя от противника к противнику. Близился перерыв, когда игрок команды девятой школы (я) грубо нарушил правила и был наказан жёлтой карточкой.

Ну, ничего грубого, на самом деле. Увлёкся человек игрой, в запале слегка наступил на ногу оппоненту. Чем может подобное закончиться? Ну принял извинения, ну леща отвесил профилактического. Но поруганная честь требовала кровавой мести.

Как посильнее обидеть тех, кто меньше и слабее? Унизить. И противник посрамлён и сам становишься умнее и вырастаешь в собственных глазах. Не стал он мне леща отвешивать – слишком просто. Пошёл за мной и пинал ногой мой портфельчик. Без злобы, даже скучая. Пинок – хлипкий замочек раскрывается, летят учебники. Веселье, да и только.

И так всю дорогу, методично и неотвратно! До сих пор не понимаю, почему не убежал я, сверкая пятками. Только, глотая сопли и слёзы, в ритме этой сарабанды шёл медленно, раз за разом закрывая сумку.

Обычно писатели для контраста добавляют очень эффектные фрагменты о потускневшем враз солнце, о шуршании тополей, ставшем мрачным и угрюмым. Не помню я этого всего. Не помню! А что помню? Ночь помню. Свои детские мечты о чудесном спасителе, Супермене, рыцаре Айвенго — защитнике малых и убогих от сильных и наглых. Самым ярким героем мне представился я сам.

Появившийся из будущего, большой и сильный в воронёных доспехах. Бесшумно возникаю я за спиной злодея и отвечаю ему супермегакосмический подзатыльник. И негодяй катится, как перекасти-поле от самума, теряя кеды, зубы и сверкая лазоревыми семейниками из разорванных штанов. Я же, большой и добрый, пахнувший медовым пряником, протягиваю руку себе маленькому и говорю роскошным баритоном: «Не бойся, малыш. Он тебя больше не обидит». И с этими словами возвращаюсь в грядущее столетие, подхваченный темпоральным вихрем.

Наверное, очень горячим было желание маленького мальчика. Кто-то высоко надо мной грустно вздохнул и благословил тремя перстами. Так я совершил путешествие во времени. Нет, я не возникал в треске грозových разрядов, вкусно пахнувший озоном. Не требовал отдать одежду, ботинки и мотоцикл. Не сражался с морлоками в подземельях. Всё было гораздо прозаичнее, но от этого не менее волшебнее.

Сильные, нудные дожди шли всю осень. С ними я просыпался, шлёпал по пузырчатому лужам в другую школу, с другим совсем портфелем. Под их аккомпанемент я сочинял первые стихи, прижавшись к сырому стеклу в огромном коридоре школы, или хандрил от неудавшейся первой любви.

Толстенький мальчик за несколько лет вытянулся в тощего скелета. У меня первого в классе закончилась мутация. Мой новый голос был главным развлечением коллег по детскому хору, который пришлось оставить перед самой поездкой в Италию оного. Веселья это не прибавило. Зато появилась масса времени, уйма стихотворных опытов, один другого унылее, и несколько бесконечно наивных драм и трагедий.

В один из таких дней в ожидании урока по аккордеону сидел я на подоконнике, смотря на серый, как само уныние, пейзаж за окном. Тяжёлый, неудобный, как гроб, аккордеон я не любил. Желание в очередной раз профильтровать урок всё сильнее и соблазнительнее вставало передо мной во всей красе. Но дождь за окном не оставлял мне шансов стать прогульщиком. Так и сидел я, уставив невидящий взгляд в окно, раздираемый самыми противоречивыми желаниями. Стоп! Фокусирую свой астигматизм. За окном показалась до слёз знакомая пара. Первоклашка с портфелем, вот-вот готовый заплакать и так же не догадывающийся убежать. И другой, постарше, нагло и весело раз за разом пинками раскрывающий несчастный портфельчик.

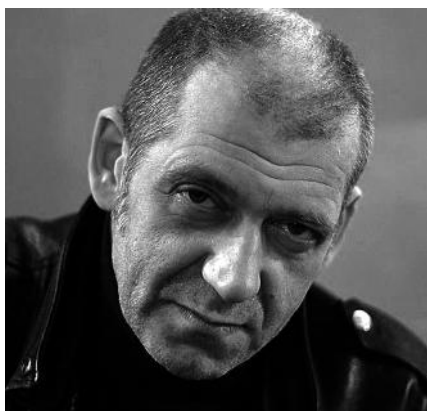
Я не успел ещё ничего понять, как меня окатил холодный дождь с ног до головы. Подбежать потише было несложно. Удар! Рюкзак негодяя взрывается, украсив серое небо радугой фломастеров. Разом растеряв всю наглость и веселье, портфельный нападающий плюхается в лужу. Размазывая слёзы, кричит он моей спине бессильные угрозы о мифическом брате-каратисте. Но мне некогда, пора идти на урок.

ПОЭЗИЯ

Пушкинская горка

ОЛЕГ МОНАХ (МИЧНИК)

ПЕРОЧИННЫЙ МЕЧ

Из цикла «КОЛЬЦЕВАЯ НА ВОСТОК»

ЗПТ..ТЧК.. (Постук вагонных колёс)

Нам приказано ждать
на путях запорошенных станций
где приливы огней
остывают в холодном окне
где молчим невпопад
и на жёлтых манжетах квитанций
отбиваем бессмысленный
ряд ТЧКа ЗПТэ

неподвижность колёс
вплетена в позвоночник и ниже..
как минорный аккорд —
неподвижность берёз за окном
нам приказано ждать
и уже не приказано выжить
и «летучая мышь»

под скрипучим скрипичным ключом
как хромой метроном
ветеран Золотого Сечения
в удушении мглы
испытает предсмертный экстаз
и погаснет навек
и уже не заставит в мучениях

асимметрией взгляда нарушить симметрию глаз ..

нам приказано ждать
мы уже не узнаем движения
трудно это понять
но труднее всего – изменить
но качнуло вагон
и по мягкому телу скольжения
пробегают перрон
словно ддррожь... изгибается нить

двух дорог
двух туманных земных полушарий

бледный мальчик- рассвет
по колено пропитан росой
нас конечно не ждут
из имён наших соткан гербарий
нам поспешно
прописан
отменный
посмертный
покой ..

мы несёмся вперёд
на Восток – наугад – наудачу
встречный ветер несёт
нам прохладу весенних дорог
сквозь немое стекло
и никак мы не сможем иначе
дотянуться до вас
сквозь услужливый вскользь некролог

:

мы остались лежать
на путях запорошенных станций
где приливы огней
застывают в размывах окна

где в поспешных стихах
на обрывках вчерашних квитанций
уместился один лишь
затакт
ЗПТэ
ТЧКа

СТАРЫЕ ТАНЦЫ

Мы старые танцы,
мы милые старые танцы,

Порою смешные,
порою отточено-нежные,

Но только, смущаясь,
мы ловим улыбки небрежные

Всё чаще и чаще...
Идут затяжные дожди...

Порою партнёрами,
наших детей полусверстники

И мы в своих па,
ради них совершаем диверсии

Но, в Юнга прогнозах,
от Неба поблажек не жди...

Мы так же стремительны
там, где стремиться положено

Мы так же безумны,
как сны запасных парашютов..

И так доверительно
их обменяемся кольцами

При случае верного
несовпадения маршрутов...

По дугам лекала движений отчаянно точных

Мы втайне стремимся
вернуться к начальной позиции

И всё предыдущее
просто назвать репетицией

Вот только закончатся вечные наши «дожди(сь)»

Так сухо в глазах
и босыми ногами по гальке

Подходим мы к маме,
что с морем, как в детстве, прощается

Лицом к горизонту, но чувствуем,
что улыбается, -

«Ты сбился... — начни всё с начала,
танцуй, — это жизнь..»

Мы старые танцы...
Мы милые старые танцы...

Порой контрданс, но по сути всегда одинокие...

И Солнце, в холодное море глубокое,

Прекрасный закат исполняет a la reverence

Из цикла «ПИТЕРСКАЯ ТЕТРАДЬ»

(эпиграф)

чернила Мойки в вековых камнях
причудливо очерчивают профиль
немного города.. где явный Ленинград
где тайный Петербург – смотри по кровле

считай по крови Пушкина родным
а проститутку с Невского – чужою
но ты пришипленный на крепость Херувим
с воздетой к Небу левою рукою..

ТРЁХЭТАЖНЫЕ ХРОНИКИ

четыре этажа. подъезд
читай: парадное
два шага до тепла и то
подспудно радуется

код на подъезде взломан
здесь законы Питера
лишь те кто выжил... Как – невеста –
твои со-Жители...

в подъезде юное мурло
и кособокое
гиперактивно прячет клей
мечта Набокова

на три пролёта пролетар –
ский стиль и прения –
АзЪ Буки Веди тут не вы –
разят сомнения

в прихожей вещей эпатаж
конфликт исподнего...
наверно высший пилотаж
не видеть оного

не замечать не преступать
закон не писан здесь
на всём дознания печать
и способ выследить

но вот та дверь где ты живёшь
скорей убежище
где неприкаянная ждёт
любовь беспечная

не от вопросов: «ты принёс?»
не в оправдание
чеку срываешь – и в разнос!
всё мироздание

четыре этажа всего
а ты на паперти –
как не послать здесь вся и всё
к такой-то матери?..

код на подъезде взломан в Рай
и Пётр валяется
переступают все его –
где тут покаяться?..

ХОЛОД ЧЕСТИ

холод — это что-то
вроде чести
мрёшь, дрожишь —
но твёрдо стой на месте

и держи по ветру ватерпас

только Бог создал тебе защиту
словно на тебя она пошита

твое тело — данное на раз

а внутри бушует непогода
мыслей чувств предчувствий
смертный шквал
кто же дал ей Имярек — «Природа»? —
будто он при родах побывал..

и под стать такому многоборью —
где судьба не сводит счёты с кровью
а крошит наотмашь всё окрест —

этот жуткий холод
взглядов встречных

льдом осколочным
и разрывной картечью

всех бродяг срывает
с тёплых мест..

и опять дорога в ритм сердцу :
«наша вера — потайная дверца»
там вдали куда мы держим путь
вечный холод

и один из тысяч
нищих духом
пойманный с поличным
раньше времени стараюсь не уснуть

НА ТЁПЛОМ АСФАЛЬТЕ

босыми ногами
на тёплом асфальте
стою

шершавые мысли
и бешенный сердца
аллюр

за ретушью снов
и ободранных детских
колен

во внутренней лодке
пробоина памяти
крен

немыслимо плавны
все чувства и только
печаль

даёт как в бинокль
театральный себя
различать

за рамой тускнеющих
самых прекрасных
картин

на тёплом асфальте
босыми ступнями
один

в метущемся воздухе
голос: Сынишка
домой

и хлопанье крыльев
незримых. наверно
за мной

СИМФОНИЗМ

а я снедаю себя поездом
пью водку слушаю бетховена
и выгляжу обеспокоенным
сквозь жизни едкий симфонизм

но не поймите меня правильно –
вселенная давно отравлена
сама собою и проявлена
как женский утренний каприз

но мне последнее не близко
пью виски слушаю стравинского
и не почту наш Мир единственным
во всём параде Бытия...

и если б вдруг в пылу случайного
я встретил инопланетянина
не делая из жизни тайну
спросил бы прямо: «Как твоя?...»

а он расплакался б возможно
и выпив эликсиру звёздного
со мной и с кем-то неопознанным
(Вселенский принцип: На Троиx!)

врубил бы «Сон Созвездья Лебедя»
и в нашей странной интермедии
нашли приют бы в википедии:
гараж для блюдц летающих

но в нашей яви беспрестанной
коньяк фигячу под бренстайна
литературные дизайны
преподаю иным перстам

стебусь над грязью феминизма
под маникюром катаклизмы
но в тон вопросам: чем ты счастлив был?
– ах, это я придумал сам

.....

05-07.10.19

*Первая четверть луны
Северная Башня. Питер.*

Из цикла «Песни наизнанку»

ЛОВЦАМ ОТРАЖЕНИЙ

ежедневных мыслей
косая тень
что бросает мозг
на текущий день

в нас рисует незримый предел

и тот знак что нам
был к полудню дан
разгадали мы
лишь к закату дня

и теперь сидим не у дел

нам и спать не лечь
за порог – невмочь
лишь в руке тупой
перочинный меч

и в агонии так вся ночь

значит утром вновь
нам не взвесить «за»
не зайти за грань
не свести глаза

на свечу что твоя слеза

превращает в сонм
ледяных лучей
и как в горле ком
ты в потоке дней

и тверда в кулаке вода..

СЧАСТЬЕ ВБЛИЗИ

Счастье вблизи выглядит странно
вой за окном

Ходит в тиши за заставкой экранной
как палиндром

смысл налево смысл направо
сеятель грёз

мы улыбаемся и строим планы
будто всерьёз

время стремится проседью ранней
нас удивить

но улетают вдаль наши мамы
тянется нить

внутри – наружу маятник стужи
Внутренний снег

Счастье внутри – мальчик сконфуженный
Твой оберег

ПЕРЕПИСКА ФЕДЕРИКО ГАРСИА

не верю я Гарсиа Лорке
 что-то в последнее время...
 может быть слишком логичен
 а может быть что-то личное
 но Федерико не верю я...

что же ты, брат, Федерико
 так часто меняешь лики?..
 если лишь рифмы зыбки –
 не велика потеря..
 но в третьем катрене сонета
 в каждой строке мистерия?!..

и лишь в серенаде лунной
 лунной речной долины
 (но в переводе Юнны*
 и грех прозвучит невинно)
 ты не стираешь грани
 ты безотчетно честен..
 Перепишу-ка я Лорки
 все нечетные песни...

ТАЙНА

плоток французского вина
 звено японского бамбука
 неповторимы как волна
 просты как идеальность круга
 древнее в мире нет черты
 чем та что их объединяет –
 они пронзительно чисты
 в них Первый Миг Вселенной тает
 до Бесконечности... и мы
 едва коснувшись Тайны этой
 чуть пригубив – уже пьяны
 опасной близостью Ответа...

(В подборке сохранена авторская пунктуация)

*Юнна Мориц

Олег МОНАХ (МИЧНИК) родился в 1967-м году в Кишинёве. Стихи пишет с 15-ти лет. Первая публикация в журнале «Стелуца» – перевод молдавских стихов и песен для детей на русский язык. Актёр театра «Данко». Учился в Академии культуры Санкт-Петербурга по специальности *социальная психология*. Автор социальных программ для работы с беспризорными детьми Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Проживая в эмиграции, около восьми лет издавался и участвовал в создании первых поэтических сайтов русскоязычного Интернета. По возвращении в Молдавию создавал арт-клубы и организовывал музыкально-литературные вечера.

Сценарист, писатель, актёр театра и кино. Победитель Всероссийского фестиваля поэзии и мелодекламации «Петербургский ангел». Награждён Почётной грамотой Законодательного Собрания Петербурга за активное участие и вклад в культурную жизнь города. Избранные стихи опубликованы в сборнике «Авангард и андеграунд новой литературы» в этом году. Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова. В настоящее время проживает в Санкт-Петербурге.

ОЛЬГА ГАРУСОВА

«СВОБОДНЫЙ ТРУБАДУР ПИТЕРСКИЙ»

Во время Гражданской войны в Бессарабию непрерывно, ручейками и волнами, шли беженцы. Поток резко возрос с весны 1920 года, после установления власти большевиков в Одессе. В этом «беженском городе», последнем на российской территории, к окончанию войны был собран цвет российской творческой интеллигенции. Те, кто не попал на корабли, пытались уйти за границу бессарабским маршрутом, переправляясь через Днестр с помощью контрабандистов.

Среди них был петербургский поэт, драматург, переводчик, журналист Пётр Петрович ПОТЁМКИН (1886 Орёл – 1926 Париж).

Исследовательский интерес к творчеству Потёмкина вспыхнул внезапно, всего лишь несколько лет назад. Обнаружилось вдруг, что поэт по достоинству не оценён, что эта яркая фигура литературно-художественного Петербурга открывает малоизвестные тропы Серебряного века. Между тем современники давно признали многогранность его личности.

Поэт-модернист, отличавшийся особым – «грубым и изысканным одновременно» языком и оригинальным стилем, виртуозный мастер стиха, с «изумительной лёгкостью и быстротой» рисовавший житейскую изнанку «фантастической обманчивой личины» Петербурга. Сотрудник популярнейшего весёлого журнала «Сатирикон», творивший одновременно с Аркадием Аверченко, Тэффи, Сашей Чёрным; автор изящных миниатюр, скетчей, балетных либретто для прославленных кабаре «Кривое зеркало» и «Летучая мышь», «Дома интермедий»... Наверное, не случайно, театральную эпоху 1910-х годов Осип Мандельштам ассоциировал с «иррациональным гротескным юмором» Потёмкина, с его «великой англо-негритянской трагедией» «Blach and white», в которой впервые на камерной сцене был использован пародийно стилизованный приём «театра в театре».

В сознании современников Пётр Потёмкин неотделим от маскарадно-кабарежной атмосферы, костюмированных литературных вечеров, ресторана «Вена», где собиралась литературно-художественная богема, от «общества изысканно-остроумных людей» «Бродячей собаки» – поэт «за свою общительность, лёгкость

права, богемность почитался своего рода душой» этого знаменитого арт-подвала. «Он был последним из петербургских «мечтателей»-полуночников, прошедший сквозь жизнь, как в полусне. Теперь таких нет – людей без быта, душ, безгранично свободных, одиноких и практически беспомощных», – писал о нём бывший петербуржец, поэт-эмигрант Георгий Иванов.

С началом Первой мировой войны богемная петербургская атмосфера стала таять и в 1917 году исчезла бесследно. Революционную власть Потёмкин не принял. «Все мы тогда были растеряны. Все с ужасом смотрели на новых хозяев жизни – большевиков, не зная, с чем их едят, не зная, как бороться с ними и как относиться к ним», – скажет он об этом времени в одной из кишинёвских газетных публикаций.

В январе 1920 года из Москвы, в которой прожил несколько лет, поэт уезжает в Киев, затем – в Одессу. Увиденное и пережитое в месяцы «красного вала» террора будет запечатлено в поэме «Че-Ка», написанной в Кишинёве:

Алый змей, убойный змей
Выполз из берлоги.
Чешуёй прикрыл своей
Все пути-дороги.
Нет пути и свету нет...

Единственной надеждой на спасение мыслилось бегство за границу.

В ноябре 1920 года с женой и маленькой дочерью Потёмкин отправился в рискованный путь к Днестру под предлогом гастрольной поездки театральной труппы, которую составили петербургские балетные танцовщики Борис Романов, Елена Смирнова и Николай Обухов, оперные певцы Владимир Каравья и Елена Лучезарская, одесский антрепренер Соломон Бискер... Переправы через Днестр ожидали две недели, перебираясь с места на место, опасаясь выдачи властям. С каждым днём росла стоимость услуг перевозчиков. Ко всем прочим бедам прибавилась и необычайно ранняя в тот год зима... В поэтическом цикле «Переход» Потёмкин даст метафорическое осмысление этого судьбоносного для его участников события.

Первым городом в эмигрантской одиссее поэта стал Кишинёв. Как и большинство «транзитных» беженцев, он прожил здесь недолго, всего год, с декабря 1920-го по ноябрь 1921 года. Однако его присутствие в культурной жизни города весьма ощутимо. Как и другие литераторы, Потёмкин активно публикуется в местной прессе, вокруг которой возникает близкая поэту творческая среда. В Кишинёве нашли временное прибежище и его петербургские знакомые. Писатель Леонид Добронравов, журналист Пётр Пильский, поэт-сатирик Жак Нуар (Яков Оксер) задумали возродить сатириконовские традиции. В качестве редактора-издателя привлекли местного архитектора, поэта-любителя Иосифа Шварца. Первый номер литературно-сатирического журнала «Наш Сатирикон» вышел в начале декабря 1920 года, а уже во второй номер свои произведения дал Потёмкин. Обычно коллеги встречались в элитном кишинёвском кафе-кондитерской Манькова – факт, отмеченный в прессе анекдотом, соль которого была ясна видевшим скетч «Блэк энд уайт»:

– Отчего так темно сегодня у Манькова, света нет, что ли?

– О, нет! Это Жак Нуар, редактор Шварц и поэт Потёмкин пьют чёрный кофе.

Внешне стиль жизни казался, как и прежде, безбытным, полубогемным. Пильский, тоже «орловец», знавший Потёмкина ещё студентом петербургского университета, писал в книге «Затуманившийся мир»: «Конечно, я хорошо помню этот недавний, этот кишинёвский 1920-1921 год, и нашу общую газетную работу, и наши ежедневные встречи, и его стихи, и беженскую квартиру, его семью и тогда только что родившуюся дочку Ирку, осчастливившую его любимицу, трогательно восхищавшую молодого отца своим сходством». В материальном отношении жизнь была очень бедной, неустроенной. В переполненном беженцами городе тяжело было найти даже убогую комнату. Знакомые многим тягостные поиски квартиры Потёмкин описал в статье «Хождения по мукам».

Поэт сотрудничал в газетах «Наше слово», «Новое слово» и «Звезда», часто подписываясь инициалами П.П.П. Его кишинёвская публицистика весьма разнообразна, выходит за рамки прежних, привычных тем. Одна из первых потёмкинских публикаций «Последние дни царя» – перевод с французского воспоминаний Пьера Жильяра, гувернёра цесаревича Алексея. В предисловии переводчик аргументировал достоверность и точность рассказа официальными данными следствия, тем самым опровергая упорно ходившие слухи о чудесном спасении Романовых.

Как и все беженцы, Потёмкин живёт происходящим в России. Известия о восстании кронштадтских матросов осмысливаются им в статьях «Кронштадт», «Матрос Петрищенко», «Форт Ино». Основываясь на личных наблюдениях, Потёмкин пишет сатирический памфлет «Братья-писатели в Совдепии», иронизирует над обывательскими привычками «странного города Кишинёва» («Небывалые были») и размышляет об отношении бессарабцев к объединению с Румынией... («Унификация»).

Но особенно часто Потёмкин пишет о театре. Его актёрские портреты (Канапов, Кузнецова) написаны человеком, бесконечно влюблённым в лицедейский мир и в его талантливых служителей. Местная драматическая сцена для Потёмкина не представляла особого интереса, являясь зачастую лишь объектом критических язвительных статей. Рецензия на постановку «Горе от ума», обвинявшая ряд исполнителей в «халатном отношении» к профессии, спровоцировала бурную полемику в прессе. Актёры в открытом письме к общественности, необоснованно приписали рецензенту стремление «уничтожить то маленькое дело», которое ведётся «с каторжным трудом». Их поддержал «старый театрал», которого

*Портрет Петра Потёмкина
из личного дела кишинёвской
сигуранцы*

Потёмкин публично призвал к третейскому суду за «явные оскорбления» в адрес его и газеты. В процессе выяснения отношений внятно обозначился водораздел между «провинциальным» и «столичным» критериями в подходе к искусству. В жизни, по словам современников, мягкий и уступчивый, изменять своим эстетическим принципам «свободный трубадур питерский» не мог и не хотел.

Осенью начинают разъезжаться друзья и коллеги поэта. В октябре и он хлопотет о визе. После Кишинёва была Прага, затем – Париж. Жизнь, казалось, стала налаживаться. Потёмкин печатается, руководит литературной частью театра «Еврейское зеркало»; снимается в фильме «Казанова», съёмки которого проходили в Венеции. После многолетних скитаний ему наконец удалось приобрести собственную квартиру.

Пётр Петрович умер внезапно, от сердечного приступа, в том же 1926 году, что и Добронравов, с которым на короткое время пересеклись их жизненные пути в Кишинёве. «Да, ещё недавно там жили, говорили, надеялись, вместе сидя, три русских литератора: Леонид Добронравов, Пётр Потёмкин и ещё пишущий эти грустные строки. Двое из них ушли один за другим, в самый короткий срок», – откликнулся на скорбное известие Пильский.

В творческой биографии Петра Потёмкина кишинёвский год оставил важный след. Трагизм, ранее угадываемый в его лирике проницательными рецензентами, обнаружился с такой экспрессией поэтического слова, которая у него более не случалась. В «Че–Ка» кошмар подвальных застенков, психологическое состояние человека, ожидающего казни, изображены так, словно поэт сам это прожил. Сложная художественная структура текста – с постоянно меняющейся оптикой сцен-картин, с перепадами ритма, стилизацией частушечных и песенных мотивов – создаёт трагически- гротескный образ кровавого ритуала. Поэма «Че–Ка», посвящённая памяти Николая Гумилёва, весть о казни которого застала Потёмкина в Бессарабии, была опубликована в марте 1922 года в русской эмигрантской газете «Бухарестские новости».

Подчёркнуто автобиографичный «Переход», что нечасто у Потёмкина встречалось, воспринимается как поэтический документ времени. Сюжетом служит последний, завершающий эпизод бегства. «Река смерти», как называли тогда Днестр по месту действия множества трагедий, осознаётся поэтом в категориях пространства между бытием и небытием. Жизненный материал переплавлен в художественный текст, в котором два плана – мифологический и реальный – перетекают друг в друга. Рефреном повторяются метафоры возможной грозящей гибели – бездна, топор и плаха. Днестр сравнивается с Рубиконом, переправа – с преодолением преграды; главный вопрос: кому вверена судьба Харону или Одиссею? Свой Рубикон, после которого уже невозможно было возвращение назад, поэт перешёл.

Но мучительные финальные строки стихотворения «Переход» всё же оставляли надежду на близкое разрешение этого бытийного вопроса русской эмиграции.

ПЁТР ПОТЁМКИН**ПЕРЕХОД****I**

Опять кусты. Садись в кусты,
Сиди, лови дыханье страха.
Поля замёрзшие пусты,
Пусты, как роковая плаха.

Сегодня ночью переход...
Сверкнёт ли нам звезда удачи?
Иль, может быть, топор невзгод
Решит иначе?

Поля пусты. Дрожат кусты.
Под сиверком ноябрьской ночи,
И мысли, словно смерть, просты,
И думы молнии короче.

А там, внизу, сапфиро-синь
Тяжёлой лентой, вольным лоном,
Течёт среди ночных пустынь
Днестр, нам представший Рубиконом...

II

Тропинка тоненькой верёвкой
Мостится с кручи в глубину
Одна ошибка – шаг неловкий
И приведёт она ко дну
Но в ней спасенье. Иди же. Ну!

Ты впереди с ребёнком нашим,
Я позади, как выючный мул.
От горьких чаш все к горшим чашам
Нас в эту бездну окунул
Контрабандистский караул.

Ты помнишь вишенью и камни,
И зыбкий мостик чрез ручей?
Сказала всё твоя рука мне
В тот миг кончавшихся страстей,
Где человек уже ничей.

Ещё усилие и берег,
Ещё последний вздох и лёд!
И сердце верит и не верит,
И ждёт и уж давно не ждёт...
А вдруг она с ним не дойдёт?

И страшно тем, что нету страха –
Всё ужасом в душе сожгло.
Пусть вместо лодки будет плаха,
На ней топор, а не весло –
Ах, только бы перегребло!

И вот он, Днестр, зарытый в кручи
Как ход огромного крота,
И первый лёд сырой, тягучий,
И ветер из-за каждого куста
Всешелестящие уста.

И лодки нет! И нет надежды,
И я один, и ты одна!
Но тихо открывает вежды
Ребёнок, вспрыгнувший от сна...
Нет, мы перебежим, жена!

III

Мы пришли по обмёрзшей отмели
В эту ночь в последний раз,
Мы из чаши бедствий отпили,
Слишком много, будет с нас.

Пусть челнок неверно выдолблен,
Пусть коварен ледоход.
Приговор судьбою вымолвлен,
Вспять река не потечёт.

Облаками серебристыми
Ясный месяц запылён.
Кто нам чёлн привяжет к пристани,
Одиссей или Харон?

IV

Шуршит ледок,
А сердце бьётся...
А вдруг челнок
Перевернётся?

И берег нем,
А сердце бьётся...
Не лучше ль тем, кто остаётся?..
Ну, не смешно ль,
Как сердце бьётся...
Утихла боль, тоска уймётся.

Родная Русь,
Как сердце бьётся...
Когда вернусь
И всё вернётся?

(«Избранные страницы». Париж. 1928).

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

Квартирная комиссия!*

Квартирная комиссия??

Квартирная комиссия!!!

Где вы? Слышишь ли ты меня?

Видишь ли ты меня?

Меня, блуждающего пять дней с 8 часов утра до 6 вечера по всему городу и не могущего найти комнату?

Каждый день обхожу я самым тщательным образом квартал за кварталом. Нынче верхнюю часть города, завтра нижнюю. Мелькают передо мной перекрёстки с названиями улиц, мелькают окна, ворота с белыми билетиками, как бешеный ношусь я от билетика к билетику, перебегая дорогу по губастой мостовой, не жалея последних ботинок, и вместо желанной надписи «Сдаётся комната», встречаю самые разнообразные, подчас смешные, подчас грустные надписи, но только не то, что нужно.

«Требуется мастерица».

Да, Бог с ней, с этой мастерицей и с теми, кто выдумал писать её через «й». Мне комнату, комнату нужно.

Боже мой, чего только не продаётся в Кишинёве! И черенки, и саженцы, и арифмометры, и детские маскарадные костюмы Тореодор и Роза, и буфеты, и стулья, и улья, и красные зайцы...

Но комнату, комнату нельзя найти в Кишинёве.

Вот, после двухчасового хождения по солнцепёку, набредаю на билетик с «Отдаётся комната». Вхожу. Маленькая комната в одно окно, обои ободраны — клопов выводили. Обстановка: стол, два сломанных стула.

На улице Гоголя хозяин такой свирепый, что ревизоры и войти побоялись, так он их принял, и только со слов соседей записали комнату. На Харузинской улице

* Временная городская комиссия была создана с целью упорядочить ситуацию с размещением беженцев.

комната есть, но в ней, кроме зеркала, ничего нет, и на зеркале предлагают и есть, и спать. И всё это за дешёвую плату 400 рублей.

На Госпитальной заявляют, что «моя хата с краю, ничего не знаю», и не подозревают вообще о существовании квартирной комиссии.

Что же делать? Как быть?

Дальше. Комната с дырой в полу. Вместо кровати драный диван. Сколько? 500 лей!

Хорошо. Я возьму. Имейте в виду, что я не один. У меня жена и ребёнок.

Как? Ребёнок? Вы с ума сошли! — отвечает мне хозяйка и уходит.

И так далее, и так далее, без конца.

Что за народ эти хозяйки? Быть жена-тым — это с их стороны преступление. А иметь ещё и ребёнка к тому же — это уже не только преступление, а большевизм какой-то.

За пять дней моего хождения я ещё не видел ни одной хозяйки, которая не сочла бы меня негодяем за то, что у меня есть ребёнок, что этому ребёнку нужен кров. За пять дней шатания по городу я видел много комнат и «для дам», и «для одинокого», и «для мужчин», но нигде я не видел комнаты для ребёнка.

Квартирная комиссия. Говорят, у тебя есть на учёте комнаты? — Не верю этому, у тебя их нет и не будет, вероятно.

Квартирная комиссия, слышишь ли ты меня?

Увы! Вместо Тарас Бульбовского «Слышу, сынку» ничего я, кажется, не услышу в ответ.

И придётся мне опять и опять, пять и ещё пять и ещё десять дней ходить из улицы в улицу, жадно следя за билетиками, и искать права на кров, искать комнату у хозяйки, которая вспомнила бы о том, что и она была когда-то ребёнком, как все мы, и сжалилась бы надо мной.

Или, что же, убить ребёнка прикажете?

Карикатура на журналиста, опубликованная в местной прессе

(Газета «Наше слово», 1921, 30 марта)

«САТАНА»

Началось всё с темноты. Потом появилась перед суфлёрской будкой красная лампочка, долженствовавшая изображать адское пламя, потом тюль с нарисованными облаками, несколько бережков и пригорков на фоне небес и четыре

«Сатана» — пьеса Я. Гордина.

ангельских затылка, которые пели что-то в высшей степени невразумительное. \...\ Потом появился Сатана, поблёскивая шансонетными блёстками, приклеенными к векам, и раздался голос Иеговы, очевидно, на старости лет поступившего в пономари.

Начался пролог. За прологом начался первый акт, за первым – второй, за вторым – третий и так до пяти. Длинная и нудная пьеса, сентиментальная, перепев вечной темы борьбы небес с адом, пародия на Фауста.

Поначалу казалось, что не выдержать всех тягот этого спектакля, но, начиная с конца первого акта, стало складываться иное убеждение и, как не странно, благодаря игре некоторых исполнителей, главным образом, г-ж Таньской и Варжевской. Роль весёлого подростка-девчонки, в дальнейшем страдающей женщины, г-жа Таньская провела блестяще. У неё яркий темперамент, зажигающий её переходы и реплики подлинной сценической психологией, не нуждающейся в усиленном «накачивании», она знает тайну крепкого тона и уверенного скупого жеста. Г-жа Варжевская порадовала меня также и прекрасно обдуманым гримом, и трогательною простотой, спасшей роль её от опасного шаржа. Мужской состав был намного слабее. Выделился из него только Маратов, нашедший в себе много такта и... простоты. Г. Дубровин был всё тот же г. Дубровин. Всё тот же картавый голос, всё то же мычанье в сильные моменты, всё те же актёрские манеры дурного тона, развинченность и расхлябанность движений, любовь к резким сменам поз, делающие его во всех ролях его и не его репертуара ходульным. Шершунов играл Сатану. Конечно же, не знал роли, и, конечно, играл Сатану по-сатанински со всеми ухватками маскарадного чёрта, что было иногда смешно, иногда скучно, иногда противно и никогда – хорошо.

Не умеют в Кишинёве играть чертей.

(Газета «Наше слово», 1921, 1 марта)

Ольга ГАРУСОВА – научный сотрудник сектора «Этнология русских» Института культурного наследия Академии наук Молдовы. Родилась в Казахстане. По окончании театроведческого факультета Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии (ныне – СПбГАТИ) получила направление в Кишинёв, в Дом актёра Союза театральных деятелей Молдавии. С 1982 года работает в Академии наук РМ. Статьи её на темы современного театрального процесса Молдовы, истории театра, культурной и общественной жизни Бессарабии, русской эмиграции публиковались в различных кишинёвских газетах и журналах, в научных изданиях.

Она – автор монографии «Карл Шмидт. Городской голова Кишинёва 1877-1903».

ТЕАТР

ЮРИЙ СУББОТНИЦКИЙ

СВЕТ ДАЛЁКОЙ ЗВЕЗДЫ

Посвящается памяти нашей знаменитой соотечественницы народной артистки России, примадонны Московского государственного академического театра оперетты Лилии АМАРФИЙ.

«Проедем с тобой
В золочёной карете
По грустным мгновеньям
Минувшей любви».

Лариса Рубальская

Так уж получилось, что с детских лет и до конца отпущенного мне судьбой срока, моя жизнь связана с ней, Лилей, Лилечкой, Лилианной, моим школьным другом, моей наивной любовью, моей несбывшейся мечтой.

Для меня она была и останется путеводной звёздочкой, освещавшей мой земной путь.

Я – профессиональный моряк, первый помощник капитана судов дальнего плавания Черноморского морского пароходства, ветеран морского космического флота Академии наук СССР. Родился в Одессе, но по сложившимся обстоятельствам 25 лет своей жизни прожил в небольшом, уютном молдавском городке под названием Оргеев, что в 45 километрах от Кишинёва. Оргеев – город моего детства и юности.

В последние годы не так уж и часто у меня появляется возможность побывать в милой моему сердцу Молдавии. Приезжаю же я сюда, чтобы навестить могилы близких, а также вновь, затаив до боли дыхание в груди, побродить по старым улочкам, в зыбком мареве которых притаилась в затерянных лабиринтах ушедших лет полуистлевшая память обо мне.

В то злосчастное лето я решил с пользой провести несколько появившихся у меня свободных дней и отправился в Оргеев. И именно тогда на старом городском кладбище я услышал от одноклассников ошеломляющую весть о безвременном уходе Лилечки из этой земной жизни. Честно признаться, с того момента прошло уже столько долгих лет, а я до сих пор не могу прийти в себя и до конца осознать, что Лилии, красавицы Лилечки или, как я её называл, Лилианы, нет больше в этом мире. Да, «... Уж сколько их упало в эту бездну, разверстую вдали!».

Свои, возможно, наивные воспоминания я хочу посвятить пронзительно щемящей, светлой памяти об этой удивительно красивой, чрезвычайно одарённой девушке, женщине с таким же прекрасным, как и название цветка, именем – Лилия, великой актрисе и певице. Хочу искренне возблагодарить Бога, Провидение, Судьбу, Силы Небесные, которые даровали, именно даровали случай моей судьбе пересечься, а, вернее, лишь соприкоснуться с жизнью Лилечки. Эти грустные воспоминания как раз о той милой, навсегда запавшей мне в душу девочке, позднее блистательной даме, которая для меня в этом мире была дороже, чем сама Жизнь! Но это была моя жизнь, и я её прожил так, как мне было суждено её прожить. Хорошо, плохо ли, мне трудно судить. Всё же, думается, хотелось бы лучшего. Эти заметки, мой дорогой читатель, – результат, как сказал поэт, ума холодных наблюдений и сердца горестных замет.

Итак, «память мою словно ветром уносит» более чем на полстолетия назад. Я вознамерился написать о Лилечке не как о знаменитой артистке, которая своим уникальным, неповторимым по палитре оттенков звучания голосом завораживала почитателей её таланта, а как о моём давнем друге, подруге, с которой мы учились в одной школе, жили на соседних улицах, ходили в кино, катались на мотоцикле.

В автобиографии Лилия Яковлевна вскользь упоминает, что в детстве она училась в музыкальной школе. Я подробнее остановлюсь на этом моменте. Ещё в детском саду у Лилии проявились дарованные ей природой уникальные способности – слух, голос, пластика и грация, а главное – какое-то необыкновенное целеустремлённое упорство, желание быть в центре внимания и выступать, выступать. И получать удовольствие от понимания: её песни и танцы нравятся публике, доставляют людям радость и наслаждение.

Воспитатели, а затем и преподаватели настоятельно рекомендовали маме Лили уделить более пристальное внимание музыкальному развитию и образованию девочки. Когда она подросла, её отдали учиться в музыкальную школу. Сначала была мысль обучать Лилию игре на ненавистной ей скрипке, но она яростно отбивалась от этого «нелепого», с её точки зрения, предложения и соглашалась только на аккордеон. Тщательно всё обдумав, взвесив и обсудив, материально поднатужившись и согласившись принять посильную помощь от многочисленных соседей, решили купить для Лили аккордеон.

В то время в Оргееве, нашем провинциально-патриархальном городке жители в основном были знакомы между собой. Приезжих почти не было, при встрече все радушно здоровались друг с другом. А маленькая, хорошенькая Лилечка, можно сказать без преувеличения, была всеобщей любимицей. Её называли «наша оргеевская куколка», а одесситы сказали бы «*наша лялечка*».

Весть о том, что Лиле надо купить аккордеон, разлетелась не только по улице Первомайской, где жила семья, но и по всему Оргееву. Соседи, обитавшие рядом с домом Лилечки, поделились этой новостью со своими соседями, те в свою очередь – со своими, и практически весь город принял участие в покупке этого вожаделенного музыкального инструмента. Наша семья тоже поучаствовала в этом серьёзном мероприятии. Насколько мне помнится, я сам принёс несколько рублей и отдал Лилиной маме. Так что в аккордеоне, на котором теперь играла Лилия, был и наш скромный взнос.

Решение о приобретении именно аккордеона на все сто процентов оказалось правильным. Инструмент сыграл очень важную роль в жизни Лилиной семьи. Уже занимаясь в старших классах общеобразовательной школы, Лилия стала подрабатывать «на жизнь» музыкальным воспитателем, обучая оргеевских ребятишек под этот аккордеон петь, танцевать, таким образом приобщая их к прекрасному миру музыки. Отец Лили Яков Фомович умер рано, я его не помню и никогда не видел. И эти далеко не лишние для семьи деньги помогали сводить концы с концами. Впрочем, в то далёкое время все мы жили не очень-то сытно и достаточно сложно.

Наш дом стоял на улице Сергея Лазо. В этом месте она спускалась с большим уклоном к обширному лугу, где летом паслись козы. А уже за лугом, на улице Первомайской, на самом краю крутого обрыва холма стоял кукольно-крошечный домик, в котором жила Лилина семья. Улицы Лазо и Первомайская соседствовали. Жила Лилия с мамой, Марией Ефимовной (тётей Маней, как я её называл), и старшим братом от маминого первого брака Владимиром.

Родной брат отца Лили проживал в Румынии, в городе Брэила на Дунае. Был он зажиточным, но скупым и не очень-то приветствовал общение с бедными ор-

геевскими родственниками. Мария Ефимовна недолюбливала родственника и осуждающе говорила:

– Сволочь такой (это её оригинальная речь), мог бы прислать девчонке хоть какую-то шмотку, племянница всё же!

А теперь на миг представьте себе такую картинку: крохотная девчушка возвращается домой из школы. У неё за спиной на лямках огромный чемодан-футляр с аккордеоном. Зимой улица Лазо покрывалась льдом и превращалась в настоящий каток, к неопишуемой радости местных ребятишек. Лиля весьма оригинально использовала футляр аккордеона. Она садилась на него верхом и лихо скатывалась вниз, как на санках.

Моя мама, бывало, кричала мне:

– Юра! Беги к окошку, там твоя невеста на баяне катается.

Позже у меня появился плёночный катушечный магнитофон – большая редкость по тем временам, а скоро – и неплохие записи.

Я, точно зная время, когда Лиля возвращается из школы, выставлял в открытую форточку динамик и транслировал музыку на улицу.

Чтобы приобрести магнитофон и не просить денег у мамы, а лишних у неё и не было, я устроился подрабатывать на плодоконсервный завод рабочим по изготовлению деревянных ящиков, тары для фруктов. После уроков в школе я отправлялся на завод и отчаянно и не совсем умело колотил молотком и по гвоздям, и по собственным пальцам. Стонал от боли, но радостно представлял себе, как магнитофон будет улаживать слух Лили.

Иногда Лиля проходила мимо нашего дома, не останавливаясь, иногда задерживалась у наших окон и слушала музыку. Я же, спрятавшись за занавеской, любовался ею. Девочка была необычайно хороша, наделена какой-то загадочной, восторженной, гриновской красотой. Да, видимо, именно в этом случае Господь Бог решил не скупиться и при «создании» Лилечки, кроме невероятно щедрых даров – музыкального таланта, дивного голоса, стройной фигурки, решил сделать ей ещё один шикарный подарок. Творить так творить, договорился сам с собой Всевышний и, махнув рукой на все божественные приличия, одарил Лилу ещё и изящной, утончённой, возвышенной красотой. Красотой, которая потом будет сводить с ума мужчин, хоть раз увидевших её. Повторюсь, от Лилечки просто невозможно было отвести глаз!

В конце концов, она не выдержала такого моего настойчивого упорства и сдалась. Однажды в нашу дверь постучали.

Открыла мама и каким-то радостно-напряжённым голосом воскликнула:

– Юра! К тебе гости!

И... о чудо великое! Я не верил своим глазам! Наконец-то свершилось, произошло то, о чём я так долго мечтал! Вот она, вот она, долгожданная моя Жарптица, Синяя птица, птица счастья, ликовало и пело моё сердце.

Она смущённо произнесла:

– Меня зовут Лиля. Из вашего окна всегда звучит такая красивая музыка. Не могла бы я у вас её немного послушать, если можно.

Мама заметалась по квартире, не зная, куда посадить и чем угостить прекрасную гостью. Мы пили вкуснейший, наверное, самый – самый ароматный чай

в моей жизни с малиновым, затем абрикосовым, затем вишнёвым, затем айвовым вареньем и... наслаждались музыкой. Вот оно, вот оно, то счастливое мгновение, которое я буду помнить всегда.

Мой, как мне наивно думалось тогда, стратегический, хитроумно задуманный план наконец-то сработал. Так мы официально познакомились с Лилечкой. Впоследствии она стала всё чаще бывать у нас в доме, а я у них.

Хорошо помню, как тётя Маня, когда я приходил, а дочери не оказывалось дома, говорила мне:

— Эта «фыцка» (девчонка, подросток-сорванец) опять на репетиции и, наверно, снова поёт и пляшет на сцене в ДК. Иди туда и увидишь свою ненаглядную Лилиану.

В Оргееве, надо сказать, тогда очень своевременно был выстроен Дворец культуры из местного белого камня-котельца с просторным фойе, в котором по субботам и воскресеньям устраивались танцы.

Массовые мероприятия, концерты и красавец-дворец скоро сделался духовным центром города. Здесь работали и разнообразные творческие кружки. В это же время был создан вокально-инструментальный ансамбль «Кодру», душой, «вечным двигателем», вокруг которого всё вращалось, конечно же, была Лиля. Неистощимый генератор оригинальных идей, любопытных решений, творческих задумок — она сумела-таки разбудить сонный, провинциальный Оргеев. Ансамбль всё чаще давал уже полноценные концерты. На них, а точнее, именно «на Лиллю», приходило всё больше и больше зрителей. Вскоре выступления группы стали настолько популярны, что каждое из них ожидалось горожанами уже с нетерпением, становилось событием для Оргеева, превращалось в яркий, надолго запоминающийся праздник.

Один концерт, как теперь сказали бы, судьбоносный особенно врезался в память. Была подготовлена очередная новая программа. Повсюду в городе развесили афиши, и публика, как будто предчувствуя нечто необыкновенное и неординарное, буквально валила на концерт.

И вот вместительный зал Дворца культуры забит до отказа. Не оставалось свободного места даже в проходах вдоль стен, а массивный балкон, казалось, едва выдерживал огромное количество желающих послушать Лиллю.

В то время была необычайно популярна мелодичная и весёлая финская песенка «Руды-руды-риц». Лиля вышла на сцену в костюме Красной Шапочки. На платьице фартучек в белый горошек, на голове, естественно, красная шапочка, а в руках плетёная ивовая корзиночка, в которую юная актриса должна была складывать расставленные на сцене грибы. В зале повисла тишина ожидания...

Прозвучали первые аккорды... Допев песенку, Лиля, повертев в руках микрофон, а они тогда были шнуровые, и не найдя подходящего места, куда положить, неожиданно засунула его в горловину саксофона, на котором виртуозно «выда-

вал» синкопы саксофонист Толя Жмурко (Тюля). Саксофон от такой наглости оглушительно взревел, взвыл, а мощные динамики буквально взорвались усиленным звуком. Лиля же, как ни в чём не бывало, пустилась танцевать и собирать грибы.

Зал сначала замер, затих, а затем разразился водопадом аплодисментов, восторженными криками, свистом. Публика была в экстазе, попав под влияние настоящего волшебства, которое струилось со сцены. А Лилия на «бис» пела и танцевала, пела и танцевала, ещё, ещё и ещё.

Мне кажется, что именно тогда невообразимый рёв динамиков и синхронный гул зала возвестили о рождении новой ярчайшей звезды, имя которой – Лилия Амарфий. А её искромётный многогранный талант позднее разгорелся и засиял в полную силу с многих престижных сцен, покорила сердца восторженных зрителей. И потом, когда Лилия приезжала с концертами в Кишинёв, Оргеев, Черновцы уже народной артисткой России, примой Московского государственного академического театра оперетты, это уже было событием республиканского, а позже и государственного масштаба.

Я стал навещать Лилию дома всё чаще. И могу поклясться: наверняка всё мужское население Оргеева – и совсем молодое, и не очень – желало бы вместо меня постучаться в эту заветную калитку. Все были в неё влюблены.

Смотреть на Лилию и не восхищаться, было выше человеческих сил.

К Лилиному домику прилегал небольшой вытянутый треугольник огорода, в центре которого красовался единственный водопроводный кран. Все бытовые удобства, естественно, во дворе, а так как водопровода в доме не было, то воду надо было носить. На кухне стоял обычный рукомойник типа «Мойдодыр», а под ним огромный бак для слива воды, который своими размерами и внушительным весом вызывал содрогание и уважение.

Присутствие гостей в доме приветствовалось, особенно особей мужского пола, и по достаточно прозаичной причине. О этот бак! О этот монстр!

Его ведь надо было время от времени выносить!

Тётя Маня менторским тоном говорила мне, когда я озадаченно смотрел на это чудовище: «Юра, хочешь дружить с красивой девочкой, научись правильно за ней ухаживать. Да-да, и выносить грязную воду тоже. Причём научись это делать с радостью и сияющей улыбкой. Что я, тяжело вздыхая, беспрекословно и выполнял.

Перед глазами возникает чёткая картинка одного дня из моей теперь уже такой далёкой юности. Дня, навсегда исчезнувшего в бесконечности прошлого, но зарубкой оставшегося в моём сердце.

Вдоль окраины Оргеева протекает река Реут. Тогда ещё в ней можно было купаться, правда, пивок там было немереное количество. Зато вода очень чистая,

и весь Оргеев летом ходил на собственный пляж. Располагался он в междуречье двух протоков. Здесь было достаточно глубоко, даже стояла вышка, с которой можно было прыгать в воду.

Однажды мы с моим другом Эммануилом Малисом лежали на берегу, я спиной к воде, а Моня, приподнявшись на локтях, лицом к реке.

Мы о чём-то вяло болтали. Неожиданно лицо Мони резко изменилось, он вскочил и невероятно огромными, какими-то звериными прыжками помчался к реке и с разгона прыгнул в воду. Я, ещё не понимая, что произошло, но предчувствуя что-то неладное, ринулся за ним. Мони долго не было видно.

Наконец, на поверхности воды появилось безжизненное, казалось, бездыханное тело Лили, а затем и сам Эммануил.

В ту же секунду я уже был рядом с ним, пытаюсь помочь.

– Давай! Давай! Давай! Быстрее! Быстрее! Быстрее! Счёт идёт буквально на секунды, – орал я.

– Не умничай, – огрызнулся Моня. – А ты где был?! Почему не усмотрел! Мне возразить на это было нечего...

Когда мы вытащили Лилию на берег, тут уже инициативу в свои руки перехватил я, и вот почему. После шестого класса я часть лета провёл в пионерском лагере на берегу Днестра, в молдавском селе Кошница, недалеко от Дубоссар. Как-то пионервожатые повели нас купаться. Место для пляжа в тот раз было выбрано, надо сказать, не совсем удачное. Когда-то именно здесь упала и разорвалась тяжёлая авиационная бомба, под водой сохранилась огромная воронка, что в сочетании с быстрым течением и изгибом Днестра породило явление водоворота. Один из ребят попал в этот водоворот, захлебнулся, его затянуло под воду. Мальчишку успели вовремя вытащить и откачать. Я наблюдал, как взрослые опытные воспитатели пытались его спасти. Тогда и подумать не мог, что через несколько лет это моё стороннее созерцание спасёт Лиле жизнь.

Я закричал что есть мочи:

– Ребята! Разбежались по ближайшим домам! Найдите, где есть телефон, и вызывайте «Скорую помощь» сюда! Быстро! Срочно! Немедленно!

Мы с Моней стояли на коленях. Передо мной на земле без всяких признаков жизни лежала ТА, дороже которой не было никого. Хочу сразу сказать: одно дело смотреть со стороны, как спасают тонувшего человека, что и как для этого делают знающие люди. И совершенно другое – делать это самому, неопытному мальчишке, повторить, не имея никакого практического опыта.

Понимая, что только от меня, а не от кого-то другого в эти минуты зависит человеческая жизнь, что обстоятельства сложились таким образом, что именно от правильности моих действий зависит «Да» или «Нет», «Быть или не Быть», «Жизнь или Смерть». От осознания такой непомерной ответственности у меня задрожали руки. И весь я трясся в каком-то лихорадочном ознобе.

Изо всех сил пытался сконцентрироваться, отбросить эмоции, но это никак не получалось.

– Моня, быстрее! Переворачиваем Лилию и осторожно кладём животом мне на колено.

Тут же из неё стремительным потоком хлынула вода.

– Теперь, – продолжал я, – аккуратно переворачиваем и укладываем на спину. Моня, сложи валиком одежду и подложи ей под голову. Слушай меня внимательно: на счёт раз, два, три... семь, я буду надавливать на грудную клетку, а по счёту восемь ты зажимаешь пальцами Лиле нос, глубоко вдыхаешь в себя воздух и, крепко прижавшись своими губами к губам Лили, вдыхаешь воздух в её легкие. Поехали!

Я положил свою ладонь на ладонь и начал непростую попытку запустить её сердце. У Мони, когда он подключался, получалось не очень-то, он, как и я, сильно нервничал. Да, в этом случае надо было сделать ещё кое-что, но объяснить времени не было.

– Моня! Быстренько меняемся местами, – скомандовал я. – По счёту до семи работаешь ты, на счёт восемь – я. Будь осторожней, не сломай Лиле рёбра.

Процесс пошёл. Мы работали в бешеном темпе, как роботы, но результата, увы, не было.

Всё это время я с каким-то неистовым, несвойственным мне фанатизмом обращался к Всевышнему. Почему-то где-то глубоко в подсознании присутствовала твёрдая уверенность: ОН поможет, ОН должен помочь! ОН не может не откликнуться на мою отчаянную просьбу, на мой вопль-крик, исходящий, казалось, из самой глубины моей души, Он не бросит, не оставит нас без помощи. Это было бы уж слишком несправедливо.

– Господи! Помоги! Спаси! Сохрани! Сохрани эту жизнь, ведь она только-только стала расцветать. Помоги! Ну, что Тебе стоит это сделать!? Ты ведь всё можешь. Всё в Твоих руках! Всё! Сотвори чудо!

Нервы у меня стали сдавать. Мы старались, мы выкладывались изо всех сил, а ситуация оставалась прежней! Драгоценное время стремительно утекало сквозь пальцы, как песок! Я выл, стонал от горя, понимая, что непоправимое если ещё не произошло, то вот-вот может случиться.

Всё это время мы с Моней стояли на коленях у безжизненно распростёртого на берегу Реута Лилиного тела, почти по инерции продолжая бессознательные и, казалось, бессмысленные уже попытки вернуть Лилию в этот мир... Мельком взглянув на Моню, я увидел его опустошенные, сострадательно глядящие на меня глаза и бессильно опущенные руки.

В этот момент ко мне пришло реальное осознание, что Лилия мертва и в человеческих силах ничего, абсолютно ничего в этой ситуации невозможно изменить. В следующую же долю мгновения появилось ощущение, что мною кто-то управляет, независимо от моей воли...

Неожиданно моя правая рука как-то сама собой взмахнула и резко ударила по грудной клетке Лилечки... Всевышний, очевидно, всё же услышал мои неистовые просьбы о помощи, обращённые к Нему, и смиловился.

И... О чудо, сердце Лили этим самым толчком запустилось.

Сначала медленно, как бы нехотя, неуверенно застучало, потом все чётче и чётче. Появилось дыхание, тоже сначала неустойчивое, неровное.

По телу Лили пробежала дрожь. Она на глазах оживала, возвращалась в этот Мир, в эту Жизнь.

Но ещё одна мысль непрерывно вертелась у меня в мозгу. Я прилагал неимоверные усилия, стараясь её отогнать, но она настойчиво, дятлом долбила своим клювом мой череп. Если останавливается сердце, то кровь с растворённым в ней кислородом перестаёт поступать в головной мозг, и он частично или полностью гибнет первым. И даже если человека после этого удаётся вернуть к жизни, он превращается в «растение». На всё про всё природа даёт около пяти минут. По векам Лили пробежала лёгкая дрожь, она наконец-то открыла глаза. Взгляд был туманно-неопределённый, размыто-бессмысленный.

Я наклонился к ней ещё ниже, она смотрела на меня, не узнавая.

Стальная рука безжалостной хваткой сдавила моё горло и сердце, было невероятно больно. В следующий момент – я чётко это увидел – её зрачки сфокусировались. Лили узнала меня и слабо улыбнулась.

– Где я? Что со мной?.. – чуть слышно прошептала она.

– Лилечка! Милая! Всё хорошо! Всё, слава Богу, хорошо! Ты вернулась! Ты здесь! Всё обошлось! Всё будет хорошо! – твердил я радостно и упрямо.

– Я вернулась?! Вернулась откуда и куда?! И что будет хорошо?!

Я снова не смог найти ответ.

– Мне на лицо что-то капает, – опять чуть слышно прошептала Лили. – Ты плачешь, что ли? Почему?!

У меня окончательно сдали нервы, очевидно, сказала и физическая, и психологическая перегрузка.

– Почему вокруг нас так много людей? Почему они все на меня так странно смотрят? Почему я лежу?! – продолжала спрашивать Лили слабым голосом.

В ответ я лишь несколько раз нежно провёл ладонью по её голове, по рассыпавшимся по песку мокрым волосам.

Лили уже стала реально понимать обстановку и взглянула на себя как бы со стороны. А увидела следующее: лежит она на песке, двое мужиков склонились над ней, один массирует ей левую грудь, а другой «страстно целует» в губы. Она вскрикнула и рывком села, одной рукой отталкивая Монины трясущиеся руки, а другой мою голову, с тоже трясущимися губами.

– Да вы что оба совсем очумели, что ли?!

Я облегчённо вздохнул. Мозг Лили работал нормально, отклонений и повреждений вроде не наблюдалось, её действия были адекватны ситуации.

Она поступала именно так, как должна была вести себя в этой ситуации девушка.

– Всё обошлось! – буквально пропел я сам для себя, всё ещё не веря самому себе.

– Да уж, очумели... – запоздало пробубнил Моня.

Толпа, в оцепенении плотным кольцом стоявшая вокруг нас и сосредоточенно наблюдавшая за происходящим, ответила нервным смехом.

У кого-то нашёлся термос с горячим чаем, у кого-то – бутылка водки, которую я вылил почти полностью на Лилию и на махровое полотенце, которым тщательно растёр её. Наверное, все мы трое со стороны выглядели так себе. Лили сидела закутанная в шерстяной плед и пила горячий чай.

Я в полуобморочном состоянии петлял вокруг неё, время от времени прикасаясь к ней, чтобы убедиться: да, она тёплая, она – живая!

Через несколько лет мне на глаза случайно попала фраза: «У Бога нет других рук, кроме рук человека». Тебе, мой уважаемый читатель, самому предостав-

ляется уникальная возможность решить, соответствует ли эта загадочная фраза реальной действительности, или нет.

Наконец-то неспешно, переваливаясь на кочках и ухабах пляжа, минут через 150 появилась Скорая (нескорая) помощь.

Из машины, так же не торопясь, вышел старичок-фельдшер, натужно побрякивая. А приехал он явно для констатации факта...

– Это Вы, что ли, у нас несостоявшаяся майская утопленница?! – обратился он к Лиле. – Да ещё какая красавица!

Она вяло отреагировала на комплимент. После беглого осмотра «медицина» вынесла свой вердикт, напутствуя Лилю:

– Будете жить долго, богато и счастливо!

А в нашу с Моней сторону старичок бросил:

– Молодцы, ребята! Спасли жизнь человеку. – И фельдшер крепко пожал каждому из нас руку.

А перед моими глазами в тот же момент встало первое мгновение, когда я увидел неподвижное тело Лили, и то непередаваемо жуткое, липкое ощущение леденящего страха, отчаяния, ужаса, охватившее меня. И то, как я осознал себя беспомощной, бессильной микроскопической песчинкой, оказавшейся перед фатальной безжалостностью, распахнувшей двери потустороннего мира.

Когда же всё наконец-то успокоилось, а мы, медленно приходя в себя, втроём сидели на покрывале, перед моими глазами вновь появилась картина, заставившая содрогнуться. Я увидел себя самого как бы со стороны и даже чуть сверху: как я, раздавленный непоправимостью случая, стоял на коленях у распростёртого на песке тела дорогой мне девочки, умоляя Всевышнего даровать ей жизнь. Разве в тот миг мог я подумать, что промчатся годы, и эта чудом спасённая юная принцесса станет известной артисткой, о которой будут писать и говорить.

– Счастливый ты, Монька, – сказал я, обращаясь к другу, – ты смог спасти жизнь Лиле.

– Так в чём же дело? – невозмутимо и даже как-то хладнокровно ответил он, задумчиво пожёвывая какую-то травинку. – Давай снова её утопим и на этот раз уже спасти будешь ты!

Я ошалело глядел на него, поражаясь такому по-философски рациональному и простому подходу к случившемуся. Лили не выдержала и резко вмешалась в наш такой вот содержательно-предметный разговор:

– Да вы что, совсем уже, что ли?!

... Стремительный и необратимый поток Реки Времени унёс, отодвинул это драматическое событие на 52 года в прошлое. Но я помню всё, помню до мельчайших подробностей и нюансов, причём вижу так ясно, будто это было только вчера. Всё это время я считал и до сих пор пребываю в твёрдой уверенности, что тогда, в тот момент, мне удалось совершить невероятное.

А именно – вымолить у Всевышнего жизнь для Лили.

Мне повезло, мне довелось побывать в самых святых местах планеты, священнее вроде не бывает. Я трижды посетил Иерусалим, был в Кувуклии храма Гроба Господня, в Гефсиманском саду, у знаменитой Стены Плача, в Вифлееме, на месте рождения Иисуса Христа, в Церкви Рождества Христова, на реке Иор-

дан, на месте крещения Спасителя. Именно там надо мной провёл обряд крещения (а я уже тогда был в солидном возрасте) батюшка Иона Одесский. В Италии, в городе Бари постоял в смятении над усыпальницей Святого Николая Угодника. Побывал у Святой горы Афон. Приложился к мощам Святого Пантелеймона-целителя. И, естественно, как любой смертный обращался к Высшим небесным силам со своими проблемами и просьбами. Но ни разу, никогда более не получил реальной помощи или ответа на мою мольбу. Ни разу! Очевидно, мною тогда, на пляже в Оргееве, был израсходован или даже перерасходован весь лимит положенного мне отклика на мои просьбы. А, возможно, я просил как-то не так? Не так горячо, как тогда за Лилечку.

И ещё об иронии Судьбы. Через одиннадцать лет после чудесного спасения Лили Эммануил Малис, отдыхая у друзей в Одессе, утонул, купаясь на городском пляже Ланжерон. Похоронен он в Оргееве. Приезжая в город детства, я обязательно прихожу к его могиле и по древней еврейской традиции оставляю на ней Камень памяти. Таких камней здесь за все эти годы накопилось предостаточно...

Но это будет потом, позже. Гораздо позже. Спустя 11 лет.

А теперь я вновь вижу тот день и час – мы сидим у Реута, радуемся, что живы; что вся жизнь впереди, что она только-только начинается, и так искренне надеемся: нас всех ожидают счастливые времена.

Какой же мерой счастья одарила меня судьба? Здесь уместней похвастать, скорее, везением. К сожалению, счастья отмерено мне в этой жизни было не так уж много. «Многие хотели бы родиться в Одессе, но не всем это удаётся» – слова моего земляка, великого одессита Леонида Осиповича Утёсова. Мне же самым удивительным образом с городом у моря повезло дважды. Я и родился в Одессе, и поступил в Одесское высшее инженерное морское училище, на местном одесском курсантском сленге в «Бурсу», розовую мечту всех романтически настроенных мальчишек Советского Союза.

И уже будучи курсантом четвёртого курса, получил приглашение, даже два, на свадьбу старшего брата Лилечки – Владимира. Первое было от самого Вовы, второе – от Лилиной мамы. Вова после окончания кораблестроительного института жил в Николаеве. Именно туда меня и приглашали.

Более того, в этот город меня звали и для осуществления разработанного Марией Ефимовной плана.

Лилечка к тому времени тоже уже училась, в Москве, во ВГИТИСе.

Мария Ефимовна назвала дату свадьбы сына и сообщила ещё одну приятнейшую новость: Лилия из Москвы тоже обязательно прилетит на свадьбу к брату. Мария Ефимовна, зная самые светлые, возвышенные чувства, которые я с детства питал к Лиле, обнадёжила меня поистине магической фразой:

– Думаю, что на фоне свадьбы Вовы у тебя появится счастливый шанс серьёзно переговорить с Лилей и, дай-то Бог, сделать ей предложение. Я-то помню, как ты весь светился каким-то особым внутренним светом, когда оказывался рядом с моей «фыцкой», а как ты смотрел на неё! А с дочкой я предварительно побеседую.

Здесь надо без всякого лукавства признаться: я тёте Мане нравился как кавалер для дочери гораздо больше, чем самой Лиле, к моему горькому сожалению.

На крыльях предстоящего счастья я немедленно устремился в приёмную начальника электромеханического факультета Кима Павловича Котрикова и, применив все свои дипломатические способности и ухищрения, всё же смог убедить его, что мне срочно, по жизненно важным обстоятельствам необходим отпуск на десять суток.

– Так приспичило, что ли?! – как-то по-особому внимательно и с лукавой хитринкой оценивающе взглянул он на меня.

– Ты пока ещё только на четвёртом курсе. Рановато жениться вроде бы!

Обычно эта матримониальная эпидемия у курсантов начинается на пятом.

А невеста-то согласна?

– Ким Павлович, она ещё ничего не знает и даже не подозревает, что она... невеста.

– Как?! Невеста не знает, что она невеста?!

– Да, получается так.

И я ему откровенно поведал о наших совместных с тётей Маней и братом Лилечки стратегических планах на моё ближайшее будущее.

– Ну, ты даёшь! А, впрочем, мне кажется, в этом что-то есть заливчатское, по-курсантски бесшабашно-безоглядное, лихое. Она, наверно, похожа на принцессу?! Ах, как же эта влекущая красота юных девушек застилает нам, мужикам, глаза и дурманит головы! Загораются глаза, вспыхивает пламя, воспламеняется костёр любви. Но не мешало бы помнить, что девичья красота, увы, не вечна. Да и не так уж она важна. Хочется, конечно, чтобы девушка была прелестна! Но всё же гораздо важнее внутреннее содержание и взаимная готовность обоих понять друг друга. Праздник быстро заканчивается. А за ним наступают будни. Житейские будни с множеством скучных бытовых проблем.

И вот тут-то на авансцену выходит не внешняя красота, а внутреннее содержание и сердечная привязанность. Семейная жизнь порой бывает так сложна и так трудна! А без взаимного уважения и понимания она вообще невозможна...

– Ким Павлович! Я, конечно, понимаю и принимаю ваш скептицизм, но для меня она действительно принцесса, она на самом деле очень хороша собой! И в придачу очень талантлива...

– Талантлива?! В чём же?

– Она прекрасно поёт, у неё дивный голос. Лилечка и актриса, и певица.

Учится в Москве, во ВГИТИСе... У неё грандиозное театральное будущее!

– Да-а, – задумчиво протянул Ким Павлович. – Любопытно, Одесса и Москва, моряк и актриса... Ох, какой это сложный вариант! Ты ведь себе ещё этого даже и не представляешь! Неужели у нас в Одессе нельзя было подобрать себе подходящую партию?! На каждом курсантском вечере отдыха в училище – море невест. Выбор богатейший. К вам на танцы приходят девушки из самых престижных институтов Одессы. Их столько, этих невест, что места для танцев всем не хватает. Столпотворение, как на толчке или Привозе за свежими бычками. Девчонки приезжают даже из Кишинёва, Тирасполя, Бендер, Николаева, Херсона, Очакова, Каховки! Вы, курсанты мореходки, сами себя недооцениваете, что ли? У вас прекрасные перспективы, престижная, хорошо оплачиваемая работа, дальние плаванья во все морские страны мира.

Вы после окончания училища будете работать в крупнейших парокходствах страны. Запомни, вы на редкость завидные женихи. Признаюсь, не совсем тебя понимаю.

– Ким Павлович! Мне нужна... только ОНА!

– Ну, коль так сложно обстоят твои личные дела, – сдался Котриков, – приглашай свою ненаглядную красавицу на светлый тур вальса жизни!

Хочу пожелать вам обоим счастья, причём желательно на всю оставшуюся жизнь. У нас в училище не принято, чтобы начальник факультета гулял на свадьбе курсанта, но ты меня зацепил, заинтриговал. Приглашай, непременно постараюсь быть. Уж очень хочется взглянуть на твою Ассоль, на вас обоих!

Получив в училище такое по-отечески желанное «добро», я немедленно отбыл на дизеле «Одесса – Кишинёв» в Оргеев. Вечером того же дня мы встретились с Марией Ефимовной и договорились, что утром выезжаем в Николаев.

К тому времени я уже был «бывалым» моряком – совершил свой первый заграничный рейс на учебно-производственном судне училища «Горизонт». Побывал в Стамбуле, греческом Пирее, в Венеции и на Мальте в порту Ла-Валлетта. И уже смог заработать кое-какие «морские» деньги на карманные расходы. В данном судьбоносном случае я решил блеснуть широтой одесской морской души. Ранним утром подогнал такси к дому тёти Мани и весело позвонил в знакомую калитку.

Мария Ефимовна внимательно и оценивающе оглядела меня с ног до головы и одобрительно произнесла:

– Молодец, моя школа! Да, ты хороший ученик и, быть может, из тебя кое-что путное получится. Прибыли мы в Николаев с шиком.

На следующий день я помчался в аэропорт, причём сознательно один.

Морская курсантская форма, тщательно подогнанная, отутюженная и ослепительно сияющая на солнце золотом якорей, внушала мне твёрдую и столь необходимую уверенность в грядущей удаче.

Всё, абсолютно всё, до тончайших мелочей, отвечало канонам, проверенным поколениями социума, объединённого общей фанатичной любовью к морю и морской тельняшке, то есть соответствовало ситуации для молодого морского джентльмена, отправляющегося на свидание с Прекрасной Дамой. Отполированная пряжка брючного ремня (простите, «бляха») с рельефным силуэтом звезды, пылающей острыми гранями на фоне якоря, соперничала с блеском глаз пикирующего сапсана.

В результате длительных дипломатических (и не очень) переговоров с охраной николаевского аэропорта, подкреплённых щедрой дружеской раздачей заморских сувениров вроде венецианских зажигалок, я получил право на нарушение множества служебных инструкций, в том числе и на доступ прямо на взлётное поле, непосредственно к самолёту.

Как отважный капитан я, стоя на верхней площадке трапа, пришвартовался к борту прибывшего московского рейса. Синий с тремя белыми полосками гюйс – воротник белоснежной морской рубашки-голландки, бодро трепетал под порыва-

ми южного ветерка, как крылья ангела-хранителя. Все эти морские курсантские атрибуты, надо сказать, и впрямь дарили надежду на успех моего предприятия.

Итак, я стоял на верхней площадке трапа с огромным букетом пылающих, как моё сердце, роз в руках. Люк самолёта распахнулся, и я в таком роскошном виде предстал перед изумлёнными глазами стюардесс, которые очень быстро сориентировались в ситуации и заулыбались мне.

Пассажиры начали выходить. Наконец появилась в проёме люка и Лиля. Увидев меня, она удивлённо ахнула:

– Господи! Юра! Как ты здесь?!

– Да вот встречаю тебя на нашей гостеприимной николаевской земле.

Свадьба удалась. Было весело, непринуждённо, вкусно и пьяно. Гости пели и танцевали. На следующий день мы с Лилей выбрались погулять по Николаеву. Прошлись по красивой центральной улице города – проспекту Корабелов. Забредли в кофейню. И Лилия, и я очень любили кофе. Я сделал заказ. От пирожных Лилия, вздохнув, отказалась, с тоской вспомнив о фигуре, но попросила принести несколько тонко нарезанных долек лимона, посыпанных сахаром. Если я скажу, что волновался, это будет означать, что я ничего не сказал. Я не просто переживал, нервничал – и... очень!

Лилия, очевидно, тоже. Похоже, мама с ней уже переговорила, ложечка в её руках, как-то уж очень тревожно позванивая, билась о фарфор.

Она, внимательно всматриваясь, вопросительно поглядывала на меня.

Я, как римский гладиатор перед боем, собрался с духом. И, глубоко вздохнув, заплетающимся заледенелым языком начал, наверное, самые важные, как мне казалось в тот момент, переговоры в своей жизни.

Однако мне удалось произнести всего лишь одно слово, её имя:

– Лилечка!

Лилия тут же положила свою руку на мою.

– Юра, подожди! Я догадываюсь, о чём ты мне хочешь сейчас сказать. Но давай вместе подумаем и всё обсудим. Ты всегда мечтал стать моряком, чуть ли не с самого раннего детства. Мы оба с тобой фанатично преданы мечтам, надеждам юности. Так сложились обстоятельства – ты в Одессе, а я в Москве. Уже ничего изменить нельзя. Помнишь, когда-то ты прочитал мне стихотворение Эдуарда Багрицкого.

Теперь наступил мой черёд прочитать его тебе.

Кто слышал раковины пенье,
Бросит берег и уйдёт в туман;
Даст ему покой и вдохновенье
Окружённый ветром океан...
Кто увидел дым голубоватый,
Поднимающийся над водой,
Тот пойдёт дорогою проклятой,
Звонкою дорогою морской...

Вот видишь, вся твоя сущность в этих строчках. Море и дальние плавания – это осуществление твоих грёз, твоей юношеской мечты!

Море для тебя – всё, и ты не мыслишь себя без него! Пойми, для меня сцена – тоже моя жизнь!

Должен признаться, я был до глубины души невероятно изумлён! Да, действительно, лет восемь назад я прочитал это стихотворение Лиле. Но даже не мог себе представить, что она мгновенно его запомнила.

Как великолепно поёт Лиля, я знал, но что она с таким чувством, с таким глубоким пониманием смысла стихотворения прочитает его для меня...

– Попробуй понять меня, – продолжала она, – я актриса, я певица. Мир театра – это мой мир! Моё призвание – жить именно в этом мире! Я мечтаю работать на московской сцене и без театра свою дальнейшую жизнь не мыслю. И об этом я тоже мечтала, как и ты о море, с детства!

Ты хороший, умный, добрый, красивый, – продолжала Лиля, – ты прекрасный друг. Но только друг, к моему горькому сожалению. Ну постарайся меня простить...

Наверное, со стороны я в этот момент представлял собой жалкое, невероятно убогое зрелище. В кафе на проспекте Корабелов напротив Лили сидело нечто аморфное, никчемное, безликое, раздавленное горечью отвергнутого признания. Вероятно, это нечто было похоже на выброшенную морской волной на прибрежный песок медузу, растекающуюся под беспощадными лучами жаркого южного солнца...

– Юра! Юрочка! – услышал я как будто издалека. – У тебя сейчас такие глаза, что мне завять хочется от боли, которой я оглушила тебя. У меня самой слёзы вот-вот польются. Я не героиня твоего романа. И было честнее сказать тебе это прямо сейчас, а не морочить голову напрасными надеждами.

На что я рассчитывал?.. Положа руку на сердце, я и сам, конечно, всё отлично понимал. Да, безусловно, понимал несбыточность своих иллюзий!

А одесситы на этот счёт выразились бы более определённо:

– *Шановный Юрий, в этом направлении вам абсолютно ничего не светит, и Вы элементарно пролетаете, как фанера над Парижем!*

Но было мне в ту пору всего 23... И я так крепко любил, я так надеялся...

И Киму Павловичу, увы, не пришлось погулять хоть раз на свадьбе своего курсанта.

Уже потом, через несколько лет после окончания морского училища, находясь в дальнем плавании, выйдя из Панамского канала, пересекая Тихий океан, попутно совершив заходы на Маркизские острова, Таити, Оклэнд и Новую Зеландию, а затем, взяв курс на Австралию, на Мельбурн, я собрался с силёнками и заставил себя «положить на стол перед собою лист бумаги чистой и карандаш, что к ней судьбой навек причислен». В том длительном рейсе я ещё раз мысленно вернусь к этим печальным событиям, переосмыслю их и заново переживу. Пользуясь многодневным океанским переходом и обилием свободного времени, сменившись с вахты, я безвылазно, как отшельник, сидел в своей каюте и писал, писал, зачёркивал, рвал в бессильном бешенстве испорченную бумагу. В результате невероятных творческих усилий появился текст эссе, посвящённого Лиличке и той романтично-драматической поездке в Николаев. Были отпечатаны три копии.

По приходу в Мельбурн авиапочтой в Москву полетели два увесистых письма-пакета. Одно было адресовано редакции очень популярного в то время молодёжного журнала «Юность», на имя главного редактора Андрея Дементьева,

а второе – Лилии, в общежитие ВГИТИСа. Третья копия осталась и хранится у меня до сих пор. Своё повествование, не мудрствуя лукаво, я назвал простодушно и наивно «Маленькая и грустная повесть о морских дорогах, судьбе и любви». К сожалению или к счастью, мою историю не опубликовали.

Вернувшись в Одессу, я получил от главного редактора рецензию на свой опус. Вроде бы редакция соглашалась на публикацию, но мне предлагалось доработать, переработать, дополнить, переписать и... переосмыслить.

Желания что-либо переделывать и менять не было никакого. И я благополучно махнул на эту затею рукой.

Получила ли Лиля мою повесть, читала ли её, я так и не узнал.

И уже не узнаю никогда...

Послесловие

ТЕ, КОГО МЫ ПОМНИМ, ЖИВУТ...

17 марта 2013 года. Прощёное воскресенье, 11 часов утра.

Москва, Троекуровское кладбище, Аллея артистов.

Пустынно, одиноко и грустно. Я стою с огромным букетом цветов, как стоял в трепетном волнении когда-то давным-давно в Николаеве, на верхней площадке трапа возле борта только что прилетевшего из Москвы самолёта, ожидая, когда же появится Лилия в проёме открывшегося люка.

Я уже далеко не молод. Мне 70. Жизнь так по-воровски промелькнула, проскользнула мимо меня, на цыпочках прокралась за моей спиной, на краткое мгновение вспыхнув ярким фейерверком юности, смелых замыслов, надежд, и так уныло приближается к своему логическому концу. Зато она щедро посеребрила мою голову. Как сказали бы у нас в Одессе, *седой насквозь*.

Я стою у белого мраморного памятника. Бережно и как-то по-особенному нежно выбираю из принесённого букета и раскладываю у подножия цветы, которые так любила ОНА. Перед поездкой в Москву я съездил в Молдавию, в Оргеев. Я поехал, чтобы взять горсть земли с могилы Лилиного отца, привезти в Москву и таким вот символичным образом воссоединить отца и дочь. Сократить то огромное временное расстояние, которое разделяет их. Вздохнув, я так же бережно рассыпаю над могилой привезённую землю.

И ещё одну ответственную миссию мне предстоит сейчас выполнить.

Тридцать семь лет моей жизни отданы морю, работе в составе экипажей пассажирских лайнеров дальнего плавания Черноморского морского пароходства. Как члену экипажа мне довелось выполнять специальные рейсы – круизы с паломниками. Это дало мне редкую возможность побывать в самых святых и экзотических уголках планеты. В одном из таких рейсов посчастливилось познакомиться с известным среди православных верующих одесским иеросхимонахом батюшкой Ионой. Для меня до сих пор остаётся загадкой, почему, по каким только ему ведомым критериям, из всего экипажа он выбрал для душевных бесед именно меня.

Знакомство это со временем – мы совершили совместно двенадцать паломнических рейсов на протяжении пяти лет – я как член экипажа, а батюшка Иона как приглашённый монах, переросло в своеобразную дружбу Учителя и ученика. Без его присутствия на судне не выполнялся ни один подобный рейс. Мы часто и подолгу говорили, если и у него, и у меня выдавалось свободное время. Я узнал от батюшки много интересной и дотоле неизвестной и недоступной мне информации. За что ему премного благодарен! Когда мы встретились с ним в последний раз на «Карелии», оба понимали: увидимся очень нескоро, если вообще увидимся: ему предстояла длительная поездка в Грецию для служения в русском монастыре на Афоне, а затем погружение в глубокую схиму. На прощание батюшка подарил мне крохотный флакончик.

– Георгий (так звучит моё имя на церковно-славянском языке), – обратился ко мне отец Иона, – здесь несколько капель смеси елея и мирры из всех святых мест, которые мы посетили. Запомни, одной такой капли достаточно, чтобы освятить всё Чёрное море. Дарю и думаю, что рано или поздно содержимое тебе пригодится.

Прошло девятнадцать лет. Ни одна из драгоценных капель не была израсходована. Здесь и именно сейчас, на московском Троекуровском кладбище, сбылось предвидение батюшки Ионы. Я достаю из кармана заветный пузырёк. Одна капля падает на надгробие Лилечки, вторая – в центр захоронения.

Кроме цветов, которые так любила Она, я привёз ещё один подарок из Южной Пальмиры. Это четверо сложенный листок глянцевого бумаги. На нём -каллиграфическая вязь строчек стихотворения, которое написано на одном дыхании моим другом, известным одесским поэтом Анатолием Яни.

Стихотворение я помню наизусть, но дрожащими неподатливыми пальцами достаю и разворачиваю лист. Стихи, которые я собираюсь сейчас произнести на пустынном кладбище – посвящение актрисе, обладавшей особым сценическим талантом и божественным голосом Лилии Амарфий, которой с восторгом аплодировали благодарные зрители едва ли не на всех континентах планеты.

Вокруг меня стоит звенящая напряжённая тишина. Вложив свиток со стихами в армейскую гильзу, я закапываю её в могильную землю у основания памятника, на лицевой стороне которого в белый мрамор врезано:

ЛИЛИЯ АМАРФИЙ. 08.11.1949 – 28.09.2010

На обратной стороне надгробия начертано:

«Не надо плакать обо мне,
Душа подвластна только Богу,
Она отправилась в дорогу
По неизведанной стране.

Там царство света, царство звёзд,
Там царство мировых гармоний.
Так отними от глаз ладони
И улыбнись – не надо слёз».

В известной оперетте, где Лилия играла роль Сильвы, звучали слова:
«Это жизнь! Это жизнь! Ты держись!
Ты держись! Ты держись! Это жизнь!»

Мне вдруг так явственно показалось, что Лиля сейчас именно этими словами пытается приободрить меня. Я будто слышал её голос. Она всегда была великим оптимистом. Её фантастическая энергетика заряжала, завораживала людей. Она верила в себя, в свои силы, в свой талант!

Лиля и небытие — это так несовместимо, так нелогично, так противоестественно! И не понять мне никогда, почему моей любимой было отмерено так несправедливо мало жизненного пути...

До этого тяжёлого мгновения я невероятным усилием воли заставлял себя не останавливать взгляд на портрете, боясь встретить ЕЁ взгляд! И вот, принуждая себя, всё же медленно поднимаю веки. На меня пристально смотрят прекрасные, загадочные глаза Той, которой для меня не было дороже в целом мире. Задумчивые, мудрые глаза, из которых и сейчас струится свет...

В моих бесконечных странствиях, начертанных роком, мой жизненный путь освещали три маяка. Это одесский портовый Воронцовский маяк, фантастическое сияние созвездия Южный Крест и глаза Лили.

Ах, эти ясные бездонные глаза! Они светили мне всю жизнь, помогали, поддерживали в самые горькие минуты. Манили, согревали, но, увы, так и не привели в тихую гавань, к надёжному причалу. Причудливый калейдоскоп времени сложил именно такую конфигурацию наших с Лилечкой судеб...

Конкурс святочного рассказа

В прошлом году Ассоциация русских писателей Республики Молдова и редакция литературного журнала «Русское поле» в четвёртый раз провели Конкурс святочного рассказа, в котором с удовольствием принимают участие авторы с обоих берегов Днестра.

В составе жюри на этот раз была известная российская православная писательница Ирина Ордынская, которая зимой, в январе, прилетела за свой счёт в Кишинёв, чтобы принять участие в уже ставших традиционными Крещенских вечерах православной поэзии АРП РМ, проходящих при поддержке настоятеля Свято-Георгиевской русской церкви Николая Флоринского и Российского центра науки и культуры, где и состоялось награждение победителей конкурса.

*Ими стали – **Сергей СУЛИН, Татьяна ЗУБКОВА и Арина КИРСАНОВА.***

В преддверии Рождества представляем на ваш суд, наши читатели, работы лауреатов.

ЭТА ДОЛГАЯ ДОРОГА

Я поссорился с возлюбленной. Сам был виноват, но позвонить, покаяться не позволяла дурацкая гордость. Рождественскую ночь предстояло провести в гордом одиночестве. Настроение было паршивое. Пока оставалось дневное освещение, я уныло рисовал картину. Работа не шла. Я раз за разом мазал холст и соскабливал написанное мастихином. Настроение было прескверное. В конце концов я поломал кисточку, захлопнул этюдник и отправился в кабак в надежде, что стакан доброго вина решит мои проблемы.

На улице шёл снег. Большие снежные хлопья мягко ложились на асфальт, покрывали деревья и крыши домов. Фонари зажигались и гасли, ласково передавая меня друг другу.

В окнах были видны разряженные ёлки. Ребятня с азартом каталась на санках, кидалась снежками, обрядившись в маски, колядовала. Я припомнил, как сам так же бездумно веселился лет двадцать назад, взгрустнул по беззаботному детству и прибавил шаг.

Вскоре я добрался до популярного на нашей магале кабака «У трёх покойников», получившего свое весёлое название за то, что вплотную примыкал к стене старинного городского кладбища.

Табачный дым в небольшом помещении стоял коромыслом. Из магнитофона доносился незабвенный голос Высоцкого, заглушаемый криками пьяниц, с лёгкостью смешивающих русское «Ну, будем!» с местным «Хай норок!».

Неожиданно среди завсегдатаев, устроившихся здесь всерьёз и надолго, я углядел и своего старого учителя. Когда-то Валентин Иванович преподавал мне в художке и с тех пор, казалось, совсем не изменился. Всё то же покрытое множеством морщин круглое лицо, в центре которого сизой барабулей красовался нос, мешки под глазами, большой светлый лоб, уходящий в залысину, и остатки спутанных желтовато-седых волос. На нём был изрядно потрёпанный допотопный пыльник песочного цвета, на голове – выгоревший на солнце синий берет, а на шее – съехавшая набок зелёная бабочка. Злые языки поговаривали, что старик давно уже выжил из ума, но я ничего такого за ним не замечал, искренне любил и помогал, чем мог.

Как будто почувствовав мой взгляд, Валентин Иванович обернулся и, заметив меня, смешно замахал руками.

– Серёженька, давай ко мне!

Взяв стакан «Вишёнки», – местного вина, от которого когда-то произошло название нашего города, я подсел к старику.

– А я с Олсе поссорился, – посетовал я.

– Образуется, мой друг, – утешил меня учитель. И тоном, совсем не соответствующим чадной обстановке шалмана, торжественно изрёк:

– С наступающим Рождеством Христовым!

В наших гранёных стаканах «Вишёнка» казалась тёмно-красной, почти чёрной и, словно сама по себе, мерцала из глубины царственным пурпуром...

Пропив все наши скудные финансы, мы с Валентином Ивановичем покинули питейное заведение. Снегопад закончился. Пошатнувшись, Валентин Иванович ухватил меня под локоть: «Давай пройдемся. Чувствуешь, какой воздух? Благодарь!».

Дома меня никто не ждал, я согласился. Игнорируя закон всемирного тяготения, мы потопали по свежему снегу вдоль кладбищенской стены, над которой торчали обледеневшие ветки деревьев. В свете фар припозднившихся автомобилей казалось, что из-за ограды тянутся костлявые руки покойников.

Навстречу нам брёл какой-то тип, тыча перед собой сучковатой палкой. Когда прохожий оказался под тусклой лампой одинокого уличного фонаря, удалось его разглядеть. Это был средних лет коренастый гражданин с давно не бритой физиономией и со всеми приметами недавнего пребывания в сугробе. На широком и плоском, словно у тунгуса, лице узкие мутные щели между припухшими веками обозначали глаза.

Поравнявшись с нами, слепой остановился и, прислушавшись к громкому сопению Валентина Ивановича, завёл привычный для нищенской братии разговор:

– Зиуа бунэ, оамень бунь! С Рождеством Христовым, люди добрые! Сам я не местный. Приехал издалека. Прошу вас, укажите дорогу к храму.

– Помочь ближнему в Рождественскую ночь наша святая обязанность, – заявил В.И. и вызвался проводить «тунгуса».

По заснеженным и уже пустынным улицам старого города мы, оскальзываясь, зашагали к Кафедральному собору. И весь долгий путь неугомонный Валентин Иванович изводил меня разговорами о долге христианина – любви к ближнему.

Когда же, изрядно уставшие, мы наконец добрались до места, слепец, ощупав портал здания, раздосадовано сообщил, что это вовсе не то, что ему нужно. Оказалось, что приезжий разыскивает всего-навсего маленькую церквушку, возле которой стоит дом его зазнобы. Однако это недоразумение нисколько не подорвало решимости В.И. помочь бедолаге. Мы попытались уточнить адрес местной Дульцинеи, но мужчина лишь твердил, что та живёт поблизости от храма.

– Наверное, ему нужна та церковь, где раньше был Планетарий, – предположил Валентин Иванович, и мы, подбадривая слепого, потащились по проспекту Стефана.

– И когда это в вашей дыре успели понастроить столько храмов и проложить новых улиц? – бурчал мне в одно ухо «человечище».

– Любовь – как это романтично! – громко шептал в другое В.И.

Я же с горечью думал о том, что только по собственной глупости и из-за ослиного упрямства наверняка потерял навсегда свою возлюбленную, мою нежную, добрую, чуткую девочку, мою Олсе.

Вконец выбившись из сил, наша компания всё же добралась до намеченной цели. Обследовав церковный забор, заезжий ловелас заорал, что мы его опять завели не туда и что он нам всем покажет. Дабы не накалять страсти, я быстренько припомнил, что на Болгарской есть церквушка, которую ещё совсем недавно использовали под складское помещение.

– А ближе ничего нет? – простонал мой учитель, в голосе которого уже не чувствовалось былого энтузиазма. – Ладно, доведём, не бросать же его здесь!

Мы подхватили гражданина под руки и, загребая обувью снег, поволокли по центральной улице в обратном направлении.

– Ещё немного, мой друг, – задыхаясь, подбадривал его Валентин Иванович. – Скоро встретишься со своей милой.

– Куда вы меня тащите?! Отпустите, ироды! – вопил, вырываясь, наш подопечный.

– Ничего-ничего, нам не трудно, – хрипел в ответ В.И., находящийся на последнем издыхании.

Опять повалил снег. Медленнее, чем того бы хотелось, мы продвигались вперёд.

– Чёрт меня дёрнул приехать, – поняв, что от нас ему просто так не отделаться, ныл незадачливый любовник. – Сидел бы сейчас у себя дома в Вишёнках и горя не знал.

Остановившись, словно налетев на невидимую преграду, мы с Валентином Ивановичем переглянулись.

– Сэр, а где, по-вашему, вы сейчас находитесь? – очень спокойно и совершенно трезвым голосом поинтересовался мой компаньон.

В наступившей тишине у «сэра» отчетливо щёлкнули металлические зубы.

В результате перекрёстного допроса нам удалось выяснить следующее. Крепко поддав «ла ботул калулуй» перед тем, как отправиться в деревню к своей «донне Анне», наш «дон Жуан» по дороге на автобус прилёг отдохнуть в сугробе, а придя в себя, почему-то решил, что он уже прибыл на место. И даже наши с В.И. реплики по ходу движения не насторожили его (впрочем, возможно, он ещё и плохо слышал).

– Ну и что нам теперь делать? – простонал В.И., когда мы всё же растолковали бедняге его ошибку.

– Ведите на автовокзал! – потребовал «тунгус». – Мне что же теперь несолоно хлебавши домой возвращаться? Да меня кореша засмеют!

Всю дорогу на вокзал Валентин Иванович сконфуженно помалкивал, а слепой что-то бурчал себе под нос о мошенниках и проходимцах. Оказавшись на перроне, он, не попрощавшись, ввинтился в толпу ожидающих свой рейс пассажиров. Я проводил его недобрым взглядом, а В.И. только развёл руками и произнёс: «Любо-о-овь!»...

Я же достал из кармана старенький мобильник. Телефон оказался разряжен.

– Возьми мой, – предложил В. И.

Я позвонил Олсе домой. Трубку никто не снял.

Вот и всё, – подумал я, – она меня бросила!

В голову стали лезть всякие дурацкие мысли. Я очень живо представил, как Олсе, обворожительно красивая, глядя насмешливо-презрительно мне в глаза, сообщает, что я опоздал, и теперь в её жизни «другой мужчина».

И, конечно же, это самый лучший человек на свете: добрый, сильный, нежный и верный. Он воевал и награждён, увлекается спортом, виртуозно играет на маракасах и вот-вот получит Нобелевскую премию по физике... И вообще – душа любой компании...

И, кстати, у него своя фирма... Они с Олсе безумно друг друга любят, скоро пожениятся и уедут в романтическое путешествие в Венецию...

– И что же теперь мне делать?

– Звони на мобильный, – посоветовал В.И.

Дрожащим пальцем я набрал номер.

После третьего гудка в трубке прозвучал такой родной, до боли взволнованный голос:

– Привет! Ты где? Я пришла, а тебя нет. Весь вечер дозвониться не могла!

– С Рождеством, любимая! – только и смог промямлить я, опускаясь на снег.

Сергей СУЛИН, художник,
член Союза российских писателей
и Ассоциации русских писателей РМ (Кишинёв)

* * *

– *Хай норок! (молд.)* – За удачу!

Магала – городская окраина или район, таковым когда-то бывший

– *Зиуа бунэ, оамень бунь ! (молд.)* – День добрый, люди добрые!

– *Ла ботул калулуй (молд.)* – выпить на посошок

БОБЫШКА – ВОРОБЫШКА*(По сюжету Л.Л. Кудрявцевой)*

С каким востойгом я встёцяю
Твои пьейесные глаза,
Но в них я цясто замечаю
Они не смотьят на меня.

Знаете эту песню? Это – моя любимая! Её часто по радио передают. Правда, мама называет её романсом, но я никакой разницы не вижу. Я вообще люблю петь. Особенно, если никого дома нет – во-первых, никто не смеётся, что я не все буквы выговариваю. В мыслях у меня хорошо получается, а вот язык ещё плохо слушается. А, во-вторых, тогда не так страшно становится. Мама говорит, что я уже большой мальчик, целых три года, поэтому не должен бояться. Да и чего бояться в пустой квартире? Но мне всё-таки страшновато. А когда поёшь – бояться забываешь. Вот и сегодня мама ушла на работу, а сестрёнка отправилась за хлебом. Она уже большая, ходит в школу, в какой-то там класс, но я забыл, в какой. Она у меня красивая! Мне в ней всё нравится: и лицо, и волосы, и улыбка, и платье. Вот только имя... Это же надо так назвать ребёнка, что и с разбегу не выговоришь! Ну, что это за имя – Люд-ми-ло-чка! Это у меня потому так хорошо сейчас получилось, что я вам в мыслях говорю. А вот если бы вслух... Имя должно быть простое и ясное. Чтобы каждый мог выговорить, и никто бы не засмеялся. Вот как у меня, например, – Боба! Ни за что не запнёшься, хоть про себя, хоть вслух! Правда, Людмилка со своей подружкой и это имя так выкрутить сумели, что язык заплетается: Бобышка-воробышка! Надо же такое придумать! Не иначе, как Людмилакина подружка постаралась! У самой-то имя спотыкливое – Лорочка, так она и других такими же награждает... Нет, вообще-то, она хорошая! И одевается нарядно. Людмилка ей, по-моему, слегка завидует. Эх, девчонки! Дались им эти воротнички-рюшечки! Как будто интересных дел нету! Я вот, пока мамы нет, уже целый город из кубиков построил, кошку в ведре искупал и порядок в шифоньере навёл: всё оттуда вытащил и под столом сложил. Правда, и вытаскивать особо нечего было: Людмилкин старенький сарафанчик, из которого она уже выросла, мамина косынка в горошек и моя летняя панамка. Мама говорит, что до войны вещей в шифоньере было больше, но теперь настало «после войны», и вещи куда-то подевались. На «плечиках» осталось висеть Людмилино платье, в котором она в школу ходит, «форма» называется. Но – высоко, я не достану. Может, если стул подставить... Ну, это потом как-нибудь. А пока лучше на горшке посижу, песни попою, а то что-то долго никого нет.

Ацяявтейные гязки,
Ацяявайи вы меня.
В вас много зизни, много йаски
В вас много стьясти и огня!

Распахнувшаяся дверь чуть не ударила меня по лбу. Людмилка пришла!

– Ну, чего ты на дороге расселся со своим горшком!

Ой, что-то она не в духе сегодня. На всякий случай я вместе с горшком подёрзнул ближе к столу.

– Люмилиска, ты стё?

Ну вот, я же говорил, что вслух у меня плохо получается! Она, однако, поняла. Подбежала, погладила по голове, заглянула в глаза:

– Прости меня, Бобышка-воробышка! Я не хотела!

– А цево ты пьядесь?

– Я и не плачу вовсе! Так! Просто скоро Новый год, у нас в школе ёлка ...

– А ёлка – это стё?

– Ёлка – это дерево такое. У неё вместо листьев – иголки. Её ставят в большом зале, зажигают свечи и хороводы вокруг водят.

Вот чудачки! Придумали тоже – дерево в дом ставить! Деревья должны на улице жить: там светло, просторно и головой в потолок не упрёшься! А иголки зачем? Нельзя ведь в деревья иголками тыкать! Меня мама летом вон как отругала, когда я хотел в берёзу гвоздь вколотить! Про свечи – это понятно. У нас, когда керосин кончается, мама тоже свечку зажигает. А вот эти ещё... Хороводы какие-то...

– ...И концерт будет. Все нарядные придут. А я опять хуже всех. Даже воротнички на форме старые. У Лорочки вон новые, кружевные...

– А это как?

– Ну, как-как! Это по всему воротничку такие дырочки маленькие, а по краешку – фестончики такие волнистые. Не понимаешь? Ну зубчики!

Людмила вздохнула.

– Ладно, ну их, эти фестончики! Ты давай слезай с горшка да игрушки свои убери, а я пойду на кухню, суп подогрею.

Ушла. Суп греть – это надолго. Пока керогаз разожжётся, пока на него кастрюлю поставишь... Огонёчек у керогаза маленький, слабенький, а кастрюля с супом большая, пока нагреется... В общем, время у меня есть! Успею!

Что надо делать – это я сразу понял, ещё когда Людмила про фестончики объясняла. Чего тут непонятного: сам воротничок – с дырочками, а по краю – зубчики! И чтобы из-за такой ерунды моя сестрёнка плакала? Подумаешь, трудности – дырочек наделать! Тем более, я знаю, куда мама ножницы прячет!

Так, первым делом ножницы с этажерки достать. С этим я быстро управился. А теперь стул к шифоньеру подтащить, да так, чтобы не стукнуть. А то Людмила на кухне услышит, никакого сюрприза не получится! Эх, надо было всё-таки раньше потренироваться, сейчас бы быстрее дело пошло. Да уж теперь чего об этом думать! Притащил я стул, взобрался – воротнички Людмилины как раз у меня перед носом оказались. Вот и хорошо! Сейчас я их! Будут знать, как Людмилку расстраивать! Ножницы взял – чик-чик-чик! – вот вам фестончики! Чик-чик-чик! – вот вам кружавчики!

Ножницы обратно на этажерку положил, стул в угол пихнул. А тут и Людмила с кастрюлей явилась.

– Садись, – говорит, – Боба, за стол, я тебе супу налью.

– А ты?

– Я маму подожду. Ты ешь, ешь, а я пока форму поглажу.

Достаёт она форму из шифоньера. Ну, думаю, сейчас радости будет! У меня даже щёки улыбаться приготовились! А Людмила вдруг поворачивается ко мне, лицо у неё белое-белое, а из глаз слезинки быстро-быстро капают. Тут уж я не выдержал, так мне её сразу жалко сделалось! Подбежал к ней, за коленки обнял и тоже в рёв! А она на пол опустилась, по голове меня гладит и пальчики мои целует – там, где на них полосы красные от ножниц остались. И всё приговаривает: «Бобышка-воробышка мой! Бобышка-воробышка!».

Татьяна ЗУБКОВА, *член Союза писателей Приднестровья*
(Тирасполь)

СЕГОДНЯ БУДЕТ РОЖДЕСТВО...

Сегодня будет Рождество! Весь город в ожидании тайны, он дремлет в инее хрустальном и ждёт: свершится волшебство...

Сегодня будет Рождество... Уже угасает зимний день. Солнце прячется за горизонт, и в его последних лучах искрится чистый белый снег. Подбивает вьюга, и всё с ветром кружится в вальсе. Кружатся и снежинки – жемчужинки в серебряной вьюжной пыли. Зажигаются окна в домах, фонари – на улице, а снежинки под ними превращаются в маленькие алмазики.

Снег на земле и деревьях блестит и переливается серебряными узорами. Вьюга перебирает свои «драгоценности» в сказочной зимней стране и не может налюбоваться своим богатством. Небо становится тёмным и высоким. Сквозь вьюгу слышится колокольный звон. И на небе появляется первая Звезда. Её ждут не дождутся.

Светлый праздник Рождества!
Нет счастливей торжества!
В ночь рождения Христова
Над землёй зажглась звезда.

Утихает вьюга. И уже «не снежинка на ладонь падает, а ангел белый» ... Он принёс благую весть о рождении Христа. Первая Звезда указывает путь волхвам к месту Его рождения. За первой Звездой на небе появляются другие, и вот уже яркая луна танцует в золотистой россыпи звёзд. Наступает самый светлый, чудесный и загадочный праздник – Рождество! Начинается волшебство. Рождественская ночь похожа на сказку. Она таинственна и непредсказуема. Считается, что в эту ночь над миром властвуют и тёмные, и светлые силы.

Есть такое поверье, что в рождественскую ночь с небес на землю спускаются ангелы, но никто их не видит. Ночью, когда люди спят, они входят в каждый дом и оставляют там всего понемногу: доброты, счастья, здоровья, радости, удачи. В праздник Рождества в дом приходит благая весть, которая дарит людям Надежду в счастливое будущее, Веру в чудеса, Любовь друг к другу и братьям нашим меньшим. Главная Звезда, ярко вспыхнувшая в ночном небе, приносит в дома счастье, а в сердца людей умиротворение, спокойствие. В этот вечер люди

собираются у ёлки за столом с праздничной кутьёй, чтобы почтить Христа, который своей смертью спас всё человечество. Каждый год христиане празднуют его рождение. Светлый праздник Рождества несёт в дома уют, благополучие, тепло сердец. Это время взаимных угощений, веселья и радости.

В дни рождественские надо
Совершать одно добро:
Помогать хотя бы словом,
Тем, кому не повезло:
Безуспешного – утешить,
Безучастного – простить,
И хотя бы своих ближних
Научиться нам любить!

Рождество приходит в каждый дом весёлой колядой и ожиданием чуда. Даже взрослые становятся детьми и верят, что в этот день могут исполниться все их желания. С Рождества начинаются Святки.

Вечера святые – Святки,
К нам с добром стучатся.
Скоро запоют колядки,
Смех, веселье к нам примчатся.

Святки – самый богатый праздник на обычаи, обряды, приметы, суеверия. Это время необыкновенных происшествий, странностей, самая загадочная и таинственная двухнедельная пора, время чудес и осуществления желаний.

Вот пришли к нам святые зимы вечера,
Долгожданные зимние Святки...

Начало святочных дней отмечалось весело и радостно. Во время Святков принято ходить в гости, дарить друг другу подарки, устраивать массовые гуляния, игры и гадать. Самый красочный обряд – ходили ряжеными с пением колядок с пожеланиями здоровья, благополучия хозяевам и получали за это награду – угощение и деньги. Наряжались все, кто хотел, – и взрослые, и дети. Чтобы не быть узанными, лицо разрисовывали сажей, приклеивали усы и бороду из пакли. Было принято разделять Святки на «святые» вечера и «страшные». В «святые» вечера проходили ночные посиделки – с весельем, плясками, а в «страшные» – гадания. Это одна из главных святочных традиций. После «святых» вечеров всегда было много свадеб. Во время посиделок, игр молодёжь больше общалась. На Святки многое разрешалось. Только в святочные дни юноши и девушки сидели рядом. После первых рождественских колядок молодые собирались в какой-то тёплой избе, начинались игры, пляски. Даже самые строгие родители отпускали своих дочерей на святочные посиделки.

Ещё одной святочной традицией было собираться всей семьёй по вечерам, звать гостей и рассказывать страшные сказки, разные небылицы, загадывать загадки, говорить о чём-то необычном, таинственном и загадочном. Дети и молодёжь днём катались на санках, играли в снежки, веселились, пели, а вечером собирались на посиделки, слушать всякие истории.

А теперь представьте далёкую уральскую деревню два-три века назад, засыпанную снежными сугробами. Тёмная морозная ночь. Под ногами хрустит снег. Деревья опустили свои лохматые ветви. Где-то далеко слышен смех, крики, песни – там молодёжные забавы.

В тесной избе в печи трещат дрова, ветер гудит в трубе, замёрзшие окна, скребутся деревья своими иззябшими ветками, на печи мурлычет кошка, свернувшись в клубочек. Мерцает свеча. Это изба моей прапрапрабабушки Явлении. Среди детей сидит маленькая девочка Настенька и, затаив дыхание, слушает сказку за сказкой. Самый любимой у неё была сказка о Снегурочке. Через много лет такими же длинными святочными вечерами она расскажет эту сказку своим детям. Сказка завоюет ещё одну девочку – мою будущую прабабушку Веру. Она запомнит её на всю жизнь и будет рассказывать своим детям. Моя бабушка Надя выросла с этой сказкой и в свою очередь рассказывала её мне и сестре, когда мы были маленькими. До сих пор сказка о Снегурочке моя любимая. Я столько раз слушала её, что помню наизусть. В ней нужно ещё и петь. «Снегурочка» – настоящая святочная сказка, её знают только в нашей семье. Все девочки (мои прабабушки и бабушки, моя маленькая мама) проливали слёзы от жалости к Снегурочке, к её дедушке и бабушке. Я иногда представляю себя в те далёкие времена в тёплой избушке на полатах с другими детьми. Мерцает свеча, а может быть, лучина. За маленькими окнами на улице какие-то шорохи, стонет, наверное, бесится нечистая сила. По стенам блуждают тёмные длинные тени, от которых становится ещё страшнее. В избе очень тихо, только за печкой скребётся мышь. Мы слушаем сказку о Снегурочке:

«Жили-были старик со старухой. И никого-никого у них не было. Однажды старуха говорит старику: «Пойди набери горшочек снега». Взял старик горшочек, пошёл во двор, набрал снега и принёс в избу. Перевязали они горшочек белой тряпочкой, поставили его у печи и легли спать.

Вдруг ночью их разбудил чей-то плач. Тоненький голосок пел:

«Дедушка потихоньку, бабушка помаленьку...».

Испугались старик со старухой, встали, зажгли свечу и увидели маленькую – маленькую девочку, она была совсем голенькая. Обрадовались старик со старухой, завернули её в чистую тряпочку и назвали Снегурочкой, потому что она появилась из снега, который был в горшочке. Утром старик пошёл в деревню и купил материал на маленькое платьице и красные туфельки. Старуха сшила Снегурочке красивое платьице, обула её в красные туфельки, заплела косичку. И стали они жить-поживать все вместе.

Старик со старухой не могли нарадоваться на свою внучку. И Снегурочка очень их полюбила. Прошла зима. Наступила весна, зазеленела трава, расцвели цветы. Однажды девочки из деревни пошли в лес по ягоды и позвали с собой Снегурочку. Но для Снегурочки не было корзиночки, и бабушка дала для ягодок блюдо. Пришли девочки в лес, стали собирать ягоды. Девочки – ягоды всё в рот, да в рот, а Снегурочка все ягодки собирала в блюдо для дедушки с бабушкой. Наступил вечер. Девочки заторопились домой, а корзинки у них пустые, а у снегурочки полное блюдо ягодок. Разозлились девочки и убили Снегурочку, поделили ягоды, блюдо разбили и зарыли глубоко в снег. Дедушке с бабушкой сказали, что Снегурочка заблудилась в лесу, потерялась. Бабушка с дедушкой звали Снегурочку, плакали, искали её, но не нашли. И остались они снова одни.

Опять пришла зима. Однажды по лесу ехали на санях дровосек с сыном. Вдруг они увидели на снегу зелёный кустик с красным цветочком. Мальчик решил сделать себе дудочку. Вырезал он из зелёной веточки дудочку и только поднес её к губам, как дудочка запела тоненьким голоском: «Дядечка потихоньку, мальчик, ты помаленьку. Две меня подружки убили, под кустиком схоронили, ягодки поделили, блюдечко разгромили, в снежное море пустили...».

Удивились дровосек с сыном, поехали дальше. Наступила ночь, подъехали они к деревне, постучали в первый дом и попросились ночевать. Это был дом бабушки и дедушки Снегурочки. Поужинали дровосек с сыном и рассказали про удивительную дудочку. Попросил дедушка у мальчика дудочку. Только поднёс её к губам, как дудочка сама запела тоненьким голоском:

«Дядечка потихоньку, мальчик, ты помаленьку. Две меня подружки убили, под кустиком схоронили, ягодки поделили, блюдечко разгромили, в снежное море пустили...».

Поняли тут бабушка с дедушкой, что случилось с их внучкой, заплакали они и рассказали дровосеку и его сыну про свою Снегурочку.

И снова остались старик со старухой одни-одни на всём белом свете...».

Сказка очень необычная. У неё нет счастливого конца. Очень грустная и жестокая. Но она меня до сих пор завораживает. Я вижу маленькую девочку, слышу, как жалобно поёт дудочка её голоском, как она жалуется дедушке с бабушкой. Это наша семейная сказка, она пришла из далёких святочных вечеров. Все маленькие дети нашей семьи растут с этой сказкой, она передаётся из поколения в поколение. И я чувствую связь со своими предками. Из глубины времён они продолжают жить с нами и по-своему оберегают нас от злых сил. Это уже традиция передавать сказку детям нашей семьи.

Но Святки подходят к концу. Последние дни их посвящаются подготовке к празднику Крещения Господня. Прорубаются проруби в замёрзших водоёмах в виде крестов: окунаясь в ледяную крещенскую купель, смываем мы с себя грехи. Так заканчиваются рождественские праздники, праздники добра, мира, тепла, света.

Светлый праздник Рождества
Дарит искры божества,
Мир приходит в каждый дом...
Поздравляем с Рождеством!

Арина КИРСАНОВА, десятиклассница
лица имени Милеску Спэтару (Кишинёв)

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ОЙ, СЕ ЛЯ ВИ, ИЛИ ЧЕРНОКНИЖНИК ИВАН ТАУКЧИ

Литератор, режиссёр, фотохудожник и ещё «многая, многая» Иван Таукчи выпустил очередную книгу. Точнее, выпек её на домашнем компе с непритязательной «виндой», мастерски используя все возможности «ворда».

«Ой, се ля ви!». Лучшие и не назовёшь это шаловливое дитя дружеской подначки, мудрой усмешки и интеллекта. Авторская книга. Авторское издание. Авторское видение. И авторская цензура! А всё вместе самое опасное творчество – самиздат, ведь в случае провала не спишешь всё на докучливого цензора или жадного продюсера. Но разве существует нормальное искусство без риска провала?

И, кажется, автор сознательно рискнул, собрав под одной обложкой столь разные по духу тексты. Но, доверив читателю сокровенное (книга «Ой, се ля ви!», по сути, сборник лучшего, что написано Иваном за многотрудную жизнь человека, любящего не себя в искусстве, а искусство в себе), Таукчи вправе требовать от него бережного и вдумчивого отношения к написанному.

Эссе, рассказы, кинематографические побасенки, путевые заметки, насыщенные драматургией дорог и приправленные пылью стёртых, в том числе и башмаками автора, до прозрачной пульсации Средних веков булыжников Кишинёва и Одессы, Берна и Кёльна, Брюгге и Антверпена; драматургия. Всё это Иван Таукчи, сообразуясь с корпоративными требованиями старинных печатников и книгоиздателей, компонует в отдельные разделы – шмуцы.

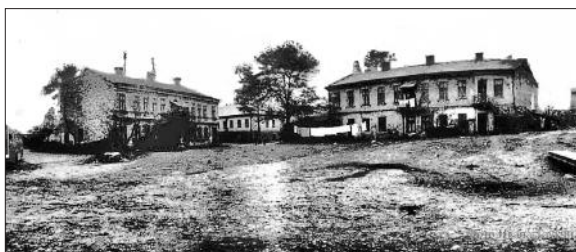
Шмуц «Пробуждение» – раннее, предкинематографическое творчество, четыре изумительных по композиции (и краткости, чёткости мысли и слова!) рассказа, которые сам автор озаглавил как «Записки бессарабского Казановы, однажды пролетевшего фанерой над Парижем».

Шмуц «Возвращённые портреты» дарит читателю радость узнавания знакомых персонажей кишинёвской богемы – в основном коллег Ивана по студии теле-

Переулок, ведущий к Главпочтамту, 1974 год

*Переход на Иринопольскую с улицы Пушкина.
1974 год*

Одесский переулок

Площадь Ильинского рынка

вина на фоне охранника бара – о своей неудавшейся жизни, муках творчества, радости обретения слова – почти литературный шедевр, если бы не склонность автора к подпоркам из цитат великих. Хотя сами цитаты того стоят: «Человек рождается на страдание, как искра, чтобы устремиться вверх». Слова библейского Иова. Прожитые и восчувствованные нашим современником Иваном Таукчи.

фильмов. Но самая трогательная новелла – рассказ о мэтре уличных фотографов, знаменитом репортёре кишинёвской жизни Нико Паралаксе. Не удержусь от вкусной цитаты:

Из кабинета вышел очень интеллигентный, с щегольскими усиками красивый капитан. Он натянуто улыбнулся и спросил Нико:

– Что вы фотографировали?

– Старый дом с прэ-красной лестницей сбоку! – искренне и почему-то с акцентом предков армян выпалил Нико.

– Зачем фотографировали?

– Я рысую старый Кишинёв! Чтобы нэ стоять с мольбертом, спэрва фотографирую!

– А кто вас уполномочил? – всё так же вежливо продолжал капитан, явно не удовлетворённый аргументами Нико.

Вопрос возмутил Нико до бледности лица и жара в желудке – и его понесло.

– Как уполномочил? Что ты гаваришь? Запомни, сынок, я снимаю нэ для сэбя, нэ для тэбя, нэ для дэнэг, а ... – тут он набрал в лёгкие воздух, – а для истории! Для истории! Панимаешь, мой дарагой?!

В шмуде «Се ля ви» размещён один из самых искренних и тонких по замыслу и исполнению рассказов Ивана Таукчи «Душевная соната для г-на С». Исповедь начинающего писателя бокалу

А далее вопрос в лоб автору книги.

— Иван, ты воспитан на образцах высокой классической культуры: Тарковский, Утрилло, Воннегут, Борхес, Бродский. Массовому читателю или зрителю эти творцы кажутся «высоколобыми»... И всё же все они творили не в башне из слоновой кости, расчёт на восприятие публики корректировал радикальность их высказываний. Почему ты, на мой взгляд, творишь без оглядки на массы? Не слишком ли элитарна, точнее, высокомерна такая позиция?

— Я художник, живущий в последнее время в Сети. Массового потребителя в Инете интересуют причиндалы, скандалы, хохмы ниже пояса, и он живёт, не чувствуя под ногами реальность. Реальность ему не интересна, а уж критическое её осмысление тем паче. Зомбирование заполонило не только потребителей, но и экзальтированную кодлу, толпящуюся вокруг Храма Искусств, которая со страстью Нарцисса рассматривает лишь собственный пупок к успеху и деньгам. Вся эта кодла плохо образована, не желает ничему учиться, но жаждет одного — мгновенно вскочить на котурны популярности любым путём и средствами.

Для наглядности сравни рок музыку 70-80 годов и современную попсу в 2-3 аккорда, упакованную в целлофан современной визуальной технологии. И кто эти самые миллионы «лайкающих» такому искусству? И кто такие эти зрители? Бездельники, ищущие любых развлечений? Или люди, пытающиеся осмыслить реальность? Художник не обязан угождать интересам такой публики и делает то, что ему самому интересно. А именно — мир человека и жизненные явления в их великом многообразии! Мне безразлична (тут было слово поэкспрессивнее, но я его заменил — А.Р.) публика, желающая лишь ловить кайф! Я ничем ей не обязан!

Кишинёвский самиздат как всплеск духовной жизни изучен мало. А скорее — не изучен совсем. Но не замечать сей феномен литературной жизни Молдавии,

*Перекрёсток улицы Ткаченко и проспекта
Штефана чел Маре, 1975 год*

Остановка на проспекте Молодёжи

Зеркальный переулок

бытования русского языка в мегалитическом, за века спекавшемся в едином слое других языков и культур, тоже неверно. Хотя бы потому, что Иван Таукчи упорно, стойко и бесшабашно занимается мало кем осознанной и описанной забавой – самиздатом.

Свои самиздатовские книги Иван Таукчи возводит подобно архитектору и строителю. Здесь парадные, где-то глубоко внутри – чёрный вход. Пандусы, лифты, солярии в пентхаузе и башенки в стиле ампира на крыше. Лепнина над окнами и еле видные (знаток всё равно оценит) барельефы своих учителей. Поэтому и оценивать книгу как сборник прозы с иллюстрациями – ход неверный и уводящий от сути. Здесь всё на своих местах; тексты, фотографии, начертания шрифтов, дизайн обложки – всё имеет значение, всё читается как большой текст. Самиздат – как самострой. Возможно, слишком вычурный для стороннего наблюдателя, но понятный, внятный, вкусный, как щекочущие язык пузырьки от газировки с сиропом по три копейки для кишинёвских почитателей творчества Таукчи.

Эта книга сразу вываливается на читателя с книжной полки. Ей тесно в унылом ряду правильных бытоописаний и незрелых мыслей. Непривычного формата книга, как шут на ярмарке, выскакивает из толпы с высунутым языком. Дразнит и увлекает за собой. Ещё бы дудочку – и вот она, как Крысолов, ведёт серую шуршащую массу за собой.

Опасно?! Конечно, ведь никто не гарантирует, что серая масса не зажуёт Крысолова. Но такой исход просчитывается любым вменяемым творцом как профессиональный риск! Поэтому оставим сомнения и доверимся самой книге. Ведь её цель – развлечь, обогреть, утешить. Вполне благородно и даже старомодно, ведь за «погляд» (а книга рассчитана прежде всего именно на смотрение, рассматривание, смакование взглядом) автор денег не берёт. Свято блюдя, кстати, завет своего Учителя А. А. Тарковского о бескорыстии искусства.

Да будет несчастен тот, кто назвал литературу беллетристикой! Вот запнулся бы он, прокаптал или зажевал пару звуков – и получилось бы чудное слово баллистика. Тогда феномен исследования реальности, звукоплетения и знакописи, по сути, отображение инаковости жизни, её заметных альтернатив и тайных троп получил бы прямодушное, но адекватное родовое имя.

Литература, как и искусство в целом, рождена из грубого материала жизни. Эта глубокая мысль Ницше недостаточно усвоена некоторыми собратьями по писательскому цеху – возможно, здесь и кроется главное заблуждение сочинителей «сюжетных» романов, блюдущих как самое святое принципы сторителлинга. Можно придумать потрясающую историю, авантурных героев, героическую кульминацию и святочный финал. Но, замешав всё это в звуки и обернув словесной шелухой, на выходе получить лишь невнятное, аморфное, лишённое плоти и кожи произведение.

Хотя, безусловно, всё это обрадует критиков. Вскормленное недостаточной писательской культурой, то есть отсутствием ремесла и умения проникать в жизнь, розовощёкое племя критиков, как амазонки на выкупанных в крови воинов боевых конях, будет резвиться, наращивая за счёт собственных измышлений интеллектуальный вес автора. Или, скорее, уничтожая его как творческую

личность. По счастью, Ивану Таукчи это не грозит. О его творчестве мало кто (а в последнее время никто) пишет. Тем самым оказывая ему неоценимую услугу – право свободного полёта.

Возможно, автор учился воспарять к творческим высотам, проживая в Латинском квартале нашего Кишинёва – в Нижнем городе. Здесь, неподалёку от Пушкинской горки, в 60-е годы была обитель непризнанных или только восходящих к признанию мастеров – живописцев, скульпторов, поэтов. Чудесный художник Михаил Бруня с ностальгией вспоминает, как его мастерскую в доме на Сергея Лазо периодически заливали нечистотами. Авторский гений молодых творцов воспарял поверх нечистот, как поверх барьеров. Иван Таукчи, начинающий сотрудник комбината «Кишинэу-фото», выполнив план по доходам, направлял объектив своего фотоаппарата на живописные подробности быта Нижнего города. Так из непримечательных наблюдений рождался изысканный авторский стиль, где объективизм срачивался с лукавой усмешкой, а реальность сама по себе раскидывала, как цыганские карты, свою магическую подкладку.

Чуть позже наработанные в документальной фотографии приёмы Иван Таукчи перенесёт на прозу и живопись. Вместе с товарищем, таким же энтузиастом самиздата Александром Бодягиным, он станет выпускать один из первых подобного рода рукописных изданий, журнал «Дилетант». Не случайно на обложке книги «Ой, се ля ви!» Иван размещает фото старенького уже в то время, а сейчас дико раритетного Rheinmetall Borsig. Из нутра этой печатной машинки выходили первые рассказы самого Таукчи, миниатюры в прозе Светланы Мосовой (она же Шифшкина С.), прелестные стихотворные строки Пани Кроликовой – незабвенной Аллы Юнко.

«Я до сих пор не знаю, отчего появляется зуд писательства? – вопрошает автор в предисловии к книге. – Этот феномен индивидуальный или Повелитель Астрала приказывает некоторым: «Эй, ты, бери ручку и сочиняй! Для Богоугодного дела ты подходишь?».

Заканчивается же книга таким авторским пассажем: «Дорогие мои! Будем читать или глазки строить? Я тут наворотил всякого за многие годы, а вам теперь расхлёбывать всё это. Но обещаю, скучно не будет!». А между вопросительным знаком первой сентенции и жизнеутверждающим восклицанием финальной страницы располагается удивительный корпус рассказов, эссе, публицистики, изысканные фотографии, рисунки и даже оттиск пригласительного талона комбината «Кишинэу-фото». Курт Воннегут, чьими глазами Иван Таукчи учился видеть окружающий дивный мир, по этому поводу высказался задолго до появления книги Таукчи: «Храните ваши старые любовные письма, выбрасывайте старые банковские выписки». Возможно, ученик слишком пунктуально выполняет советы мудрого учителя. Но ведь такова се ля ви, не так ли? Ой!

Андрей РОСТОВЦЕВ,

журналист, издатель, переводчик поэзии